
ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦАРСТВО АЛМАЗОВ
Максим Рыльский—
ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ
О. ВЕРЕЙСКИЙ РАССКАЗЫВАЕТ ОБ АМЕРИКЕ
Дмитрий Горюнов—
ЗДРАВСТВУЙ, КУБА!
Окончание
ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 15 (1764)

9 АПРЕЛЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

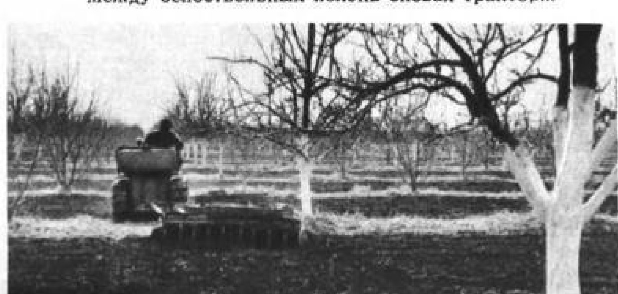

Солнце, свист скворца на старой груше, разноголосица петухов в селе—так встречают в эти дни весенние Парканы.

Механизаторы спешат: каждый порыв ветра уносит то драгоценной влаги.

Между белоствольных яблонь сновал трактор...

В стеклах парниковых рам отражаются тысячи со весна сюда приходит в феврале.

...Вот такие они, девушки из молдавского колхоза имени Ленина!

ВЕСНА ИДЕТ, ВЕСНЕ ДОРОГУ!

Николай БЫКОВ

Фото М. САВИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

Где и когда рождается весна?..

Весна идет от моря. Рушит санные пути, высвобождает из-подо льда реки, в моря превращает заокские и приднепровские луга, ярится у плотин, убирает сады в праздничный наряд. Вместе с ней на материк врываются сотни звуков: говор бегущей воды, шуршание запоздалых льдин, перезвон капели и еще посвист, вскрики, бормотание, клекот, гомон тысяч птиц. А сколько новых красок, красок сколько!..

Она каждый раз разная, весна! И на наших таких обширных землях тоже разная: в Подмосковье не такая, как за Волгой, а в Сибири не такая, как на берегах Кубани. Но какой бы она ни была, за ней приходят свет и тепло, приходят рано или поздно даже туда, где почва не оттаивает вовсе.

Я старался подсмотреть приметы нынешней весны в Молдавии. Она пришла туда задолго до цветения абрикоса, черешни, яблонь. Пришла без ледохода на Днестре: год такой. Было много солнца. Порывистые ветры гнули в дугу пирамидальные тополя. Девушки спешили в ателье. Болельщики «Молдовы» готовились к первым футбольным битвам на стадионе. На кишиневском рынке шла бойкая распродажа последних саженцев сирени и сливы, семян цветов и овощей. Парни в высоких папа-

хах, продав кто уток, кто вино, торопливо расплачивались возле лавочек за пестрые косынки — в колхоз возвращались с подарками.

О новых приметах третьей весны молдавской семилетки рассказал нам секретарь ЦК партии республики Иван Иванович Бодюл:

— Новая весна — это всегда новые хлопоты, новые задачи. Главная примета нынешней — замечательное настроение людей, душевный подъем, с которым они берутся за выполнение этих задач. О весне труженики наших сел задумались уже в январе, в дни работы Пленума ЦК КПСС. Сейчас у нас намечены колхозы, которые станут опытно-показательными хозяйствами. Создание таких хозяйств — это одна из ярких примет весны.

Опытно-показательное хозяйство... Какое же оно в жизни? Один из адресов: Тираспольский район, село Парканы, колхоз имени Ленина.

...И вот Парканы. Левый берег Днестра. Раннее утро: мы спешили сюда к восходу солнца. Вдоль реки тянутся сады. Яблони, окунувшиеся с плечами в холодный туман. Они только что были голубыми. И все вокруг было голубым. Но взошло солнце, и лучи его окрасили мир в розовый и в иные, родственные ему теплые цвета и оттенки — и те же вдруг пробудившиеся яблони, и сползающий к Днестру туман, и самый берег Днестра, и быструю воду его. А еще через минуту схлынула и розовая окраска. Теперь и берег, и сады, и дальние виноградники были расцвечены во все цвета радуги.

Солнце, роса, веселая морзянка жаворонка над парующей с утра пашней, мальчишеский посвист скворца на старой груше и нестройный, но оглушительный хор петухов в селе — такими встретили нас весенние Парканы.

Село древнее, ему лет полтораста, если не больше. Просторные, параллельно идущие улицы—каждая тянется на несколько километров. Найти правление колхоза нетрудно: десятки молодых и пожилых людей съезжались к нему в тот ранний час на велосипедах и мотоциклах.

Вся эта масса людей передвигалась, гомонила, чувствовалось нетерпение: скорее в поле, в сады, на виноградники. Глаз выхватывал наугад старых и молодых, парней и девчат; хотелось о каждом узнать подробности. Рядом с нами стоял комсомольский секретарь Митя Степанов. Он и рассказывал о людях.

— Вон тот? Так то ж Анатолий Бахчеван. Ничем пока не знаменит. Комсомолец, кончает в вечерней школе восьмой класс, он в механизированном звене кукурузоводов. Вырастит с напарником центнеров по сто — тогда будет знаменит!

Мы говорили о стройном пареньке с агатовыми глазами. Ладная телогрейка нараспашку, на голове не без кокетства сидит модная в добром смысле этого слова кепка.

— А то Николай Чмиль. Наше боевое пополнение. В канун Первомая будем принимать его в комсомол. Сейчас у нас пятьсот восемьдесят комсомольцев, а на демонстрацию выйдут шестьсот!..

Это виноградарь Николай Вельвич, комсомолец, баянист, — представил подъехавшего к нам велосипедиста секретарь.

— Первый парень на деревне?

— Да, только вполне современный! — с жаром возразил Митя. — Николай хоть и самоучка, но играет по нотам. Вообще-то у нас многие играют, но то все случайно. А Николай кружком руководит, дирижер!

Из правления вышел кряжистый мужчина, махнул кому-то рукой — и сразу десятка полтора парней и девушек полезли со смехом в кузов взревевшего грузовика. У каждого в руках цветастый мешочек с яйцами, яблоками, хлебом. Едут на весь день в поле — под солнце, под ветер.

— Видите парня у заднего борта? — продолжал Митя. — Это Гриша Цошко. Знаменит он был одним — хулиганством. С ним уж и так и сяк толковали... История длинная! А сейчас он в шестой бригаде — бригаде коммунистического труда. Таких в колхозе уже две. А Гриша словно переродился. Не то чтобы присмирел, а както в берега ушел. Поумнел, стал с характером...

Машина с девчатами, с Гришей Цошко двинулась в поле, а я подумал, что у каждого из этих хлопочущих, спорящих, веселых, а то и огорченных чем-то людей своя новая, неповторимая весна. Со своими, только им приметными знаками. Вот Гриша. Он весну встречает в лучшей бригаде колхоза, среди лучших людей. И сам становится лучшим. Его весна!

Быстро опустела площадь у правления. Зато многолюдно стало на кукурузных плантациях, в садах, на виноградниках. Весенний день год кормит. А сколько дел переделать надо за один весенний день! Надо заборновать поле — сохранить влагу. И раскрыть виноградники — европейские сорта, обрезать лишнюю лозу. В садах тоже вовсю идет обрезка. В теплицах собирают огурцы. Лето сюда приходит рано — еще в начале февраля в Парканах собрали первый в году урожай помидоров. Колхоз имени Ленина славен овощами!

Солнце, казалось бы, всюду греет одинаково, но когда попадаешь в парниковое хозяйство, невольно сомневаешься в этом: здесь припекает особенно крепко.

— Припекает и сверху и снизу, — смеется Матрена Пелтек, — ведь у нас парники на электрическом обогреве!

А сама Матрена Пелтек — хозяйка тепличного царства. По восемь килограммов огурцов собрала она уже с каждого квадратного метра. Одна она дала колхозу в прошлом году шестьсот тысяч рублей! Вокруг нее всегда зелено и солнечно, тонко поют пчелы.

— Приход весны я отмечаю только сердцем,— смеется Матрена, — потому что в моем хозяйстве зимы не бывает!

В общежитии первой фермы висит вымпел, на нем золотом вышито: «Лучшей доярке». Кто же лучшая? Девчата хохочут:

— Николаев Николай!

Вот тебе и доярка!.. Где же он? Но отвечать уже было некому: в белостенный городок животноводов прибыла автолавка; парней и девушек как ветром сдуло. Туфли, тенниски, босоножки, галстуки — все к весне, все к весне! Аня Очеретнова бежит с босоножками, Надя Николаева — с серьгами, Люба Шаталина — с яркой кофточкой. Тут уж не до разговоров! А между прочим, эти девчата надаивают по три с половиной тысячи и больше литров молока от коровы, их коллектив борется за звание коммунистического, у них на ферме все механизировано. Колхоз получает на сто гектаров угодий почти по четыреста центнеров молока. Для зоны садов и виноградников это очень даже хорошо!

Весна, весна!.. Ну, какая же она, какая в Парканах? У Героя Социалистического Труда Владимира Ивановича Степанова нелегкая. В прошлом году бригада Степанова дала колхозу более двух миллионов рублей. А нынче может дать еще больше! Но так много вокруг недоделок, неурядиц... Нет, например, проволоки, чтобы поднять весь европейский виноград, а если его не поднять, он погибнет на земле. Но проволоки нет. И взять ее негде. И оттого невесело на душе хозяина...

...Люда Балан радуется каждому листочку; она и дождю рада, и солнцу, и всему-всему живому. Весной все оживает — сад за окном, поле за садом, река за полем. И сама Люда, тонкая, как лозинка, будто просыпается, тянется к солнцу, к солнечным каплям весенних дождей. Последняя весна в школе, следующая — колхозная!

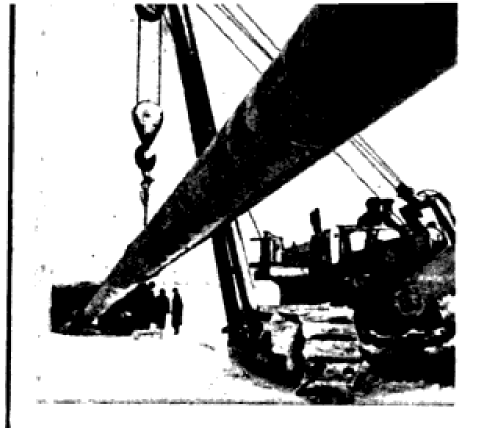
...У парторга Петра Ивановича Колдыря на сердце и заботы ветерана Степанова, и радость завтрашней колхозницы Люды, и заботы, радости сотен других товарищей. В колхозе тридцать семь бригад, более десяти тысяч жителей! Колхоз на виду у всей республики. Сюда едут учиться друзья, едут присматриваться к «советской действительности» недруги. То, что нет у Степанова проволоки, — плохо, нет резины для автомашин — очень плохо. А вот то, что Гриша Цошко стал человеком, — очень хорошо. И хорошо, что тяжелоатлеты колхоза удачно выступили в Тирасполе. И хорошо, что уже во многие дома пришел водопровод, в квартирах установлены ванны...

В колхозе сто семьдесят пенсионеров. И сто семьдесят стариков благодарят колхоз за заботу о них. Это их первая весна на покое! «Так можно прожить и до ста! Очень даже просто...» — тихо улыбается колхозный ветеран и пенсионер Николай Петрович Обручков.

После изменения масштаба цен в нашей стране многие колхозы-миллионеры стали экс-миллионерами: у их миллионов зачеркнули по нулю. А вот колхозу имени Ленина приставка «экс» не угрожает. В прошлом году доход его составил сорок три миллиона рублей. Это старыми деньгами. Но и новыми он получит в третьем году семилетки миллионов пять!

...И так во всем, так для всех — весна всегда богата новизной.

Весной распахиваются новые земли, высеваются новые сорта, выходят в жизнь новые специалисты; набухают и лопаются в полуденный час новые почки, рождаются новые завязи на плодовых веточках яблонь и груш... И открываются друг другу сердца людей. Быть может, в них-то, в сердцах людских, и рождается весна? Когда? Да всегда, когда люди с душой отдаются труду, когда их помыслы посвящены земле и миру на земле, всему светлому и теплому — весеннему!

НЕФТЕПРОВОД «ДРУЖБА НАРОДОВ» начинается в Советском Союзе, в Куйбышевской области, а затем пройдет по территории Польши, ГДР, Венгрии и Чехословакии.

Волга еще скована льдом, но строители нефтепровода работают в полную силу. Перед ними стоит сложная задача: проложить через реку четыре дюкера, каждый длиной в 8 295 метров.

Строители используют мощную технику: трубоукладчики, бульдозеры, тракторы, землесосные снаряды, сварочные агрегаты. Подводные взрывные работы ведет водолазная станция.

Соревнуясь в честь XXII съезда КПСС, строители нефтепровода хотят досрочно выполнить годовое задание.

На снимке: идет сварка дюкера, который проложат через Волгу.

Фото А. Брянова.

МОЛОДЫЕ ВРАЧИ ЛАТВИИ ЕДУТ НА ЦЕЛИНУ. Студентки Рижского медицинского института Л. Веревкина, Е. Силиня, И. Власкина, А. Смирнова и В. Гребенщикова, которых вы видите на снимке, несколько лет подряд убирали целинный урожай. Девушкам понравились те края, полюбились чудесные люди, работающие там. Первыми из выпускников института эти студентки решили ехать в Целинный край.

Фото Л. Пантуса.

ЭРЛС КОРТ. Название этого крупнейшего выставочного зала в Лондоне все чаще появляется на страницах британской прессы. 7 июля здесь откроется первая в этой стране советская выставка. Английская общественность, печать и деловые круги приветствуют решение правительств Великобритании и СССР о взаимном обмене выставками (английская в Москве откроется 19 мая в парке Сокольники).

На выставке в Лондоне будет представлено больше 10 тысяч экспонатов. 3,5 километра пройдут посетители, совершая увлекательное путешествие по Советскому Союзу.

Наука, промышленность и сельское хозяйство, культура и образование, здравоохранение и спорт — этим темам посвящены разделы выставки. Посетив их, англичане побывают в гостях у рыбаков Камчатки и нефтяников Каспия, заглянут в палатку исследователей-полярников и в квартиру жилого дома Юго-Западного района Москвы.

В. КОЛЕСОВ

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 4 апреля 1961 года. Прием товарищем Н. С. Хрущевым главы правительственной торговой делегации Китайской Народной Республики.

Фото А. Устинова.

В КАИРЕ состоялась Третья конференция народов Африки. На трибуне — глава делегации борющегося Конго Антуан Кивева. Он показывает участникам конференции номер итальянского журнала «Вие нуове», в котором опубликованы фотографии, разоблачающие убийц героя конголезского народа Патриса Лумумбы.

В МОСКВЕ по личному приглашению Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева с официальным визитом находится главнокомандующий вооруженными силами Бирманского Союза генерал Не Вин с супругой. Гость из дружественной Бирмы был принят Н. С. Хрущевым, имел встречи и беседы с советскими государственными деятелями, ознакомился с достопримечательностями столицы.

На снимке: генерал Не Вин во время посещения МГУ.

Фото М. Савина.

4 АПРЕЛЯ в Москву прибыл в качестве личного гостя Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева премьер-министр Афганистана Его Высочество Сардар Мухаммед Дауд с супругой. На снимке: Н. С. ХРУЩЕВ и САРДАР МУХАММЕД ДАУД на Внуковском аэродроме.

Фото В. Янкова (ТАСС).

ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И АСПИРАНТАМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФАКУЛЬТЕТА Московского педагогического института пришла хорошая мысль — собрать коллекцию своих произведений и устраивать выставки в школах города и области.

На снимке: открылась художественная выставка в школе № 1 Дзержинского района.

Фото Б. Кузьмина.

→

ОТЗОВИТЕСЬ, ДРУЗЬЯ!

В АДРЕС Москва, „Огонек"

Уважаемые товарищи из «Огонька»!
Пишет вам Иван Неюв, шофер.

У меня остались с войны два снимка. В наше село Румянцево, Ловечской околии, в первые месяцы 1945 года пришли советские связные. До конца войны в селе остались трое солдат, которых вы видите на снимках: Василий Тарасов (справа), Николай (с гитарой) и третий — имя его я позабыл. Мы были большими друзьями. Но после того, как расстались, потеряли связь друг с другом. Я получил только карточку Василия Тарасова, которую и посылаю.

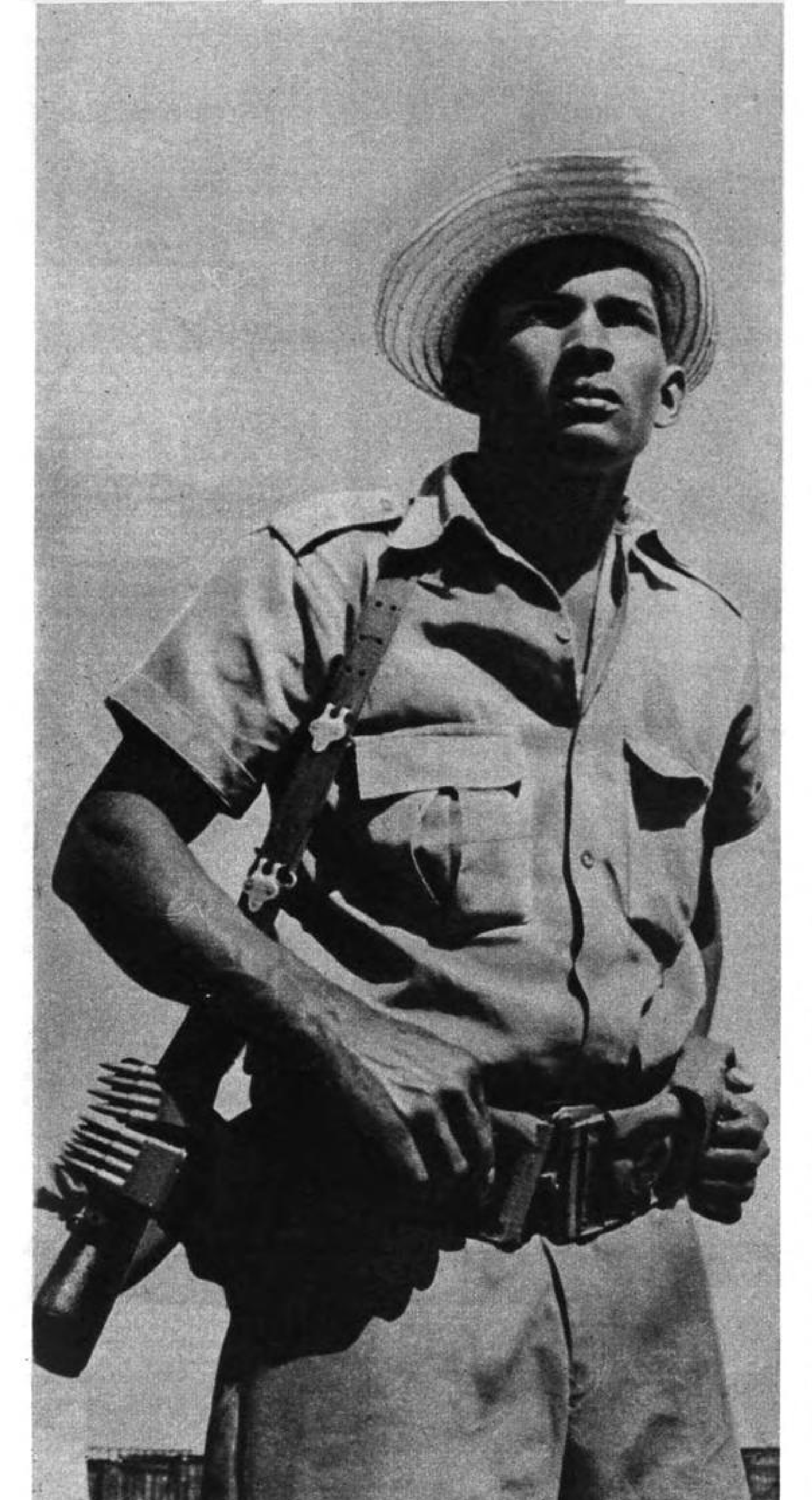
Моя просьба к вам: если возможно, опубликуйте эти снимки в журнале «Огонек». Мне очень хотелось бы узнать что-нибудь о моих старых друзьях.

С дружеским приветом
Иван Неюв.

София.

Боец крестьянского отряда народной милиции.

Здравствуй, КУБА!

Дмитрий ГОРЮНОВ

10. Первая красавица

В одном селении провинции Орьенте нас ждал сюрприз: «настоящий деревенский ужин по-кубински». В темноте ходили в какую-то пристройку к сельскому ресторанчику, смотрели, как над тлеющими углями на вертелах жарят целиком молодых поросят. Стол был уставлен блюдами с черной фасолью, рисом, овощами. С нами ужинали активисты села — прокаленные на солнце бойцы народной милиции, с винтовками и автоматами. Странно было видеть среди них очень юную, хрупкую, большеглазую девушку в нарядном платье. Это была Алисия — первая красавица села; такое звание ей присвоено было лишь накануне, и она вся светилась радостью.

Глядя на девушку, невольно думалось: как совместить проходившую в эти дни всеобщую мобилизацию народной милиции с конкурсом красоты? Традиционностью деревенской жизни? Но, вернувшись в Гавану, мы стали свидетелями любопытной картины. Мимо пулеметных гнезд, обложенных мешками с песком, мимо нарядов народной милиции в вестибюль «Гавана Либре» впархивали юные красавицы (ими, как и сахарным тростником, богат остров): в отеле проводилась запись претенденток на звание «первой красавицы Кубы».

Жизнь есть жизнь. Мы часто сталкивались на Кубе с подобными контрастами. Тревожно. На улицах взрываются бомбы, подбрасываемые контрреволюционерами. А в это время в дешевых ресторанчиках танцуют веселые парочки, бренчат гитары, кипят страсти болельщиков на традиционных петушиных боях. В одном селе нам показали это «сражение». У молодых петушков ощипаны грудь, брюшко, «цыплячьи ножки». Шпоры подрезаны. В настоящем бою на них надевают острые пластмассовые наконечники. Сегодня «импрессарио» обвязал петушиные шпоры бинтами, и петушки задиристо бросились в бой... Драка как драка. Когда вечером мы проезжали тем же селом, нам не без гордости рассказали, что оба петушка одержали верх над «противниками» из соседней деревни.

Во всех этих фактах проявлялся не только веселый нрав народа, но и его спокойная уверенность.

Но вернемся к Алисии. Вездесущие мальчишки, собиратели автографов знаменитостей, которые нашлись даже в этом удаленном от больших городов местечке, попросили у Алисии автограф. И тут наша красавица засмущалась, покраснела, стала шептаться с подругами. Девушка была неграмотна.

Во многих городах и селах мы встречали юношей и девушек двенадцати — четырнадцати лет, которые учатся во втором и даже первом классе. Они пошли в школу после революции. Встречали взрослых людей, по убеждениям, преданности революции, энтузиазму вполне готовых руководить строительством новой экономики Кубы, но... неграмотных.

Два миллиона — одна треть населения Кубы — неграмотны! И это в стране, которая находится не где-то у черта на куличках, а всего в девяноста милях от самой развитой капиталистической державы, претендующей на руководящую роль в западном мире! Здесь остро чувствуешь лицемерную ложь о «культурной миссии», о «просветительской роли» США. Да знают ли «благодетели», в каком невежестве и темноте они держат своих «братьев по континенту»? И это в дни величайших достижений науки и техники, в дни невиданного прогресса!

Революционная Куба хочет покончить с отсталостью, дать своему народу грамотность, открыть дорогу к знаниям.

Мы прилетели на Кубу в канун Нового года. Гавана была в праздничном наряде. Всюду елки, покрытые инеем, деды-морозы, разноцветные шары. И елки, и иней — чисто условные. На улице тропическая жара, люди держатся поближе к тени...

Новый год на Кубе не просто традиционная, извечная смена одного года другим. Начало января совпадает с годовщиной кубинской революции, круто повернувшей жизнь народа этого острова.

Едем на встречу Нового года. Оказывается, празднование состоится в бывшем «Пентагоне Кубы» — главных военных казармах Батисты. Сейчас здесь школьный городок и министерство просвещения республики. Огромное спортивное поле заставлено столами. Собираются нарядно одетые люди, звенят колокольчики, ходят девушки в бумажных колпаках, с трещотками. Десять тысяч учителей — те, кто дает детям хлеб образования,— собрались на праздник. Приехали Фидель Кастро, президент Освальдо Дортикос, другие деятели революционного правительства.

Новый, 1961 год объявлен на Кубе годом образования. Не сразу воспринимается это: учеба в столь напряженное для страны время? Но приходит на память 1920 год, третий съезд комсомола, знаменитая речь В. И. Ленина... Советская Россия в кольце иностранной блокады, кругом разруха, голод, а вождь революции говорит молодежи в солдатских шинелях: ваша задача состоит в том, чтобы учиться.

Куба смотрит в будущее. А строить жизнь по-новому, двигать вперед хозяйство могут люди образованные, специалисты своего дела. Таких сейчас на Кубе мало, всюду ощущается нехватка подготовленных, да и просто грамотных людей. Как решить сложную задачу подготовки квалифицированных кадров?

— Превратить военные казармы — оплот батистовского режима — в школьные городки,— сказала революция.

Мы видели крепость Монкада в городе Сантьяго-де-Куба. Штурмуя ее, сложили головы многие сторонники Фиделя Кастро. Ныне в казармах, перестроенных в классные комнаты, звучат детские голоса. И так по всей стране — сорок тысяч детей учатся там, где раньше пытали революционеров. В каждом новом квартале, деревенском поселке в первую очередь строится школа.

Помимо классных комнат, детям нужны учителя. За два года их подготовлено свыше десяти тысяч. И сейчас учителя есть в са-

Окончание. См. «Огонек» №№ 13 и 14.

мых дальних районах острова. Куба — единственная страна Латинской Америки, где все дети уже сейчас могут ходить в школу. По плану Организации американских государств, предполагается, что только к 1970 году в этих странах будет решена проблема школьного образования. За два года в обучении детей кубинская революция достигла того, чего не сделали колонизаторы за полтора столетия. Два года и сто пятьдесят лет — убедительный пример созидательной силы революции.

Многое изменилось в содержании школьного образования. Об этом рассказал нам министр просвещения, молодой человек с живыми, внимательными глазами, Армандо Харт.

— Вся система образования в прошлом — это бегство от действительности. Риторика, зубрежка в самом худшем виде. Школьников, студентов не приучали думать, анализировать, размышлять. Наша мечта — создать школу, идущую в ногу с общественным развитием, с жизнью, с практикой, с производительным трудом. Мы пока не поспеваем за расширением школьной сети, но торопимся с созданием новых программ, учебников, перестраиваем систему подготовки педагогических кадров.

Широким фронтом развертывается борьба за ликвидацию неграмотности среди взрослого населения. Главное внимание — сельским районам, где процент неграмотных особенно высок. Сюда скоро направится целая армия юношей и девушек; они добровольно взяли на себя почетную задачу научить читать и писать крестьян. Сто тысяч таких молодых учителей готовятся только в Гаване. Скоро, разбившись на бригады, они выедут в сельские районы, будут жить вместе с крестьянами, обучать их чтению и письму, помогать в труде.

Каждый из нас привез с Кубы по два учебника, выпущенных там массовым тиражом. Один предназначен для чтения, другой является как бы наставлением к жизни. Помимо грамоты, книги учат понимать, что такое революция и что она дает простым людям; что такое национализация промышленности и аграрная реформа; кто имеет право на жилища; что такое империализм и что означают война и мир. В учебниках дано изложение Гаванской декларации как программы нынешнего этапа кубинской революции. Учебники в популярной, доходчивой форме объясняют насущные жизненные вопросы, учат людей пониманию революционного процесса.

Вот как объясняют учебники отдельные понятия:

«ИНРА (Национальный институт аграрной реформы).

Аграрная реформа родилась на Сьерра-Маэстра.

Аграрная реформа предоставляет землю крестьянам.

Аграрная реформа успешно проводится в жизнь».

«ЗЕМЛЯ.

Крестьяне уже хозяева земли.

Крестьяне обрабатывают землю.

Кубинская земля богатая».

«КАЖДЫЙ КУБИНЕЦ — ХОЗЯИН СВОЕГО ДОМА.

Не будет ни хижин, ни особняков в ближайшие годы.

Сейчас строится много домов.

Много домов для всех».

«МИЛИЦИЯ.

Мы едины в защите родины.

Милиция — это народ.

Каждый кубинец — милиционер.

Бдительный и дисциплинированный милиционер».

Фидель Кастро сказал недавно: «Куба является первой в Латинской Америке страной, которая имеет нужное количество учителей начальной школы; Куба будет первой страной в Америке, включая сюда и Соединенные Штаты, которая полностью ликвидирует неграмотность».

...Алисия, первая красавица селения в провинции Орьенте, как и тысячи ее сверстников, научится грамоте, овладеет культурой, чтобы успешнее строить свободную родину. Первая красавица Антильских островов — Куба — будет не только первой свободной территорией Америки, но и первой на континенте по грамотности и культуре народа.

11. Знамя Латинской Америки

Путешествуя по Кубе, то и дело встречаешься с гостями из многих стран Латинской Америки. На праздновании годовщины революции на Гражданской площади в Гаване мы сидели рядом с уругвайцами и чилийцами. В городе Санта-Клара на открытии новой школы встретились с делегацией аргентинских профсоюзов. В районе Сьенага де Сапато смотрели мелиоративные работы вместе с молодыми людьми из Панамы и Эквадора.

Посланцы Латинской Америки пристально вглядываются в лицо новой Кубы. Они становятся очевидцами радостных перемен, которые происходят здесь каждый день.

В селе торжества — безземельным крестьянам вручают акты на право владения землей. Жители трущоб переезжают в благоустроенные дома; в Сантьяго-де-Куба доживают последние дни страшные трущобы Монсана-де-Гомес, безработные переселяются в новый поселок, который получил очень точное название: «Радостный взгляд». Органы министерства социального обеспечения учат людей, как пользоваться газом, электричеством, водопроводом,— до этого многие никогда не жили в человеческих условиях. Рыбаки Мансанильо выезжают в море на новых моторных барках, полученных в кредит от государства; они объединились в кооператив и сдают рыбу государству, а не хищникам-перекупщикам. Открываются все новые народные лавки, где крестьянин может приобрести необходимые товары, причем на некоторые из них цены снижены на одну треть. В горных районах, где раньше не знали врачебной помощи, открываются диспансеры. В самых красивых уголках страны строятся народные пляжи, что-то вроде наших однодневных домов отдыха: за небольшую плату трудящиеся могут получить здесь койку, комнату, небольшую квартирку.

Не перескажешь всего того нового, что уверенно входит в жизнь кубинцев вместе с революцией и что вызывает восхищение простых людей латиноамериканских стран. Что будет, когда народы этих стран осознают, что и они, подобно кубинцам, могут стать полноправными хозяевами своей родины, ее природных богатств? Что тогда будет? Здесь, думается, мы подошли к самому драматическому моменту в понимании положения Кубы. Американские монополии пострадали от кубинской революции, лишились огромных прибылей. Но Куба — небольшая страна, всего шесть с половиной миллионов населения. И Америка может, в конце концов, смириться с такой потерей.

Пример Кубы — вот что самое опасное для американского империализма! Двести миллионов человек живет в Латинской Америке. Эти двести миллионов до сих пор исправно приносили колоссальные доходы владельцам банков Нижнего Манхэттена, что в Нью-Йорке. Двести миллионов считались верноподданными западного полушария — обетованной земли североамериканских монополий. И вдруг одна из маленьких стран этого заповедника колониализма поднимает знамя национальной независимости, провозглашает себя свободной территорией Америки! А когда ее хотят поставить на колени, душат блокадой, стремясь лишить хлеба насущного, она не сдается. По ее призыву на рейдах Гаваны, Сантьяго-де-Куба, Мансанильо, Матансас появляются корабли с нефтью, хлопком, пшеницей, тканями, машинами из Советского Союза, Китайской Народной Республики, Чехословакии, ГДР, Польши, Японии, Финляндии, Швеции, ОАР, Индии. С этим империализм янки смириться не хочет...

Пожалуй, самый популярный лозунг на острове: «Куба — си, янки — но!» (Куба — да, янки — нет!). Эта фраза, как клятва, звучит на митингах, ее распевают в дружеской компании, произносят вместо приветствия при встрече. Знают ли об этом простые американцы, любящие свою родину, задумывающиеся о ее роли в мире? Знают ли они, что самое страшное в своей жизни — гнет сахарных монополий, безработицу, нищету, проституцию, коррупцию, грязные хижины, голод, болезни, высокомерие богатых туристов — кубинцы связывают с империализмом янки? Не пришло ли время американскому народу посмотреть в лицо фактам и спросить ответ у «сильных мира сего» за их политику в отношении Кубы? Да только ли Кубы? Лозунг «Куба — да, янки — нет!» звучит сегодня во многих странах континента, становится девизом национально-освободительной борьбы всех народов Латинской Америки.

Чем вызвана эта глубокая ненависть к империализму янки? Об этом языком образов говорит в своей новой поэме «Песнь о подвиге» великий чилийский поэт Пабло Неруда:

Когда Нью-Йорк, как золото, блистает,
гордясь домами с пятьюстами баров,
я утверждаю — в стенах этих зданий
есть пот людей из сахарных плантаций.
Как ад зеленый — заросли бананов,
чтобы в Нью-Йорке пили и плясали.
И это, кровью харкая, чилийцы
шагают в горы на пять тысяч метров,
чтоб медь добыть и отослать Нью-Йорку.
Сознание теряют боливийцы
от голода, ломая скалы в Андах,
чтоб олово добыть в своих пещерах,
и Ориноко из воды глубокой
в грязь рассыпает искры бриллиантов.
Землей Панамы, выкраденной ими,
похищенным каналом пароходы
идут в Нью-Йорк с добытой нами нефтью,
везут руду, украденную, нашу,
и им ее с поклоном преподносят
диктаторы, сверкая орденами.

Куба показывает всем странам Латинской Америки путь избавления от зависимости, нищеты, неграмотности, болезней, угнетения. Ее опыт учит, что для этого не нужны подачки богатого северного соседа. Для этого требуется лишь одно: изъять национальные богатства из рук иностранных монополий. Роль Кубы, как вдохновляющего примера, как знамени, вызывает злобную ненависть тех, кто хотел бы сохранить в западном полушарии прежние порядки.

Фидель Кастро говорил недавно: «Они хотят нанести поражение революции потому, что народ Кубы показывает другим народам Америки правильный путь к освобождению и справедливости. Еще два года назад американский империализм не думал о существовании Америки. А так как случай с Кубой показал ему, что Америка существует, империализм сейчас забеспокоился, но он беспокоится не о благосостоянии Америки, а о том, чтобы не потерять Америку. Американские миллионеры и те, кто представляет их в правительстве США, страшатся лишь одного: как бы не потерять свой бизнес в американских странах, свои нефтяные скважины, латифундии, как бы не потерять рабочих, работающих на них за гроши, как бы не потерять рынок для своих капиталов».

В аргентинской делегации, с которой мы встретились в Санта-Клара, была представительница женского движения. Она высказала любопытную мысль: «Сейчас в некоторых странах быть просоветски настроенным менее опасно, чем прокубински. Даже твердолобые буржуа понимают, что вы настолько окрепли, что с вами ничего сделать уже нельзя. А кубинская революция еще молодая, империалисты хотят, «пока не поздно», попытаться задушить ее».

Главное, хотя и избитое, средство — антикоммунизм. Народу Америки настойчиво внушается мысль: мы так много помогали «этим кубинцам», а они, неблагодарные, пошли против нас, «переметнулись к коммунистам»! Не высадиться ли нам на острове, чтобы вышибить из них красный дух? Печать монополий трубит о защите западного полушария от коммунизма, об освобождении Кубы от «коммунистической диктатуры Фиделя Кастро», раздаются воинственные призывы пресечь «экспорт кубинской револю-

ции в другие страны Латинской Америки». Под крики о несуществующем «экспорте революции» происходит наглый, открытый экспорт контрреволюции на Кубу.

Но задушить Кубу не так-то просто. Этого не позволят сделать трудящиеся массы Латинской Америки: их симпатии целиком на стороне кубинской революции. Этого не допустит кубинский народ: он бдительно стоит на страже завоеваний революции.

12. Пусть они попробуют!

Всюду на Кубе можно увидеть человека с винтовкой. Это не только бойцы революционной армии, которых мы чаще всего встречали в деревнях помогающими кооператорам в строительстве новых жилых поселков. Это рабочий, несущий дежурство по охране предприятия или общественного здания после окончания рабочего дня. Гуахиро обходит плантации сахарного тростника с винтовкой на плече. Девушки, народные учителя, занимаются военной подготовкой на широкой набережной Гаваны. Подростки из организации кубинского юношества «Молодые повстанцы» возвращаются с Сьерра-Маэстра, где они проходили трудное испытание — пятикратное восхождение на самую высокую гору Туркино. Это бойцы народной милиции, в которой состоит самая активная часть населения Кубы, начиная с Фиделя Кастро и президента Республики Освальдо Дортикоса. Это вооруженный народ. Люди с гордостью носят голубые рубашки бойцов народной милиции, по целым дням не выпускают из рук тяжелых автоматов, не снимают с плеча винтовку.

Но лишь по незнанию или злому умыслу можно говорить о какой-то воинственности кубинцев. Когда в прошлом, во времена испанских колонизаторов, американских оккупантов, или совсем недавно, в годы тирании Батисты, в дом входил человек с ружьем, это означало несчастье. Сейчас человек с ружьем есть во многих семьях. Кубинцы не расстаются с винтовкой и автоматом, постоянно держат палец на курке: к этому их вынуждают.

Мирные, добрые, веселые люди, они хотят собирать сахарный тростник и бананы, выращивать рис и хлопок, пасти стада, добывать руду, перерабатывать нефть, ткать ситец, делать сигары, строить города, учиться писать и считать. Они готовы в поте лица работать, трудиться, но трудиться на себя. Но, оказывается, это естественное и законное право кубинцев жить так, как они хотят, не нравится их соседу.

Всякая подлинная революция неизбежно сталкивается с контрреволюцией, с потоками лжи и клеветы. Советские люди, пережившие гражданскую войну и интервенцию, хорошо это знают. Перед Кубой жизнь также поставила вопрос: или революция сокрушит контрреволюцию, или контрреволюция задушит революцию. Третьего не дано. Кубинцев не хотят оставить в покое. Вот почему, работая, строя, они вынуждены не расставаться с винтовкой.

Первые дни нового, 1961 года на Кубе были днями драматических контрастов. Это были дни, когда в США бесславно уходило с политической арены правительство Эйзенхауэра. Последним оскалом волчьих зубов явился заговор против революционной Кубы. Было намерение спровоцировать военный конфликт, развязать интервенцию, поставить новую администрацию США перед совершившимся фактом. Как снежный ком, нарастали события. Взрывы на улицах Гаваны. Пожар в большом универсальном магазине «Эпока». В горах Эскамбрай сброшена новая партия оружия: двадцать ящиков с автоматами, снарядами, базуками, взрывчаткой. В одном из ящиков записка: «Поскорее берите Тринидад, там вы получите оружие прямо в руки». Ящики сбрасывали на парашютах с четырехмоторного военного самолета, летевшего с потушенными огнями. Вечером 3 января США разорвали дипломатические отношения с Кубой...

Маленькая Куба не испугалась ярости могущественного соседа, не растерялась. Как раз в эти дни подул северный ветер. О набережную Гаваны с грохотом ударялись волны, пенистые валы перекатывались через парапет, накрывали проходящие мимо машины. «Это разгневанный дух Вашингтона обрушивается на Кубу»,— шутили никогда не унывающие гаванцы.

Куба приготовилась к отпору. С каждым часом Гавана меняла облик. У государственных учреждений, около отелей — вооруженные отряды милиции. Баррикады из мешков, набитых песком. На крышах небоскребов — зенитные пулеметы. Тяжелые орудия на набережной. Здание американского посольства окружил женский батальон народной милиции. При входе в магазины проверяют портфели, дамские сумочки: случается, именно в них проносят взрывчатку. На мостах, переездах, в тоннелях усиленные наряды военных.

Первый день нового года. Воскресенье. Утро солнечное, жаркое. Решаем искупаться, едем на пляж Мегано. Не тут-то было: пляж закрыт, занят отрядом народной милиции. Люди внимательно следят за побережьем. С моря можно ждать высадки десанта. Беседуем с милиционерами. Настроение у людей самое боевое, приподнятое. Командир батальона лейтенант народной милиции Суарес Карреро до последнего времени работал агентом в гаванской таможне. В батальоне шестьсот человек: рабочие, студенты, служащие. Замечаем среди них подростка. Это Серхио Гонсалес, пятнадцатилетний ученик средней школы, сын погибшего революционера.

— Кем хочешь стать, Серхио?

— Я прежде всего хочу быть революционером, служить родине. А потом хочу быть инженером.

— Молодец, мальчик,— одобряет Карреро.— Служить революции — первое дело.— И, уже обращаясь к нам, командир задумчиво говорит: — Я поклялся своему сыну, что не сниму милицейской формы, пока родина не будет в безопасности. По профессии я человек мирный, но если надо... Дальше этого холма мы не уйдем. Умрем вместе со своей тенью!

По дорогам Кубы в эти дни двигались грузовики, забитые вооруженными людьми,— это в траншеи, на охрану побережья, в горы Эскамбрай уходили отряды народной милиции. У мостов, железнодорожных переездов машины резко тормозили: асфальт изрыт, дорога подготовлена к минированию. Часто встречаются ажурные арки с кумачовыми призывами. Около арки толпа женщин, дети. Здесь лагерь народной милиции. Мужчины проходят военную подготовку, а матери, жены, дети принесли обед, терпеливо ждут, не удастся ли перемолвиться словечком с уходящими в окопы.

На пути из Санта-Клара в Ольгин такой лагерь расположился в бывшем загородном спортивном клубе. На зеленом поле бойцы проходят строевую подготовку, стреляют по мишеням.

Уже несколько дней живут люди в лагере. Здесь голое поле — ни крыши над головой, ни коек. Спят на земле, подложив под голову у кого что есть. Но никто не жалуется. Бойцы проходят испытание — шестидесятикилометровый марш с полной боевой выкладкой. К этому относятся как к делу чести. Каждый скорее упадет без сознания, чем признается, что не может продолжать похода.

13. Террористов — к стенке!

Хосе Вадия, кооператор из провинции Орьенте, бывший рабочий «Юнайтед фрут», сказал нам: «Они пытаются вернуться, они в горах Эскамбрай».

Кто они? В провинции Лас-Вильяс, где находятся горы Эскамбрай, мы познакомились с лейтенантом армии, руководителем местной организации «Движения 26 июля» Педро Лабрадором. Педро молод, горяч и в то же время застенчив. У него удивительно добрые, восторженные, широко расставленные глаза. Одет он в ярко-красную рубашку, в военные брюки; одна штанина заправлена в высокие башмаки, другая — навыпуск. Я не раз видел такую небрежность в костюме военных и склонен подозревать, что это какой-то особый шик. Ремень, которым перетянута тонкая талия лейтенанта, оттягивается тяжелым пистолетом с запасными патронами. Мы прозвали Педро Петькой, так он напоминал своей внешностью и характером героя из фильма «Чапаев».

— Хотите познакомиться с контрой? Это можно,— сказал нам Петька.

Ночью едем в помещение оперативного отдела армии. Нам разрешают присутствовать при допросе двух арестованных контрреволюционеров. Один высокий, рыжеватый; второй пониже ростом, чернявый, с торчащими ушами. Он заметно волнуется, глотает слюну. Говорит все больше рыжеватый, а другой ему лишь поддакивает. Оба в куртках на «молниях». Чернявый без рубашки, в одной майке, грудь закрыта голубым шарфом.

Высокий — Антонио Гарсия Креус, двадцати одного года, из Гаваны. Он единственный сын крупного торговца. Учился на факультете социальных наук Гаванского университета, до этого окончил три курса экономического факультета в университете Вильянуева. Чернявый — Хосе Фернандес Планес, двадцати двух лет, инженер-химик, тоже из семьи торговца.

Антонио был арестован, когда поднимался в горы Эскамбрай. Он пытался присоединиться к группе, которая должна была подавать сигналы американским самолетам, сбрасывающим оружие контрреволюционерам, засевшим в горах. Хосе обвиняется в заговорщицкой деятельности и был арестован в Гаване. Антонио и Хосе знают друг друга давно, вместе учились, оба католики.

— Вы шли в горы, чтобы сражаться против революции?

— Да.

— Вас можно считать врагами революции?

— Да.

Арестованные признают, что они вступили в контрреволюционную студенческую директорию, которая борется против революции террористическими методами. Оба противники аграрной реформы и национализации промышленности.

— Имели ли вы контакты с посольством США?

— Наши представители находятся в Майами, и, очевидно, они связаны с разведывательным управлением США. Они могли знать, что мы пошли в горы.

— Знали ли родители о вашей контрреволюционной деятельности?

— Отец не знал, но догадывался,— отвечает Антонио.

Оба не женаты, у обоих невесты.

— Знали ли невесты о ваших настроениях?

— Знали и возражали.

Жизнь, будущее, любовь предостерегали их, а они бросились в объятия контрреволюции и сейчас сидят перед строгим судом революционного правительства. Как раз в эти дни на Кубе был принят закон: контрреволюционеров — к стенке!

Мы много ездили по стране, беседовали с ее руководителями, с рабочими, крестьянами. У всех твердое настроение: Кубе не страшна внутренняя контрреволюция, не страшны наемники, готовящиеся в Майами, в Гватемале. Единственное, что представляет реальную опасность для Кубы,— прямое военное вмешательство США. Совершится ли оно? Об этом каждый день пишут газеты, говорят радиостанции, высказывают предположения видные международные обозреватели.

Может быть всякое. Но кубинцы решительно говорят: «Пусть они только попробуют!»

Я не знаю, какие сведения получает разведывательное управление США от своих агентов на Кубе. Но когда кубинцы говорят: «Родина или смерть!» — этому можно верить. Они готовы умереть, но победить.

14. Встречи с Фиделем Кастро

В Гаване наша журналистская делегация несколько раз встречалась с вождем кубинской революции Фиделем Кастро. Мы видели его на встрече Нового года, беседующим с народными учителями о предстоящей большой работе по ликвидации неграмотности, в окружении ближайших соратников, на праздновании второй годовщины революции, слушали его речи на многотысячных митингах, которыми вот уже третий год бурлит революционная Куба. Увидеть Фиделя (кубинцы чаще всего зовут его просто по имени) совсем не трудно не только жителям Гаваны, но и людям из самых дальних уголков острова. Он редко бывает в своем кабинете в здании На-

ционального института аграрной реформы на Гражданской площади столицы, а все больше разъезжает по стране, непосредственно участвует во всех важных событиях. Вручает крестьянам акты на владение землей, открывает новые школьные городки, руководит действиями отрядов народной милиции в горах Эскамбрай, где засели контрреволюционные банды, часто наведывается в кооперативы, интересуясь, как идет строительство жилищ для крестьян и как ведется работа по освоению новых земель, что делается, чтобы покончить с монокультурностью, превратить сельское хозяйство в многоотраслевое.

По привычке, усвоенной в период партизанской борьбы, Фидель ночует там, где застает его ночь; за его лимузином постоянно следует джип с походной постелью, самыми необходимыми книгами.

Ежедневно Кастро встречается с десятками людей. Постоянное общение с массами дает ему превосходное знание настроений кубинцев, их чаяний, он хорошо представляет обстановку на острове, трудности, с которыми сталкивается революция, пути их преодоления. Все это мы чувствовали, слушая страстные выступления Кастро. С каждым днем проникаясь все бо́льшим интересом к этому человеку, мы с нетерпением ждали обещанной беседы с ним.

Наконец едем. Встреча будет далеко от Гаваны, в районе Сьенага де Сапато, куда должен заехать Фидель, возвращаясь из провинции Лас-Вильяс. К вечеру добрались до крокодилового питомника, дальше путь водой. В быстро наступившей непроглядной темноте, как это бывает в тропических странах, под фантастически яркими звездами плывем на катерах каналом мимо низких, топких берегов, потом широкой лагуной. Мотор на нашем катере «зачихал», а вскоре и совсем заглох; наступила та удивительная ночная тишина, когда особенно остро работает воображение. Все думали о предстоящей встрече с Фиделем Кастро: каким его увидим, как сложится беседа...

Я вспоминал встречи с Кастро в Нью-Йорке в сентябре прошлого года. Как были встревожены американские власти приездом на сессию Генеральной Ассамблеи ООН кубинской делегации во главе с Фиделем! Накануне было объявлено решение ограничить его продвижение в Соединенных Штатах нью-йоркским районом Манхэттен. Даже здешние газеты называли эту меру «верхом раздражительности», «триумфом глупости», «идиотизмом». Самолет, на котором прилетел Фидель Кастро в Нью-Йорк, загнали к самому дальнему ангару аэродрома. Пятьсот полицейских оттесняли тысячи сторонников революционной Кубы, собравшихся на встречу с плакатами: «Да здравствует Куба!», «Наша революция — надежда народа!», «Все кубинцы поддерживают Кастро!». Владельцы крупных отелей вели себя нагло: одни заявляли, что «для бородатого лидера кубинской революции свободных мест нет», другие заламывали баснословную плату. Фидель решительно отверг вымогательство: «Я не собираюсь позволять себя грабить. Это не мои деньги, а деньги кубинского народа». Он едет в ООН, чтобы заявить: «Мы останемся здесь или пойдем в любое место, даже в Центральный парк. В горах мы привыкли спать под открытым небом».

Фидель Кастро со своими воспитанниками.

Фото Нины Кармен.

В конце концов кубинская делегация нашла приют у негров США, поселившись в негритянском квартале Нью-Йорка — Гарлеме — в отеле «Тереза». «Это был оазис в пустыне», — сказал Фидель. На другое утро сюда приехал навестить Кастро Никита Сергеевич Хрущев. Визит Хрущева произвел на кубинцев неизгладимое впечатление. При следующей встрече Кастро говорил Никите Сергеевичу: «Вы не можете представить, как мы вам благодарны. Не было случая, чтобы руководитель великой державы по собственной инициативе приехал к представителям маленькой страны, да еще в такой район, как нью-йоркский Гарлем».

Эта вторая встреча состоялась 23 сентября на Парк-авеню, в здании советского представительства при ООН. Вечером на обед к Никите Сергеевичу Хрущеву приехали Фидель Кастро, Антонио Нуньес Хименес, Рауль Роа и другие члены кубинской делегации. Фидель рассказывал о положении на Кубе, о революционных преобразованиях, которые осуществляются там. Хрущев и Кастро обменивались впечатлениями о первых заседаниях Генеральной Ассамблеи, о насущных проблемах, которые ей предстоит обсудить. В задушевной, дружеской беседе, перемежавшейся шутками, незаметно проходили часы. А в это время постоянно дежурившие у здания нашего представительства многочисленные корреспонденты американской прессы сгорали от любопытства: о чем так долго говорят Хрущев и Кастро? «Мы говорили о мире», — ответил на их вопрос Фидель, покидая особняк на Парк-авеню.

А через два дня мы слушали его выступление на Ассамблее. Он вышел на трибуну переполненного зала стеклянного небоскреба на Ист-Ривер в своем обычном костюме: защитного цвета рубашка с красно-черными погонами майора повстанческой армии, такого же цвета брюки заправлены в высокие башмаки. Кастро говорил без конспекта, все время обращаясь к собравшимся, подкрепляя слова энергичными жестами. Многих тогда поразила его манера говорить; слушая его, казалось, физически ощущаешь рождение живой, бьющейся мысли. Четыре с половиной часа звучал в стенах ООН глуховатый голос Фиделя; не только друзья, но и те, кому претит существование свободной Кубы, слушали его с напряженным вниманием. Нельзя было оставаться равнодушным, слушая человека, который в столице американских монополий, долгие годы наживавшихся на горе и страданиях кубинского народа, с огромной страстью, мужеством и глубочайшей убежденностью отстаивал интересы своей страны, ее недавно обретенную свободу, право кубинцев самим вершить собственную судьбу. Впервые в истории ООН на ее сессии не состоялся грустный спектакль, во время которого латиноамериканские страны послушно подчинялись дирижерской палочке богатого соседа. Впервые с ее трибуны прозвучал голос свободной Кубы. Устами Кастро говорили народы континента, борющегося за свое полное освобождение от американских монополий.

28 сентября я был в аэропорту Айдлуайлд, когда Фидель Кастро возвращался в Гавану. Он летел на советском самолете «ИЛ-18»; все кубинские самолеты, находившиеся в Нью-Йорке, были конфискованы. На короткой пресс-конференции Кастро обратил внимание корреспондентов на этот факт. «Советский Союз — наш друг. Здесь же, в Соединенных Штатах, власти грабят у нас самолеты». И «под занавес» Фидель остался верен себе: не допускать ни одного случая ущемления суверенитета Кубы.

На Кубе мы много узнали о яркой личности Фиделя. Выходец из богатой помещичьей семьи, он уже в юности порывает с интересами своего класса и становится на путь революционной борьбы. В Гаванском университете, где Фидель учится на юридическом факультете, вокруг него группируется революционно настроенная молодежь. 26 июля 1953 года молодой адвокат во главе отряда смельчаков штурмует батистовскую казарму Монкадо. Силы неравны, выступление жестоко подавлено. Чудом оставшийся в живых, Ф. Кастро оказывается на скамье подсудимых военного трибунала. Защищая себя и дело, за которое дрался, он произносит знаменитую речь «История меня оправдает». Затем тюрьма на острове Пинос, эмиграция в Мексику. Здесь Фидель и его сторонники настойчиво готовятся к высадке на остров. Осенью 1956 года отряд революционеров на небольшой яхте «Гранма» отплывает к берегам Кубы. Яхта попадает в шторм, люди терпят бедствие, теряют связь с теми, кто должен был встретить их, указать место высадки, поддержать. Охрана обнаруживает яхту, и у измученных штормом людей не остается выбора, они высаживаются на болотистом, заросшем кустарником берегу.

Мы были на месте высадки экипажа «Гранма». От сельской дороги к морю ведет тропа из камней и песка; она насыпана недавно для удобства экскурсантов. Слева и справа — болотные плавни, в ямах ржавая, пахнущая гнилью вода, скелеты высохших деревьев, а ближе к морю — сплошные заросли мангли; цепкие корни, как на картинах Ван-Гога, переплелись в какие-то дьявольские, змеиные клубки. Казалось, сама судьба решила помешать Кастро и его сподвижникам, как в старых сказках злые силы, пытаясь остановить героя, преграждают путь то дремучими лесами, то бурными реками, то сплошными горами.

Несколько минут назад мы ошиблись дорогой и оказались в чудесном уголке. Всего в каких-нибудь пятистах метрах от места высадки Фиделя сухой песчаный берег, тенистые пальмы. А тут топь, зеленая жуть. Нечеловеческими усилиями люди с вещевыми мешками и оружием выбрались на сухое место, но здесь их ждала другая преграда — военные отряды Батисты. В горы Сьерра-Маэстра добрались лишь двенадцать человек, двенадцать из восьмидесяти двух. Но эти двенадцать — Фидель Кастро, его брат Рауль, Камило Сьенфуэгос, Эрнесто Гевара и другие — сказали: «Дни диктатуры сочтены». Через два года, в ночь на 1 января 1959 года, революция победила. Фидель Кастро стал руководителем революционного правительства Кубы.

...На выручку нашему катеру пришел быстроходный глиссер, мы перебрались в него и вскоре были у цели. Высадились на небольшом островке и по деревянным мосткам дошли до легкого щитового домика. В нем две комнаты: спальня с узкими койками в два этажа и столовая — длинный дощатый стол и газовая плита. Вскоре услышали гул мотора, и через несколько минут в домик, широко шагая, вошел Ф. Кастро; он возвращался из дальней поездки, был голоден, и мы сели ужинать. Высокий, широкоплечий, с мускулатурой спортсмена, Кастро казался за столом еще крупнее.

За ужином и долго после него Фидель отвечал на наши вопросы, рассказывал о современном этапе кубинской революции, о планах на будущее. Говорил он, как всегда, увлеченно, горячо, как бы убеждая нас; задавал вопрос и тут же сам отвечал на него, словно полемизировал с невидимым оппонентом; как и во время публичных выступлений, оттенял слово энергичным жестом, а рассказывая о расстановке сил в деревне, разломил сухую лепешку на разные по величине куски, разложил перед собой и показывал, где кооперативы, где мелкие крестьянские хозяйства, а где кулаки. Говоря о серьезных вещах, как бы для разрядки, он переходит временами на шутку. Задев чашку и пролив молоко, сказал о себе: «Человек, вечно размахивающий руками. Видите, к чему это приводит». В другой раз положил зажигалку Вадима Поляковского в карман тужурки, спохватившись, рассмеялся: «Это у меня от привычки экспроприировать частную собственность». Вся эта непринужденность придавала рассказу Фиделя какую-то особенную силу воздействия. Мы лучше понимали, почему кубинцы любят слушать его, часами простаивая на митингах, не отрываясь от телевизоров.

— Вы видели, как живут рабочие народных имений, члены кооперативов? Раньше они не имели постоянной работы, жили в убогих хижинах. А сейчас у них есть заработок, жилье, их дети пошли в школу. Только у помещика были в доме вода, электричество, только его дети учились в школах, и только он пользовался спортивными площадками и пляжами. Теперь все это получают сельскохозяйственные рабочие.

Можно ли даже предположить, что рабочие и крестьяне позволят помещикам убедить себя в том, что надо отказаться от всего этого? Станут ли они сражаться за американские компании, за то, чтобы эти компании вернулись? Станут ли они добиваться возвращения помещиков?

Добираясь сюда, вы ехали районом, где живут тысячи семей угольщиков. Тут не было дорог, и торговцы скупали уголь по дешевой цене; не было учителей, врачей, не было магазинов. Сейчас построены дороги, есть учителя, врачи, появились народные лавки. Угольщики обходятся без перекупщиков, и у них скоро будут хорошие жилые дома.

Можно ли даже предположить, что эти рабочие будут сражаться в защиту помещиков и американских монополий?

Как видите, рабочий класс полностью поддерживает революцию, крестьяне поддерживают революцию, женщины и молодежь за революцию. На кого же может рассчитывать на Кубе империализм?

Кастро рассказывает, что в процессе революционных преобразований люди быстро растут, набираются опыта, приобретают организаторские навыки.

— Когда мы спустились с гор, перед нами сразу возникло много проблем, а опыта у нас не было. Мы оказались среди леса, полного всяких неожиданностей. Но теперь мы хорошо изучили этот лес, многому научились за эти два года. К тому же мы можем использовать все то, чему уже давно научились в Советском Союзе и в других социалистических странах; ваш опыт является для нас большим подспорьем.

Был уже четвертый час ночи, когда Фидель предложил ложиться спать. Утром он возил нас осматривать строительство домиков на сваях в старинном индейском стиле. «Это для отдыха трудящихся»,— пояснил Фидель. Пересев в автомашины, мы следом за ним заезжали в несколько кооперативов. Всюду Фиделя окружали крестьяне, дружески здоровались, звали посмотреть хозяйство. Фидель увлекается разговором и забывает о времени. Свернув на проселок к новому кооперативу, он, вероятно, вспомнил, что опаздывает. Его машина круто развернулась и на огромной скорости понеслась в сторону Гаваны.

Мы отстали, а когда приехали в город, увидели, что площадь перед президентским дворцом забита бойцами народной милиции. На трибуне стоял Фидель и, обращаясь к бойцам, возвращавшимся из траншей на предприятия и в села, призывал их, не жалея сил, трудиться на благо революции, но не забывать об опасности и держать ружье под рукой.

* * *

На географических картах мира Куба была окрашена в цвет, отличный от ее северного соседа. На самом же деле она являлась колонией. Ее голоса не было слышно в мире, и мир мало знал о жизни кубинского народа, его нуждах и чаяниях.

Благодаря революции, независимости, обретенной в упорной и смелой борьбе, героической защите завоеванной свободы миру раскрылась прекрасная душа маленькой, но великой Кубы. Кубу узнали во всем мире, радуются ее созидательной энергии, восхищаются ее мужеством и стойкостью.

Здравствуй, новая, свободная Куба!

АДЫГЕЙСКИЙ АУЛ

Исхак МАШБАШ

ПОКОРЕННАЯ

1

Ветер
в тучу собрал
тяжелую мглу,
и повисла мгла,
как свинцовый лист.
Молния
прыгнула
на скалу
и разбилась
на тысячи огненных брызг.
Забеспокоились аульчане:
такого
мы никогда не встречали...
Пляшет гром
на груди потрясенной горы.
Пляшет ливень.
Размашисто пляшет река...
Как спокойным будешь,
когда валы
на испуганный берег
плюют свысока?!
Как спокойным будешь:
река решила
погулять вовсю,
показать свою силу.
Почернела река,
взбунтовалась река,
рушатся, рушатся берега!

2

Запыхавшийся сторож,
промокший,
бежит с фермы,
будит спящий аул:
«Тревога!
Тревога!
Тревога!»
И аул поднимается,
как по команде,
мгновенно.
И соседние села
спешат ему на подмогу.
Над рекой, над горами
мечется мокрый ветер.
Темнота подступает к людям
стеною огромной.
Только люди
глазами,
сердцами себе
светят,
стали дамбой они
на пути воды разъяренной.
Гул ревущей реки —
особенно ночью —
страшен,
а еще страшнее
сама темнота ночная,
та, в которой
в жестоком, зверином раже
наступает река,
густая, слепая, шальная!
Наступает река!
И уже ничего не слышно.
Только грохот реки,
торжествующий
и откровенный.
Только яростный грохот.
Река на равнину вышла!
Полчаса еще — и не будет
колхозной фермы...

3

Люди не заметили,
как утро настало.
Люди не заметили,
как это было.
Люди не заметили,
как руки устали.
Но люди заметили:
река отступила.

В КОЛХОЗНОЙ СТОРОЖКЕ

Словно белая лошадь,
идя кругами,
гривой распластанной
слившись с небом,
ржет метель,
жеребца пугая!
Ржет,
седлая сторожку снегом...
А в колхозной сторожке
у конюхов
пахнет кожей,
жмыхом
и сеном.
Здесь, в колхозной сторожке,
тихонько,
как обычно, течет беседа.
Здесь кукуруза,
жесткая, желтая,
возлежит на плите
величаво и крупно.
А потом обжигает
руки тяжелые.
А потом обжигает
сухие губы...
Здесь слова не пустяк,
не семечки.
Здесь слова
остры, как кинжал.
Здесь слова
горячи, как пожар.
Здесь они
не знают осечки...
Молчаливые горцы,
суровые, строгие,
здесь становятся
в меру болтливыми.
До чего ж я люблю
в колхозной сторожке
сидеть вечерами длинными,
разговоры слушать,
то вежливо-хитрые,
то серьезные, то колючие,
отражать с улыбкой
остроты ехидные
и шутить над соседом
при случае...
Никогда здесь не сыщешь
случайных людей.
Здесь решают и судят
по совести.
Обсуждают
прошедший в заботах день,
обсуждают
последние новости.
Здесь о будущем спорят
светло и подробно,
здесь простой разговор,
здесь мечты наяву,
здесь обычная жизнь...

Как она полнокровна!
Как я горд,
что этой жизнью
живу!

Перевел с адыгейского
Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

На заводе синтетического каучука в Сумгаите. Комсомолка Лариса Булатова (справа) по окончании Азербайджанского института нефти и химии пришла на завод и работает начальником смены бутановой группы. Таня Фонина приехала сюда на практику из Омска, где она будет работать на строящемся заводе синтетического каучука.

Фото Дм. Бальтерманца.

Космос становится ближе

Доктор физико-математических наук, профессор В. В. ДОБРОНРАВОВ

Снова и снова весь мир восхищается блистательной победой советской науки и техники. Снова первые полосы газет гласят: новый советский корабль-спутник прокладывает человеку путь в космос!

Свершается извечная мечта человечества. И не удивительно, что впереди всех стран мира в освоении межпланетного пространства идет советский человек — строитель самого передового, справедливого и гуманного общества на Земле.

По команде с Земли

Очень много вопросов требуется решить прежде, чем в космос направится первый человек.

Одна из главных проблем—возвращение космического корабля на Землю — успешно решена советскими учеными. Но необходимо также обеспечить безопасность космического пассажира, создать необходимые условия для его нормальной жизнедеятельности. В связи с этим большое внимание уделяется устройству герметической кабины.

«Жилище» космонавта

Сначала «жилище» космонавта — герметическую кабину — испытывали в различных условиях на Земле. Затем она отправилась в первый пробный полет вокруг нашей планеты. Это было 15 мая 1960 года, когда запустили первый советский космический корабль-спутник. Находившаяся на корабле герметическая кабина была оборудована всем необходимым для осуществления будущих полетов людей. А вместо живого космонавта в нее поместили груз, соответствующий весу человека.

Полет корабля-спутника позволил решить важные научные и технические задачи. Прежде всего была проверена надежность старта, а затем и полета по заранее заданной программе. Во время полета корабля по орбите приборы точно выполняли команды, поданные с Земли. Обработка принятых наземными станциями данных показала, что в течение всего полета в кабине поддерживались условия, необходимые для нормального существования человека.

Первый пробный полет корабля-спутника подтвердил правильность основных положений, принятых в основу проектировавшегося космического корабля.

В следующих запусках космических кораблей-спутников для определения влияния полета на жизненные функции организма, проверки действия космических лучей и многих других фактов участвовала целая иерархия живых существ, и в том числе собаки Белка, Стрелка, Чернушка, Звездочка, которые благополучно вернулись на Землю.

На космических дорогах...

Первых разведчиков вселенной ждет немало неожиданностей и опасностей на неизведанных космических дорогах. При стремительном нарастании скорости возникает перегрузка. Ее власть простирается на все время работы двигателей. А когда они отключатся, вступает в свои права невесомость. Находясь за пределами земной атмосферы, астронавты могут встретиться с крупным метеоритом. Такая встреча хотя и маловероятна, но возможность ее не исключена. Самая же большая неприятность, которая подстерегает человека в заатмосферных высотах,— это космические лучи. Опасна и рентгеновская и ультрафиолетовая радиация, которая постоянно пронизывает межпланетное пространство. Губительны для человека и взрывные процессы, периодически возникающие на Солнце. В это время намного увеличивается космическая радиация, которая становится опасной для организма.

Запуски космических кораблей-спутников уже дали науке богатейший материал. Запуск V корабля явился как бы еще одной репетицией перед полетом в космос человека.

1 и 2 800

Представьте себе такую картину. Высоко в небе с большой скоростью летит самолет. Вдруг он начинает пикировать. Скорость самолета в это время еще более увеличивается. А в момент выхода из пике, когда развитую до предела скорость приходится гасить, на летчика наваливается огромная тяжесть. Она вдавливает его в кресло, не дает пошевелить ни рукой, ни ногой, застилает пеленой глаза. Летчик на какое-то мгновение может потерять сознание. Это и есть действие так называемой перегрузки, когда вес летчика как бы подскакивает, увеличивается в несколько раз.

Примерно то же самое, только в более значительных масштабах, происходит при старте космической ракеты. Если в это время космонавт будет стоять или сидеть, то у него произойдет отток крови от головы к ногам. Легче переносятся перегрузки в лежачем положении, когда сила ускорения направлена от живота к спине. Считают, что подобным образом можно перенести 18-кратное увеличение веса. Вот почему при конструировании «жилища» космонавта — герметической кабины — не должна быть забыта возможность пребывания человека в лежачем положении. Конечно, немалую помощь может оказать и специальный противоперегрузочный костюм.

Еще в 1891 году К. Э. Циолковский открыл интересный способ защиты всего живого от усиленной тяжести. Он выдвинул идею— помещать астронавтов в жидкость, удельный вес которой соответствовал бы удельному весу человеческого тела. Советские ученые И. А. Рынин, А. П. Лихачев и другие опытным путем развили идею Циолковского. Они поместили в жидкость несколько лягушек и на специальных центрифугах сообщили им колоссальную скорость. Вес лягушек увеличивался в 2 800 раз! Несмотря на это, они остались целы и невредимы.

Практическое применение данного способа при осуществлении космических полетов связано с известными трудностями, неудобствами. Отсюда пока неясно, получит ли он путевку в жизнь.

Искусственный вес

Невесомость на космическом корабле возникает сразу же, как только перестают работать двигатели и центробежная сила при полете уравновешивается с земным тяготением.

Но, оказывается, невесомость не такая уж страшная штука, как думали вначале. Как показали опыты, это явление может сравнительно легко переноситься космическими путешественниками. Но все же оно причинит им и ряд серьезных неудобств. Поэтому для борьбы с невесомостью в кабине космического корабля, может быть, придется создать искусственное тяготение. Кабину корабля можно заставить вращаться вокруг оси. Тогда центробежная сила заменит земное тяготение. Некоторые ученые США предлагают воспользоваться и особыми башмаками с намагниченной подошвой. Тогда и человек сможет передвигаться по железному полу в разных положениях.

Атмосфера кабины

Находясь на Земле, мы мало задумываемся над тем, чтобы воздух, которым мы дышим, был чист, свеж, содержал определенное количество кислорода. Природа постоянно заботится об этом. А в герметической кабине космического корабля, сильно ограниченной размерами, быстро скапливаются выдыхаемый углекислый газ и другие продукты жизнедеятельности организма. Каким образом обеспечивать постоянство состава воздуха, влажность, нужное барометрическое давление и температуру? Как и куда отводить тепло, выделяемое телом человека? Обо всем этом на космическом корабле позаботятся умные приборы-автоматы. Система кондиционирования во время пребывания человека или животных в кабине поддерживает неизменным состав воздуха. Нужные количества кислорода выделяют специальные химические соединения. Они же и поглощают углекислый газ и водяные пары. Таким путем может обеспечиваться постоянное равновесие между потреблением и выделением кислорода. Во время всех полетов животных на советских космических кораблях-спутниках приборы работали вполне удовлетворительно.

В свое время великий русский ученый К. Э. Циолковский предложил создать на космическом корабле искусственную атмосферу. Фабрикой воздуха должны служить оранжереи. Растения поддержат круговорот необходимых для жизни человека веществ, в первую очередь кислорода. Растения будут очищать воздух от углекислоты, выделяемой человеком. Они же будут служить пищей для космонавтов. Ныне эта идея находит все более широкое признание.

Наряду с оранжереями на корабле должен находиться и баллонный кислород. Для чего? На случай нежелательной встречи с крупным метеоритом, который может пробить кабину и разгерметизировать ее. Вот почему астронавты в космический полет, возможно, отправятся в скафандрах и специальных высотных костюмах. Но допустим, что в кабине образовался вакуум. Как быть в этом случае? Тут автоматически включается подкачка баллонного воздуха внутрь скафандра. Воздух и создает необходимое давление.

Таким образом, во время полетов в космос можно будет создать двойную защиту — коллективная герметическая кабина и индивидуальный скафандр.

Большую помощь в предохранении кабины от пробоя метеоритом могут оказать радиолокационные устройства. Заранее сообщая о надвигающейся опасности, они дадут возможность изменить курс корабля и тем самым избежать опасного столкновения.

Нити любви

Большого изучения требует и психология космических полетов.

Ведь во время космического путешествия астронавт должен находиться в сравнительно небольшой изолированной кабине. Он не ощущает привычных в обычное время раздражений, не видит знакомых земных ориентиров. Полная тишина, черная темень вселенной за окном кабины, нарушение ритма смены дня и ночи, состояние невесомости и связанные с этим ощущения, длительное пребывание без движения — все эти факторы могли бы угнетающе подействовать на человека. Однако постоянное наблюдение за приборами, научное мышление, тесная радиосвязь с Землей, чувство огромной ответственности перед матерью Родиной, пославшей его в этот беспримерный полет, и внимание всего земного шара не дадут «скучать» космонавту. Его полет вызовет лишь ощущение гордости и радости за величайшее достижение советского народа, за весь человеческий род, который он представляет. Непрерывающиеся, невидимые нити, нити любви будут связывать космонавта с Землей, давать ему силы и спокойствие.

На площади Ленина в Баку построена вертолетная станция. Отсюда вертолеты будут уходить на Нефтяные Камни, в Сумгаит и другие города республики.
Фото Дм. Бальтерманца.

Первая линия электропередачи между Мирным и Чернышевским.

Сверкаю

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Виктор СТАРИКОВ

Фото Я. РЮМКИНА.

Северная линия

Все было так, как предупреждали знающие люди. Февраль — везде зимний, холодный месяц, в Якутии и подавно. Если термометр показывал минус сорок, то в Мирном говорили: легкий морозец. Порой термометр опускался почти к шестидесяти градусам, плотный туман превращал день в длинные сумерки, становилось трудно дышать. Не всегда удавалось легко и быстро попасть самолетом в места, которые хотелось увидеть. Но все трудности поездки искупались картинами действительности, знакомством с людьми алмазного края.

Мирный — столица алмазного края — поразил. Это большой индустриальный центр. Порой забываешь, что он стоит на вечной мерзлоте, залегающей пластом на многие десятки метров. Корпуса многочисленных обогатительных фабрик, линии высоковольтных передач, высокие строительные краны... Четкие кварталы жилых двухэтажных домов. Так мал возраст города, что сохранились палаточные улицы, имеющие даже названия и почтовую нумерацию. Всего только три года назад обогатители дали первые алмазы. В прошлом году их добыли в Мирном в три с половиной раза больше. В конце же семилетки будут добывать более чем в двадцать раз. Вот размах!

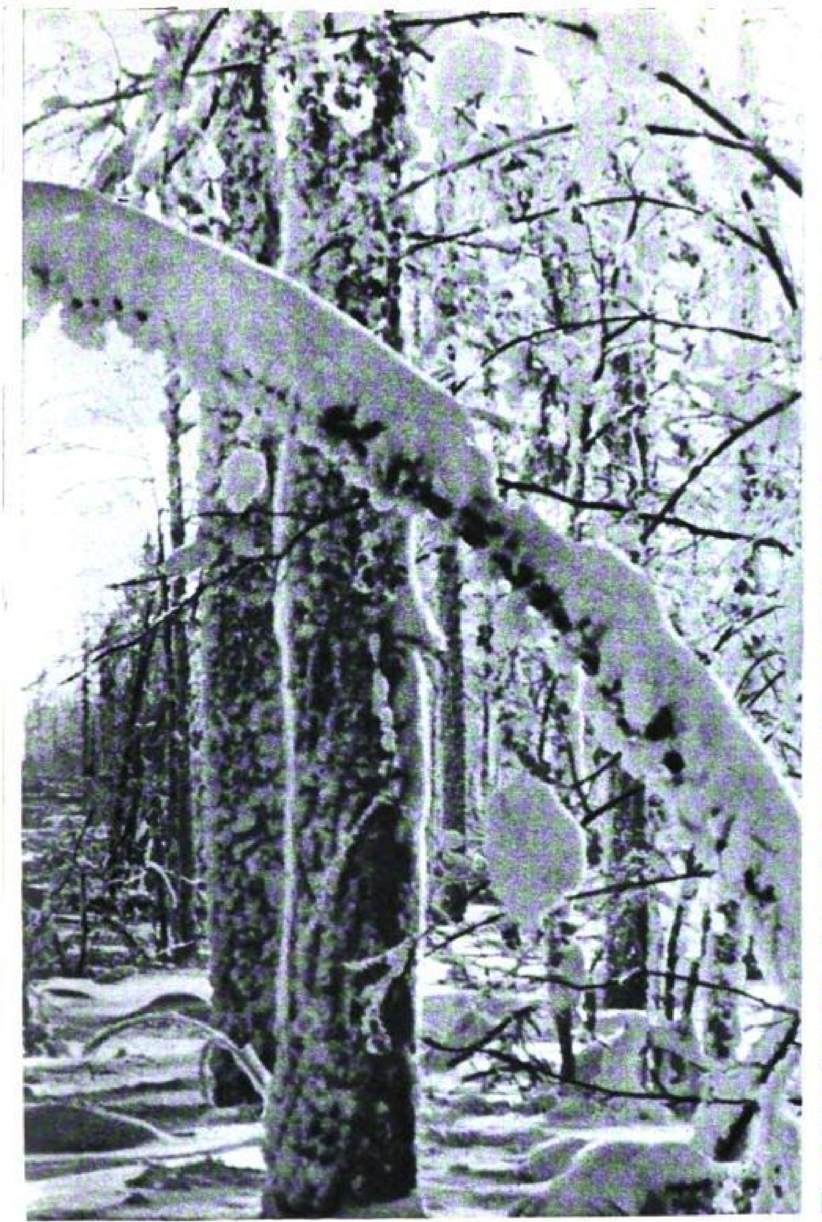
Знаменитая алмазная трубка «Мир», окруженная холмами, занесена снегом. Работают экскаваторы, везут породу мощные самосвалы, стучат бурильные станки. Мы ходим по трубке, и хочется ощутить всю огромную ценность земли под ногами, зеленоватой земли — кимберлита. Холодно и все будто обычно, как на любом горном предприятии Урала, Сибири. Обычно, но не совсем.

В небе видны два солнечных диска: одно солнце настоящее, яркое, второе—ложное, послабее, в каком-то мягком и нежном облаке. Ярко сверкает снег, крупными кристаллами осыпаны деревья и кусты. Порой они покрыты таким густым инеем, что кажутся выточенными из нового, неизвестного материала рукой искусного художника.

Алмазный край! Здесь любят эти слова и произносят их гордо. Это не метафора. Геологи, отдавшие много лет трудным поискам, подарили стране около сотни алмазных трубок. О них написаны толстые книги, изложена родословная каждой, приложены цветные иллюстрации алмазов и их спутников. Самой же богатой находкой является трубка «Айхал» — «Слава».

Суровая природа этого края побеждена человеком. Через тайгу прорублены просеки, встали опоры линий высоковольтных передач. Трассы жизни — зимники — связали Мирный с далекой пристанью Мухтуя на Лене, с новым поселком гидростроителей Чернышевским на Вилюе, с поселком строителей и геологов на «Айхале».

Сделано много. Уже выполнено решение XXI съезда партии о создании алмазной промышленности. Но люди алмазного края живут будущим, еще более широким. В этом году собираются вскрыть трубку «Айхал» и дать алмазы. Гидростроители вышли на берега далекого, сурового Вилюя; еще до

Воскресным утром на улицах Мирного. На переднем плане — машинист экскаватора А. Ф. Бобунов с дочкой Наташей.

щие грани

конца семилетки по таежным трассам высоковольтных передач во все уголки алмазного края пойдет его электроэнергия.

Понятна гордость за свой родной край нашего первого знакомого в Мирном, машиниста экскаватора Семена Митрофановича Васильева. Он из тех людей, о которых говорят: «ровесник Октября»,— год рождения 1917-й. И вот какой удивительный поступок совершил он, когда ему было уже за сорок...

Детство Семена Митрофановича прошло в Вилюйске, который для Н. Г. Чернышевского был местом сурового заточения. В Новосибирской партийной школе Васильев окончил факультет журналистики и десять лет работал в районах Якутии корреспондентом республиканской газеты «Кыым». Когда в Мирном начали добывать алмазы, его направили туда постоянным представителем. Он увидел мощную технику, которую прислали для освоения алмазной земли Якутии, и вдруг решил, что должен пойти на одну из таких машин. На пятом десятке он изменил свою судьбу и вскоре очутился на Урале, в Карпинске. Угольщики помогли ему овладеть новой профессией. Через полгода он вернулся в Мирный с дипломом машиниста экскаватора.

Так начали ложиться наши записи в дорожную тетрадь о людях алмазного края, о людях северной линии семилетки.

Встают опоры

На Створ, как называют строительную площадку Вилюйской гидростанции, можно попасть самолетом — час полета из Мирного, или же зимником — сто двадцать километров тайгой. Мы предпочли зимник.

Мирный спит. Седое от мороза утро. Чуть желтеет узенькой ленточкой восток. За последними домами начинается тайга — низкорослая лиственница, кривая, некрасивая — «угнетенный лес», по выражению специалистов. Какие-то тени вдруг мелькнули в свете электрических фар. Шофер Саша резко тормозит, распахивает дверцу и выскакивает из машины. Гремит выстрел, от которого сыплется иней с ближних деревьев.

— Что это?

— Куропатки...

Через минуту он возвращается с трофеем — белой куропаткой.

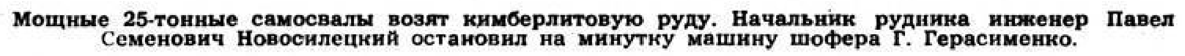
Светает. Теперь дорога хорошо видна. К удивлению, движение на ней шло и в этот ранний час. На первых километрах мы обогнали несколько колонн грузовых машин и тракторов-тягачей. Едут издалека — из Мухтуи-на-Лене. Там главная перевалочная база всех грузов, идущих по железной дороге до пристани Осетрово и потом по Лене почти две тысячи километров. Отсюда по зимнику почти полтысячи километров до Мирного, от него — на «Айхал» и Створ.

Движется колонна гусеничных тягачей. Твердо ступая на мерзлую землю широкими гусеницами, они тянут на больших платформах — трелерах — разобранный на части четырехкубовый экскаватор «Уралец», на следующих платформах — ящики с частями дизеля. Двигаются тягачи со скоростью не больше тридцати — сорока километров в сутки. Дорога трудная. Встречаются такие подъемы, что только спаренным тягачам под силу вытянуть груженый трелер. Сколько же они в пути? Две недели.

День и ночь двигаются тяжелые машины, в две смены ведут их водители. Отдыхают в вагончике, который тянут за собой. Вот как работают! И все же — лишь тридцать — сорок километров в сутки.

Движение тут, как на железной дороге, круглосуточное, в любой мороз. Это и понятно: начнется весна — пропадет зимник, со Створом сохранится лишь воздушная связь. Самолетами тяжелое оборудование не забросишь. Все надо успеть завезти за зиму, благо она тут долгая.

Вдоль зимника тянули трассу линии электропередачи. В дальней

Мощные 25-тонные самосвалы возят кимберлитовую руду. Начальник рудника инженер Павел Семенович Новосилецкий остановил на минутку машину шофера Г. Герасименко.

Мирный.

В морозный день. По дороге на рудник...

Под этими деревьями — алмазная трубка «Айхал».

перспективе просеки вставали четкими силуэтами лиственничные опоры. Работало одновременно несколько бригад. Их поселки из вагончиков на колесах и полозьях стояли тут же возле трассы, на полянках.

В бригаде Сергея Ивановича Офицерова, на пятидесятом километре от Мирного, как раз ставили опору. Два трактора медленно натягивали тросы, которыми с земли поднималась скованная металлическими кольцами опора. Бригадир, стоя на штабеле, руководил трактористами. Медленно входила опора на свое место, качнулась наконец в последний раз и твердо встала в земляные гнезда. Все весело заговорили, зашумели.

— Еще одна,— сказал бригадир, делая пометку в книжке.

Обедали мы в столовой этой бригады. В тесном помещении вдоль стен стояли столы. Жарко горели в печке дрова. В алюминиевой сковороде размером с автомобильное колесо жарилась баранина на всю бригаду. Рядом в большом ведре растапливался лед для чая.

Бригада Офицерова одна из лучших на трассе. Сергей Иванович, с Брянщины, чувствовал себя на севере уверенно. Бригадирствует второй год. В первый год вел линию Мухтуя — Мирный, по которой сейчас уже идет электрическая сила на все предприятия города.

— Первая зима очень свирепая была,— говорит Сергей Иванович,— эта помягче. Так что вроде и работается полегче.

Последними в столовой появились два электролинейщика — Иван Андреевич Воловик и Василий Трофимович Слободенюк, оба бородатые, один низенький, с рыжинкой, второй — высокий, чернявый. Обобрали сосульки с бород, сели к столу.

Земляки с Полтавщины, точнее, из Великих Сорочинец. В бригаде их зовут «гоголевскими земляками». На линии — с июля прошлого года, а до этого строили Кременчугскую ГЭС. Проработали там пять лет, вернулись домой, пожили, а потом опять на новую стройку. Они люди семейные. Молодости свойственна романтика дальних странствий, но что же их повлекло в такие дальние, холодные края?

— Да едут и едут сюда те, кто на Кременчугской был. Хвалят, работа интересная, заработками не обижают. Захотели посмотреть...

Была на этой трассе встреча с другой земляческой бригадой — из Армении. Черные бороды, побеленные инеем, живые, страстные глаза, быстрая речь, пересыпанная юморком. Тоже «захотели посмотреть».

— Не скучаете об Армении?

— Зачем скучать? — говорит старшой.— Газеты из Еревана получаем, все новости узнаем. Веселиться на этом свете везде можно, скучать на том свете будем.

— Холодно?

Поднял к небу глаза, потер побуревшие щеки.

— Сегодня совсем тепло...

Мы ехали от бригады к бригаде и везде видели одинаковые домики, горки льда возле столовых, обязательную лайку, а то и две, и опоры, опоры будущей высоковольтной линии, где уже в гнездах каменной земли, а где еще ждущие, когда их поднимут тракторами.

Тайга тут не была пустынной, как мы ожидали, а очень населенной, и людьми не случайными, а пришедшими с крупных гидротехнических сооружений: с Днепра, Ангары, Камы. Эти люди приехали покорять Вилюй.

Строительство всей трассы возглавляет опытный инженер Леонид Владимирович Михайловский.

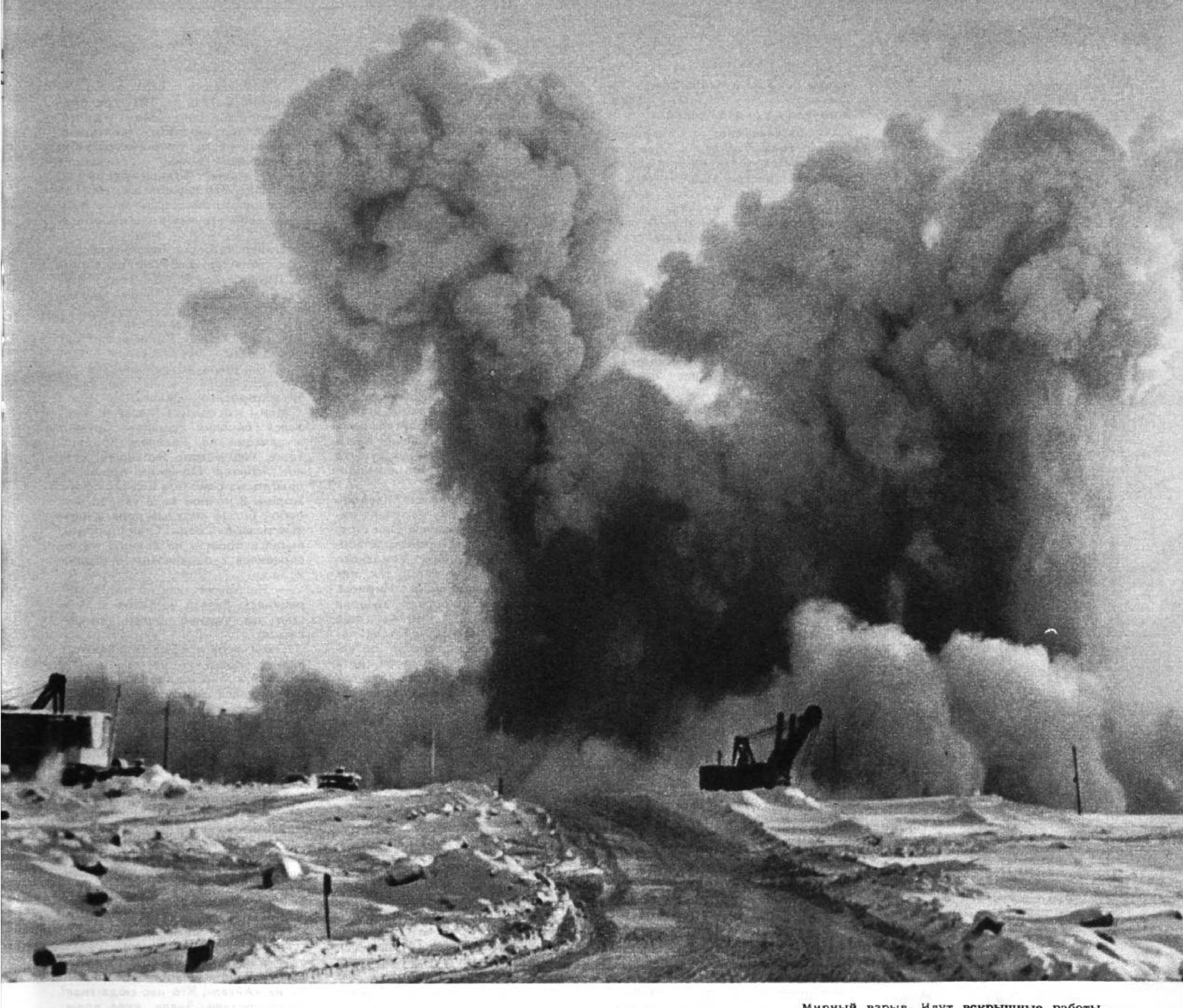
— Где работали до этого?

Помолчал, словно припоминая что-то.

— Был начальником шагающего на Иркутской ГЭС.

Так продолжилась судьба одного из людей с знаменитого шагающего «Уральца» на Ангаре.

— Тяжелая наша линия,— признался Леонид Владимирович.— Проектанты не учли всех климати-

Мирный взрыв. Идут вскрышные работы...

ческих особенностей. Много болот, марей. В морозные дни от испарений на проводах иней нарастает, порой выше всяких норм — до ста двадцати — ста пятидесяти миллиметров. Провода провисают, земли касаются. Даже деревянные опоры сгибает... Ну и аварии!

В широкой долине Ботуобии сделали еще одну остановку. Тут было место, облюбованное белыми куропатками. Среди кустов вились цепочки пересекающихся следов. На возвышенности эти следы сплетались в узоры, подобно кружевам, и отчетливо виднелись на расстоянии не меньше полутораста метров.

Въехали в какое-то серебряное царство. Тайга тут густа, деревья стоят плотно, одно к одному, среди лиственниц виднеется много елок. Вся эта лесная чаща покрыта инеем в палец толщиной. Все веточки убраны плотным серебром. Под ярким солнцем лес искрится, горит.

Машина взлетела на пригорок. Внизу в два ряда стояли двухэтажные дома с белыми, не успевшими побуреть брусьями; к небу приветливо поднимались десятки синих прямых дымков. За веселым поселком вставал такой же серебряный лес. Как же было приятно видеть обжитое место — поселок в такой далекой глуши!

— Чернышевский! — торжественно сообщил шофер Саша.

На Вилюе

Возможно, что я ошибаюсь, но, кажется, Чернышевский-на-Вилюе — это самый молодой рабочий поселок в нашей стране. В те дни, когда мы жили в Чернышевском, — последние дни февраля,— тут, как и везде, готовились к выборам в местные Советы, к первым выборам своего поселкового Совета.

Первые люди тут появились 9 января прошлого года. Смуглолицый веселый начальник участка Николай Яковенко, перебравшийся сюда с Иркутской гидростанции, так рассказывает о тех днях:

— Прилетели на вертолете тройкой: мастер, геодезист и я. Неделю проходили по снегу, проминали его, искали знак геодезистов — «кукушку», место для поселка. Нашли, вырубили первую улицу — десяток лиственниц — и поставили на ней палатку. Утром термометр в палатке показал семнадцать ниже нуля, а за палаткой — ниже пятидесяти. Тяжело было «привязаться». А потом топоры пошли в ход, по всему лесу заговорили. Начала расти улица, людей прибывать стало.

Теперь на левом берегу Вилюя стоит поселок Чернышевский: столовая, клуб, почта, магазин. Около тысячи жителей. Строятся и строятся дома. Население быстро увеличивается. Спрашиваешь строителей, откуда приехали в Чернышевский, в ответ слышишь: «Из Иркутска», «Из Сталинграда», «Из Кременчуга». Коренные гидростроители...

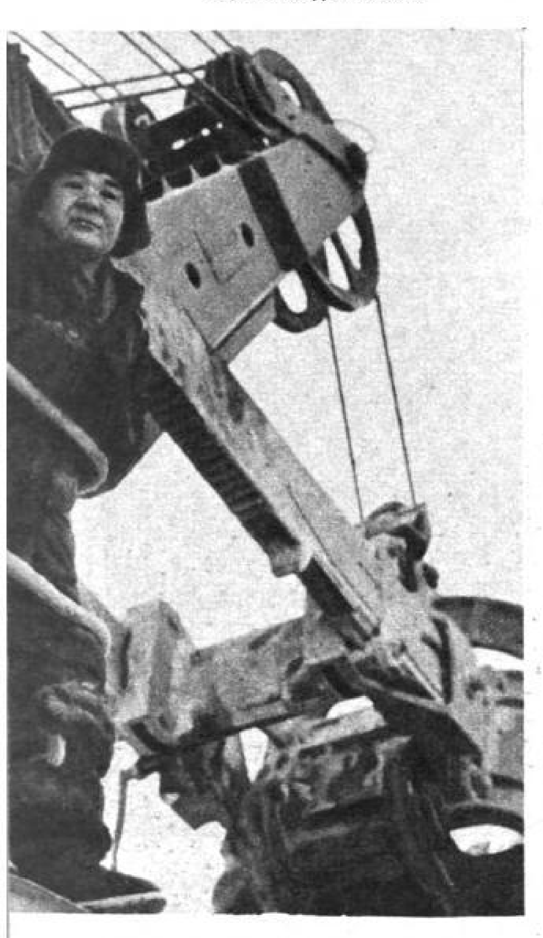
С крутого берега Вилюя открывается широкий вид. Река сдавлена обрывистыми берегами. Сейчас она спит. Выше по течению виднеется место створа — широкая просека вырубленного на обоих берегах леса. Тут будет плотина. Сквозь затянутое небо проскальзывает желтоватый блик солнца, неясный, расплывчатый. Очень холодно.

Так вот какой он, Вилюй, суровая, северная, угрюмая река! На левом берегу цепочкой стоят домики работников экспедиции ленинградского проектного института. Его называют «Ленгидэповский». От каждого домика вниз к реке сбегает узенькая тропинка — по ней спускаются за водой.

Мы переходим реку и заходим в крайний домик. Тут живут муж и жена Лопатины. Василий Прокопович — гидролог, Александра Ивановна — учительница. В домике тепло, уютно, окна выходят на реку. Живут они тут уже два года. Василий Прокопович перебрался сюда из Цимлянской. Сам он коренной сибиряк, гидрологическую службу начинал четырнадцать лет назад на Енисее,

Они одними из первых высадились на месте будущего алмазного рудника. Слева направо: плотник В. М. Яковишин, тракторист В. М. Канцедал и инженер-строитель Ю. А. Подымахин.

Семен Митрофанович Васильев — экскаваторщик.

Плотник Виктор Шульга работает на строительстве 16-квартирного дома в Мирном.

потом работал в Куйбышеве, Сталинграде, в Цимлянской — и опять потянуло на родной север.

Он рассказывает о характере Вилюя. Река бурная, в паводок поднимается почти на пятнадцать метров, и расход воды в эти дни огромный; зимой расход ничтожен. Почти нет течения. Каменные берега гладко отшлифованы весенними могучими льдами.

Супруги угощают вареньем из черной смородины, брусникой в сахаре. Летом ягоды тут носят корзинами. Показывают альбомы фотографий: Вилюй зимой, Вилюй в ледоход, в шугу, самые большие пороги на реке; праздничные прогулки коллектива изыскателей, пикники на берегу, в лесу, поляны с цветами...

Другой крайний домик небольшого поселка изыскателей занимает бурильщик Василий Федорович Галямов. Он только что вернулся с работы: проходит штольню в горах, штольню, в которой устраивают естественный холодильник для продуктов.

Василий Федорович приехал сюда с Чуна, из сибирского села, где сходятся три реки, неподалеку от Братска. Коренной сибиряк по всем ухваткам и привычкам, охотник и рыбак. Увлеченно рассказывает он о рыбных богатствах Вилюя. Случается вытащить тайменя весом до сорока килограммов. Двадцатикилограммовая щука — дело обычное. В лесах обилие дичи и зверя.

Разговор об охотничьих и рыбачьих радостях прервался несколько неожиданно. Вдруг распахнулась дверь, и в ней показался медвежонок. Он свободно вошел в дом. Не успела дверь закрыться, как опять распахнулась, и в избу ввалился... второй медвежонок.

Хозяин тотчас довольно бесцеремонно выпроводил их на улицу. Этих медвежат Василий Федорович принес год назад из лесу. Как после этого не поверить в рассказы о приволье здешнего края?! Факт, что называется, был налицо.

Ночевали мы у гидростроителей. Командный состав жил по-походному, в двух больших комнатах.

Вечером за стол собрались секретарь партийной организации Григорий Васильевич Абатуров, заместитель главного инженера Михаил Константинович Ковалевич, Николай Матвеевич Яковенко... Сейчас всех тревожила доставка оборудования и материалов к строительной площадке. Срываются планы перевозок. Снабженческие и планирующие организации не всегда учитывают отдаленность площадки гидростанции. Ведь все надо завезти летом в Мухтую, а оттуда только зимой эти грузы попадут в Чернышевский.

— Ох, могут подвести! — сказал Михаил Константинович.— Тогда придется просить с последней машиной привезти нам блесны и спиннинги. Не миновать рыбалкой заниматься...

Долго сидели за столом. Гидростроители были рады заезжим людям: на Створе гости редковаты. За окном сквозь деревья, убранные инеем, светился электрическими огнями поселок. Из клуба доносилась музыка. Порой даже забывалось, что это так далеко, на краю света, у Вилюя.

Молодые руки

Узкая лесная дорога круто поднимается в гору. На широкой лесной поляне вырыто несколько шурфов, стоит геологическая буровая вышка. На коротких кривых лапах лиственниц лежат снежные подушки. По лесу ходят тепло одетые люди. Все просто, буднично. А это и есть «Айхал» — место залегания новой богатой кимберлитовой алмазной трубки.

Пройдет немного времени, в лесу возникнет большой рабочий поселок, на карьер придут экскаваторы, протянутся провода электропередачи. Это будет не через год-два, а гораздо раньше. В этом году мирненцы хотят дать стране алмазы нового месторождения. Они шлют на «Айхал» лучших людей, по зимнику двигаются колонны автомашин со строительными материалами, на большие листы бумаги ложатся линии будущего поселка, возникают очертания зданий.

А пока в лесу стоят палатки. В них живут те, кому поручено начать освоение «Айхала». Они строят жилье, готовят производственную базу будущего алмазного рудника. Все начинается так, как когда-то начиналось в Мирном. Уже работает столовая, пущена электростанция. Прибывает еще группа строителей. Куда всех поселить? Что же, придется потесниться в одной из палаток, дать место новоселам. Через два-три дня будет готова еще одна палатка.

Алмазные богатства поднимаются молодыми руками. Трубку «Айхал» открыла группа молодых геологов, вышедших из института пять-шесть лет назад. Условия поисков в этом районе оказались очень трудными. Первая группа геологов после трех лет работы, отчаявшись, перешла на другое место. Не все были согласны с этим. Геологи Владимир Изаров, Евгений Черный, Александр Хорьков, Борис Афанасьев, Олег Кручинин настояли: продолжать поиски алмазов в этом районе.

Душой небольшой группы был Владимир Изаров. Он проявил вдумчивость исследователя. Все ближе и ближе вели его предвидения к алмазной трубке, запрятанной природой в холодных лесах Якутии. Трубка была найдена. Ее назвали за богатство алмазов по-якутски: «Айхал» — «Слава». Это было наградой за упорство, за веру в свои силы.

Следом за геологами сюда пришли другие упорные люди. Полтора месяца пробивали зимник из Мирного на «Айхал». Полтора месяца сорок два человека во главе с Александром Красюком прокладывали сюда дорогу, тянули «нитку жизни». Ребята валили деревья, взрывали скалы, преодолевали многие реки. Тяжелый труд.

— Надо менять старые выражения,— сказал, усмехаясь, Красюк.— Раньше говорили так: «Где не ступала нога человека». Теперь такое место на нашей земле найти трудновато. Везде побывал человек. Для нашего времени говорить надо так: «Где не проходило колесо машины». Вот это настоящая трудность!

...По утрам выходит из палатки красивый высокий парень с черной густой бородой и, презирая мороз, обтирается снегом. Днем его можно увидеть в распахнутой телогрейке. Не страшны ему морозы. Василий Максимович Яковишин — бригадир. Его родина — Винница. С 1944 по 1951 год прослужил в Балтийском флоте. Плавал на минном тральщике. Команда несла тяжелую службу: вылавливала мины, оставшиеся после войны. Ходили рядом со смертью. Эта служба выработала душевную стойкость, умение держать себя в руках в любой обстановке.

Сошел на берег балтийский моряк, женился, работал шофером в Ленинграде. В 1957 году приехал в Мирный. Зачем? Жизнь посмотреть.

— Алмазы! Захотелось увидеть, как их добывают. Вот и решил тут поработать. Посоветовался с женой. Не стала возражать. Так тут очутился. Край трудный, но, видите, интересный — живем!

Моим соседом в палатке оказался Геннадий Ермаков. Служил в авиации на Дальнем Востоке. Тоже, как матрос Яковишин, всякое испытал. Однажды пришлось прыгать из самолета над Охотским морем. В ночной тьме увидел под собой белые ледяные поля и черные разводья воды. Стал стропить, пытаясь попасть на льдину, но не справился с парашютом и угодил в воду.

— Не помню, как на лед выкарабкался. Выжал из унтов воду и стал по льдине бегать, согреваться.

Семь часов пробыл Геннадий на льдине, пока его не заметили с вертолета и не подобрали. Месяц отлеживался в больнице...

Вечером в палатке заспорили о том, каким должен быть человек коммунистического общества, как будут тогда складываться людские отношения. Поднялся черноглазый паренек в пестрой рубашке, с задорным чубом и пылко сказал:

— Вот вы толкуете, каким должен быть человек коммунистического общества. А я хочу знать, каким он должен быть сегодня. Каким я сегодня должен быть. Мы же и сегодня страну переделываем. А какие мы? Давайте разберемся...

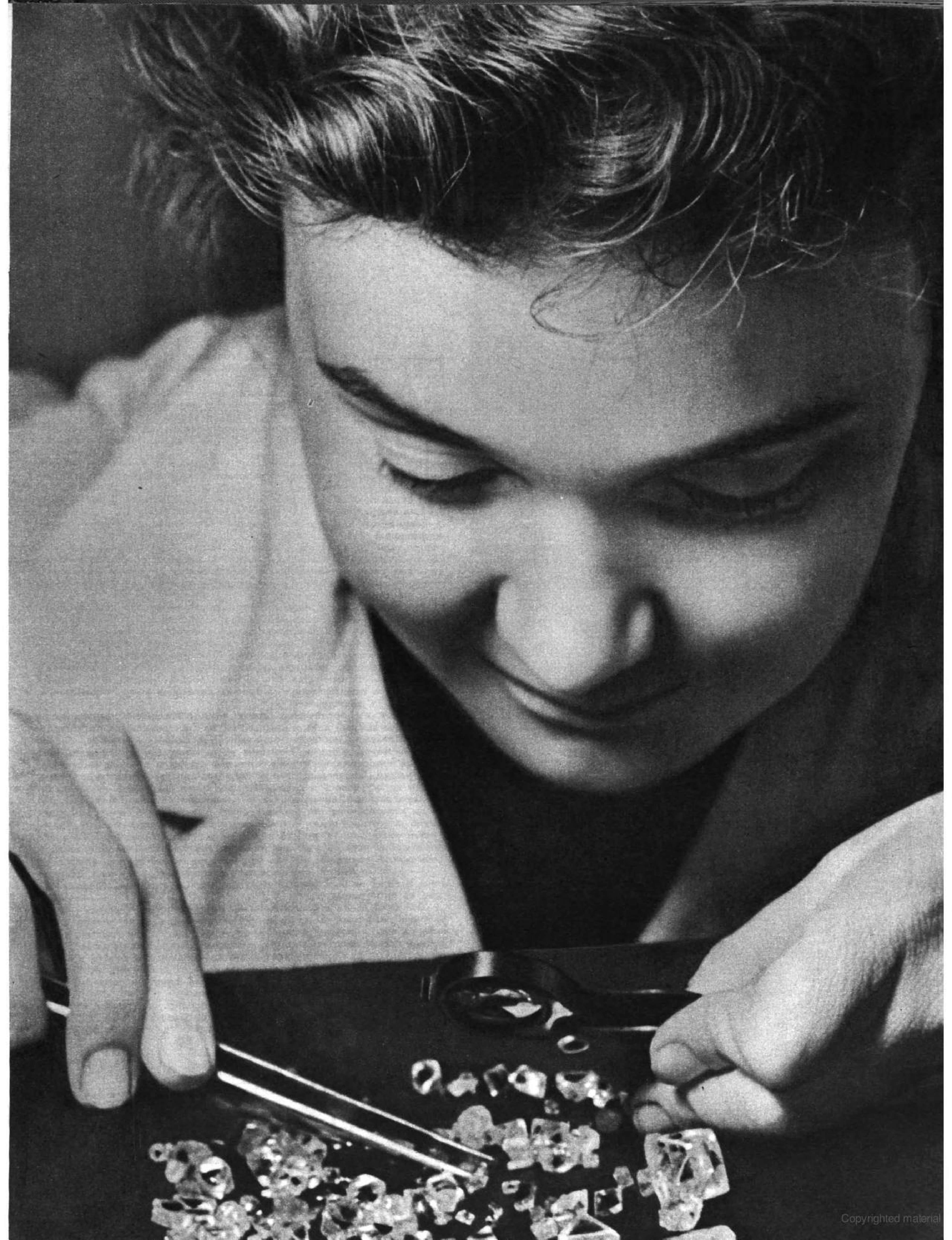
Его тут же поймали на слове:

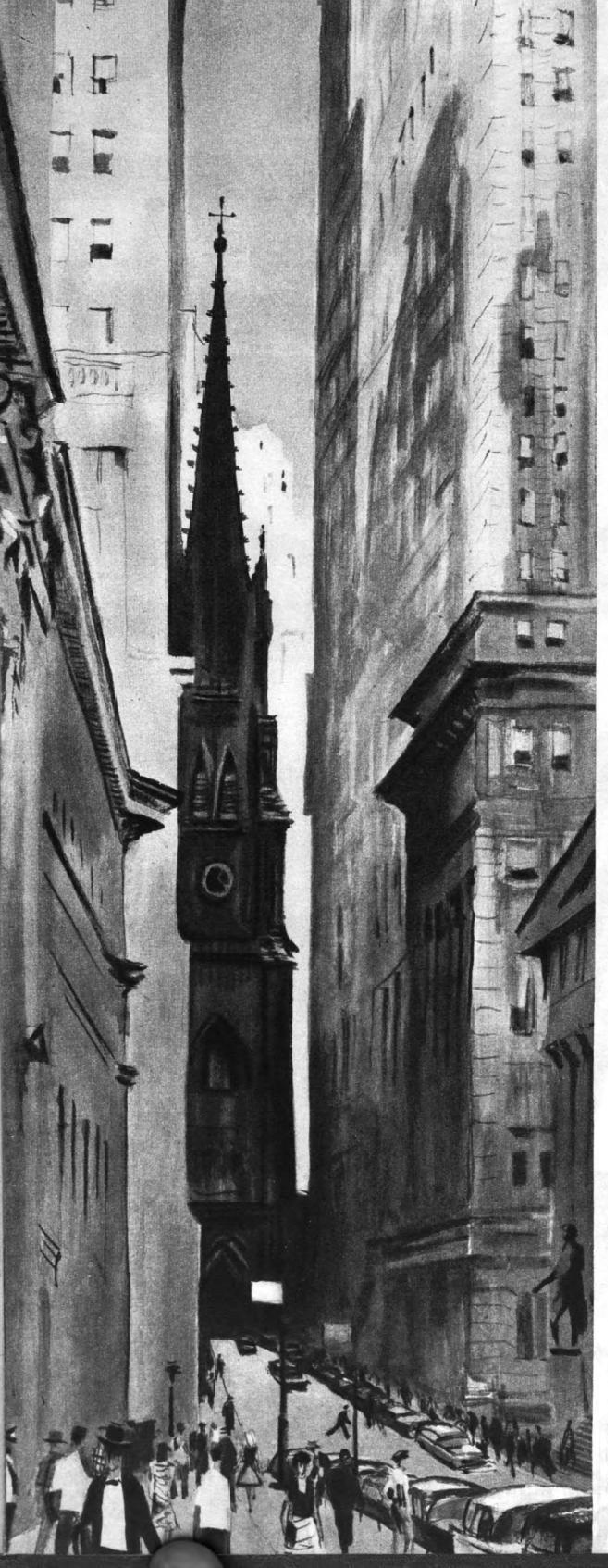
— Ты, Валерка, и начни.

— И начну,— с пол-оборота «завелся» Валерка.— Вот мы приехали на «Айхал». Кто нас сюда гнал? Сами поехали. Знали, куда едем, как тут туговато придется. Только просили: сорняка сюда не присылайте, а то прополка время и силы заберет, давайте проверенных, испытанных, как на фронте в разведку подбирают. Разве не держим экзамен на настоящего человека? Держим! Нет среди нас нытиков и хлюпиков. Построим рудник. По-моему, таким и должно быть отношение к делу: поручили—выполним, трудно будет — победи эту трудность. Есть в нас новый человек? Есть, по-моему...

Я был на стороне этого задорного паренька. Из таких ребят, как матрос Василий Яковишин, сержант Геннадий Ермаков, инженер Юрий Подымахин, состоит коллектив, которому поручено освоение новой алмазной трубки. Ребята такие, что алмазы в этом году дадут. Это в их характере: они люди северной линии семилетки, далекого алмазного края Якутии.

→ Инженер-минералог Любовь Власова сортирует алмазы.

О. ВЕРЕЙСКИЙ

ОТ ПОБЕРЕЖЬЯ

(Из американского дневника)

Узнав, что перед ним два советских художника, гигант-полицейский из охраны Капитолия взглянул на нас весьма неодобрительно.

— Знаю я их,— пробасил он.— Наверное, из тех, которые мажут вот так, что ничего нельзя понять.— И он выразительно прочертил огромной ручищей в воздухе.

Если бы движения его руки оставляли след, перед нами, безусловно, возникла бы абстрактная картина не хуже тех, что сотнями украшают стены музеев Америки.

Наш гид объяснил полицейскому, что советские художники придерживаются реалистического направления. Выслушав, полицейский сказал, что мы молодцы, что так и нужно, а вот так — никому не нужно. И он снова показал в воздухе, как не следует рисовать, и неожиданно огласил своды Капитолия веселым, раскатистым смехом.

Разумеется, в обязанности полицейского не входит точное знание направлений современной живописи в разных странах. Но, откровенно говоря, нам понравилось его высказывание. Мы увидели в нем мнение простого, неискушенного зрителя об абстрактном искусстве. Находясь под свежим впечатлением, наглядевшись до отвала на полотна художников-абстракционистов, мы отнюдь не стали думать лучше об этом направлении искусства.

Что же касается превратного представления вашингтонского полицейского о советском изобразительном искусстве, то тут нужно сказать, что мы встречались в Америке с людьми, значительно ближе стоящими к вопросам искусства, и они, как оказалось, знают о нас немногим больше. К сожалению, представление большинства американцев о нашей жизни подчас не менее туманное, чем их сведения о советском изобразительном искусстве. Кто не знает вообще ничего, а кто годами черпает свои представления из прессы, далеко не всегда объективной, а нередко и враждебной.

Поэтому на протяжении всего семидесятидневного пребывания в США мы каждый день и каждый час на собственном опыте убеждались в пользе, в необходимости непосредственных контактов, живого общения между людьми. Незнание часто порождает недоверие. Этот холодок недоверия, настороженности мы ощущали в начале многих бесед с нашими коллегами. Но к концу встреч настороженность исчезала, от нее не оставалось и следа. И перед нами были уже собеседники, заинтересованные, внимательные и неизменно доброжелательные. Даже те, кто особенно петушился вначале, наскакивая с вопросами, тщательно подготовленными и, как им казалось, «разяще-каверзными»,— с моей точки зрения, просто наивными, а подчас и смешными,— даже они к концу встречи уже заверяли нас в дружбе, наперебой звали к себе домой, осуждали тех, кто натравливает людей друг на друга.

— Давайте ладить, соревноваться в искусствах, в научных достижениях, в долголетии, в борьбе с нуждой и болезнями,— говорили они нам на прощание.

...Из окна отеля в Вашингтоне мы наблюдали, как быстро и ловко рабочие разбирают дом. Мимо строительных лесов не спеша прогуливался взад и вперед пожилой негр-пикетчик. На его груди и спине висели плакаты-протесты против разборки дома, в защиту семей, которые останутся без крова. Пикетчик не перебранивался с теми, кто разбирал дом, он с ними отлично ладил: ведь от них ничего не зависит. Изредка, нарушая свое челночное хождение, пикетчик подходил к рабочим прикурить, перекинуться парой слов.

Страна жила своей жизнью, а мы торопились в короткое отпущенное нам время узнать, понять, увидеть как можно больше, а главное, рисовать, чтобы, вернувшись домой, поделиться своими впечатлени-

ДО ПОБЕРЕЖЬЯ

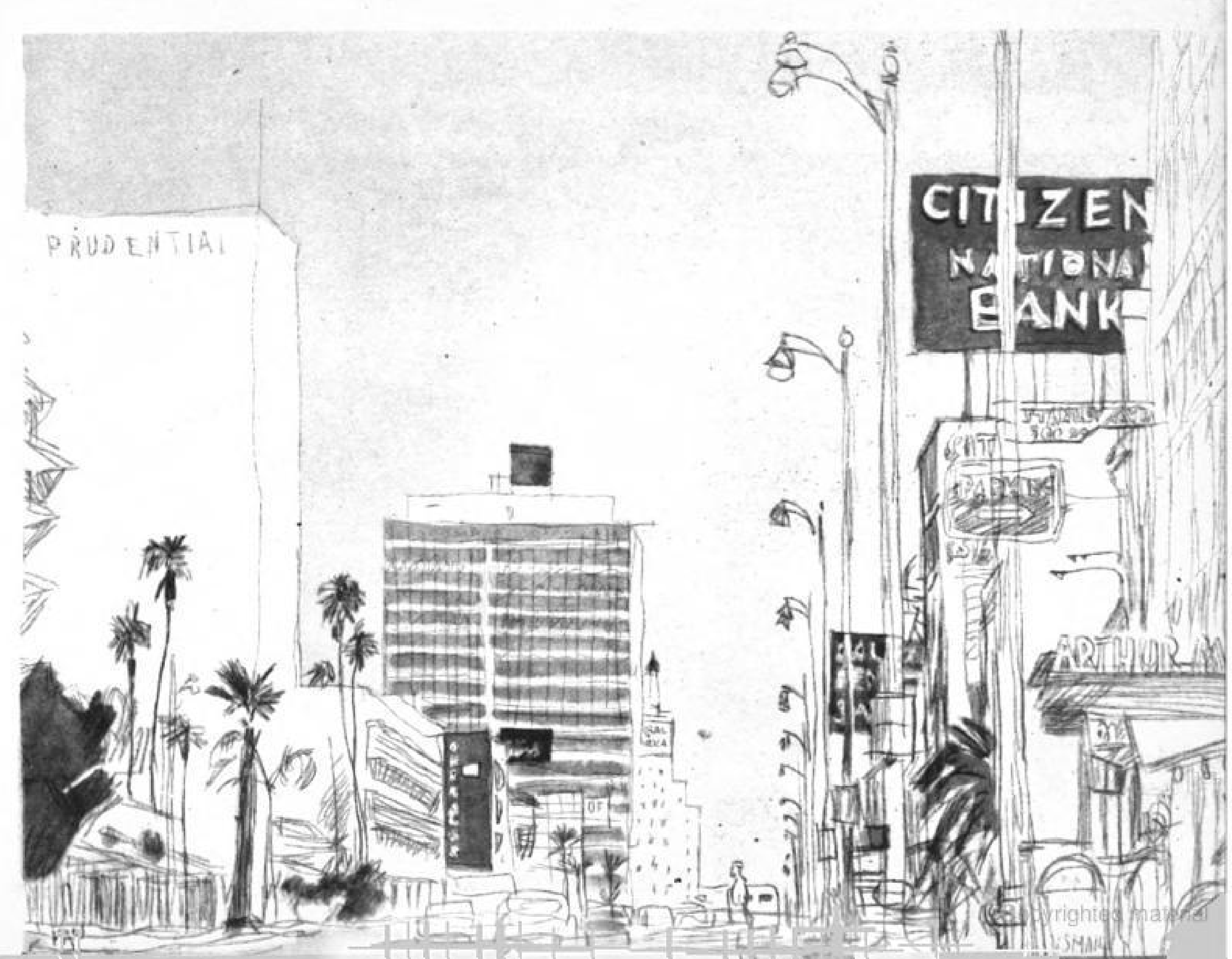
Уолл-стрит.

«Балтика» в Нью-Йорке.

Станция обслуживания.

Лос-Анжелос.

СЛЕВА (сверху вниз):

В баре.

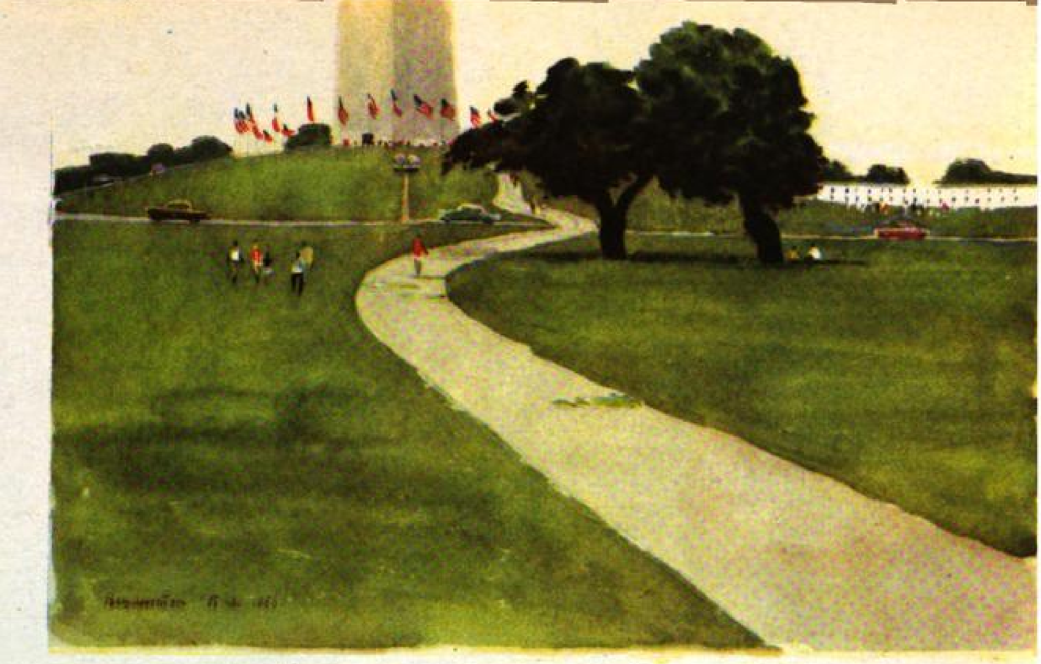
10-я улица в Нью-Йорке.

Ожидание.

↑ Нью-Йорк.

У черного хода. →

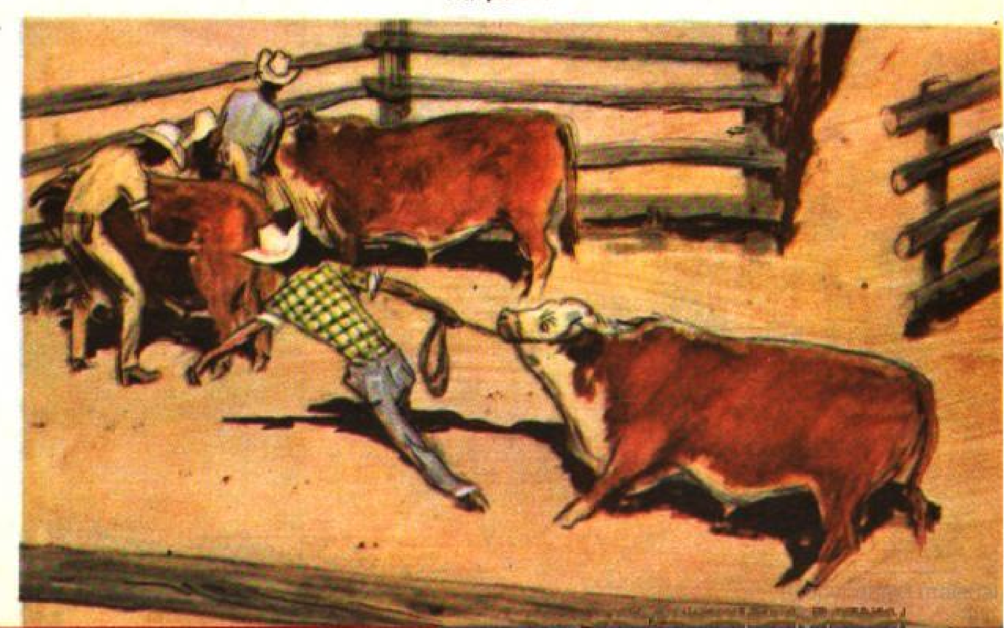
У памятника Вашингтону (Вашингтон).

← На улице Нового Орлеана.

Разборка дома.

На ранчо.

ями. Понимая, что каждый написанный абзац отнимает у меня возможность показать еще один рисунок, я предпочитаю больше показать, чем рассказать, так как язык изобразительный для меня привычнее.

Поэтому я не буду подробно описывать свои американские впечатления, хотя меня так и подмывает рассказать о нью-йоркских небоскребах, о красотах Гран-Кэньона и т. д., обо всем, что знают все, даже не побывав в Америке. Я сдержусь. Давно уже замечено, что, однажды побывав в чужой стране, человек сразу чувствует себя первооткрывателем и жаждет делиться сведениями, известными каждому со школьной скамьи.

Мы дважды пересекли Штаты от побережья до побережья. Мы были в самых больших и самых маленьких городах семнадцати штатов Америки. О больших написано и рассказано уже очень много. Я позволю себе извлечь из путевого дневника и привести здесь одну коротокую запись о любопытном маленьком городке Тумбстон в штате Аризона.

Этот город был когда-то своего рода Клондайком, только породила его не золотая, а серебряная лихорадка. Город стихийно разрастался и в лучшие свои дни насчитывал пятнадцать тысяч жителей. Но в конце прошлого века копи затопило и выяснилось, что все залежи недобытого серебра не окупят того, во что обошлось бы выкачивание воды.

— Чем же город живет сейчас? — спросили мы у местных жителей.

— Воспоминаниями,— ответили нам.

— Но разве они оплачиваются?

— Конечно, если пользоваться ими умело. Нужно тщательно поддерживать традиции «дикого Запада»: туристам это нравится. Они охотно ездят сюда и оставляют здесь свои доллары.

— А что же вы им показываете? Какие достопримечательности?

— То есть как какие? Те же, что и вам. Вот церковь. Она выстроена на выигрыши в карты и рулетку в салунах Тумбстона. Вот дом, здесь жил начальник полиции, который прославился тем, что выхватывал пистолет, на долю секунды опережая противника... Взгляните на эту надпись: «Здесь произошла самая большая перестрелка в Аризоне». Видите на пригорке кладбище? Нет, оно не обыкновенное. Читайте надпись: «Башмачное кладбище». Это потому, что здесь похоронены только те, кто умер в башмаках. Не в постели, не от болезни, а в перестрелке, в драке, как подобает мужчине. Осторожней, не наткнитесь! Что, испугались?

Мы действительно испугались, потому что гид эффектно подвел нас к гробу, мы чуть не наткнулись на него. Гроб стоял не на кладбище, а просто на улице. Обыкновенный черный гроб, на ножках, из его крышки очень натуралистично торчали ноги, обутые в грубые башмаки. Мы прочли надпись: «В Тумбстоне не бывает полузастреленных!».

В таверне «Колесо телеги» нас встретила хозяйка, немолодая, чем-то озабоченная женщина. Декольтированное платье с кринолином и воланами образца 1880-х годов так не вязалось с ее сегодняшним усталым лицом. Не переставая подметать, она показала нам и зеркало, разбитое когда-то в «знаменитой» перестрелке, и портрет бандита — былой грозы штата, открывшего на склоне лет зубоврачебный кабинет. Он умер недавно, оплакиваемый благодарными пациентами, и портрет его красуется теперь среди фотографий именитых горожан.

Мы заметили, что многие жители города носят бороды, усы и длинные, давно не видавшие ножниц волосы. Нам объяснили: город готовится к ежегодному празднику «Хельдорадо».

— Жаль, что вы его не увидите. Будут скачки, стрельба, процессии. В эти дни Тумбстон возрождает свою былую славу. Понаедут туристы из всех штатов, даже из-за границы...

Жители Тумбстона любят свой город. Он действительно очень живописен. В его предместья врывается пустыня с ее причудливой растительностью — заросли огромных, как деревья, кактусов обступили его. Старый ковбой (набросок с него помещен на этой странице) сообщил нам, что в Тумбстоне самый здоровый климат в мире, подкрепив это сообщение клятвой — всеми лошадьми, которых он объезжал за долгую жизнь. Климат в Аризоне, наверно, действительно отличный; мы охотно верили всем чудесам, которые приписывал ему старый ковбой. Он рассказал нам местный анекдот. «У нас самый здоровый климат, здесь никто не умирает»,— сказали приезжему человеку. «Как это никто не умирает? А кого же это мимо нас везут в гробу на дрогах?» «Ах, этот? Так это же тот чудак, что приехал сюда и вздумал открыть похоронное бюро. Он умер с голоду».

Но, кроме чудес климата, патриоты Тумбстона расхваливают только то, что здесь было. Каждая фраза так и начинается: «А вот здесь было...» Эти слова звучат как-то непривычно для нас. Мы чаще слышим у себя: «А вот здесь будет...»

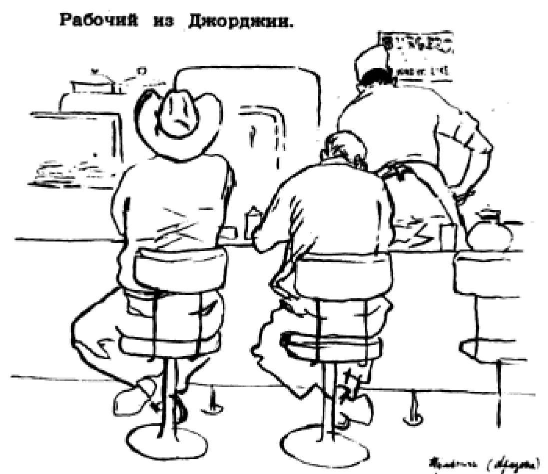
Старый ковбой (Аризона).

Рабочий на ранчо.

Рабочий из Джорджии.

Завтрак.

...Наша поездка в США была организована Министерством культуры СССР по программе культурного обмена. Художник А. А. Мыльников и я изучали старое и новое искусство Америки, знакомились с системой художественного образования, встречались с художниками, искусствоведами, педагогами, музейными работниками — со всеми, кто так или иначе связан с изобразительным искусством. И когда в конце путешествия нас спросили, знаем ли мы теперь Америку, мой друг Андрей Мыльников ответил: «Да, теперь мы знаем, что вся ваша страна живет, занята, интересуется только живописью». Эта шутка вызвала веселый смех, но нам было не смешно. Составители нашей программы сделали ее такой специализированной и уплотненной, что жизнь страны, труд и быт простых людей мы видели в редких окошках-просветах между музеями, колледжами, встречами, дискуссиями, лекциями, выставками.

Нам удалось завязать интересные знакомства, которые, я надеюсь, не прервутся с отъездом из Америки. Мы получаем сейчас много писем из США — свидетельство возросшего интереса к нашему искусству и к тем, кто его делает...

В ответ на наш визит весной нынешнего года в Советский Союз приедут два американских художника. Я надеюсь, что их поездка по нашей стране будет интересной и плодотворной. Не сомневаюсь, что они встретят у нас такой же радушный и теплый прием, какой мы постоянно и неизменно встречали всюду в интереснейшем путешествии по Соединенным Штатам Америки.

Соловьиная ночь

Виктор РЕВУНОВ Повесть Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

XI

Забылось многое из прошлых тех лет, да так должно и быть в несущемся сквозь память стремительном потоке времени, которое смывает все обветшалое и ненужное. Но есть такие тайники памяти, где навечно, как бы в небытии скрыты от времени сказочные искорки, и лишь чуть тронешь — сверкнет и воскреснет сразу целая картина: лица людей, голоса, дороги, запахи, жужжание шмеля, пролетевшего по весне далекого детства... А вон по лесной тропке идут солдаты друг за другом, все заросли, устало сгорбились, а ей нет конца, этой тропке, промятой в высокой, вянущей от зноя цветущей траве. Зудят своры мух, они липнут к бинтам, под которыми болит разорванное железом человеческое тело.

Они дрались на переправе, к которой стремились немцы, и теперь, исполнив долг, идут к своим. Идут и не знают, что для своих они все погибли на переправе. До фронта далеко, и трудно опровергнуть свою гибель.

Впереди — командир взвода Завьялов в скривившихся сапогах, в просолившейся от пота, влажной на спине и под мышками гимнастерке; на бедра сполз ремень с тяжелой солдатской оснасткой.

«Главное — это держать оружие и больше ни о чем не надо думать. Горе так велико. Держать крепче оружие — это последний шанс, и к черту всякие гадания: почему так все случилось?»

Он слышит, как они идут, крепко скрипит чей-то сапог, плещется вода в фляжках, хлестнула ветка, кто-то споткнулся о корень, выругался.

— Вдарил, и корень вывернул. Пока пройдешь, весь лес раскорчуешь, Ерохин.

Ерохин идет в середине, четвертым, прихрамывает, покривились тонкие в обмотках ноги.

— Поносил бы ты сорок четвертый размер. В таких ненормальных ботинках только стоять неподвижно, а чуть побежал — и выскользнул из них. А особенно если через канаву прыгаешь. Ты летишь, а они за тобой в свободном виде, то в спину, то по голове вдарят. Этими ботинками только из орудия по танкам бить прямой наводкой, никакая броня не выдержит, особенно если каблуком угодит, самой железкой.

— А ты надень их каблуками вперед, чтоб в упор было,— советует Стрекалов. Молодое лицо его замшилось рыжей бородой и усами.— Так и ходи. Если и отступать придется, то по следам видимость будет, что ты как раз наоборот один храбро навстречу немцам резал. «Чьи это следы?» — спросит командующий. «Ерохина!» «К награде его, молодца!» Если тебе не жаль своей карьеры, то я согласен: бери мои ботинки, а мне давай твои. В моих ни вода, ни пыль не задерживаются, как насосы: в одну дырку затянет, а из другой свистнет.

— У меня и своя вполне исправная вентиляция.

— Это я вижу. Ты бы хоть эту отдушину на штанах мохом заткнул, а то все твои тылы насквозь просматриваются.

— А у меня ничего секретного нет, объекты самые что ни на есть гражданские...

Начались орешники, сочилась сквозь них густая синева с полей... Что там?

— Жизлин, за мной,— сказал Завьялов.

Жизлин не ранен, самый молодой среди всех, еще юноша, но зарос. Усталы и грустны его глаза.

Остальные повалились в траву. Облака плывут в небе, плывет как будто бы и земля, голубовато сияют на кустах паутинки, а листья просвечены солнцем.

Петушок, петушок,
Золотой гребешок...
Масляна головушка...

Это опять голос Ерохина. Он глядит в небо. Плывут облака в родную сторонку.

Петушок, петушок,
Золотой гребешок...

Завьялов и Жизлин лежат неподалеку перед пашней. Что же он замолчал? Или хватит, уж и так затеплились слезы? Было что-то невыразимое в этих словах, как будто только так и можно было пожалеть свою землю и все понять: и это время, и даль, и свое сердце, с которым и в разлуке неразлучен родимый дом.

Из-под пластов на пашне раскустилась трава с желтой сурепкой. За пашней — дорога и орешники. Там река течет в зеленой прохладе. Слева от пашни — деревня, пять дворов. Над крышами блестит пепел: он сеется ветром с горьких пожарищ, где прошли бои.

Завьялов лежит под кустом, в который вплелась луговая герань с розово-красными цветами. Рядом — Жизлин. Влажная, с теплом трава. Уткнуться бы в нее и спать, спать... Голова у Завьялова клонится, что-то шуршит в ушах: спать, спать, нет никакой войны, раз так тиха трава и кто-то шепчет:

Петушок, петушок...

Но что так тревожен шепот?

— Немцы!

Бешено застучало сердце. Доносится рокот из глубины полей: это танки.

— Скорей, Жизлин!

Им нужен хлеб, обыкновенный ржаной хлеб, пусть черствый, с плесенью, пусть это будут недоеденные, засохшие где-либо в печурке куски.

Пробежали по лощине. В пересохшем русле камни, песок да ракушки, которые хрустят под ногами.

Еще раз, теперь уже вблизи, оглядели деревню. Пусто.

— Скорей!

Вот и крайний двор, открыли заскрипевшую в тишине дверь. Загудел сквозняк через разбитое окно, брякнула дужка ведра, и Завьялов невольно обернулся. Под лавкой — окровавленные бинты.

Тут уже был кто-то. Искать тут нечего.

Завьялов вышел во двор. Рокот танков в глубине полей как будто бы отдалился за реку.

«Нет, нет, это ветер обманывает. Они идут по этой дороге».

На крыльцо выбежал Жизлин. В руках две картошины, сырые, с бледными ростками.

— Там много, там еще есть! — крикнул он.

Они вдвоем снова вошли в избу. Спустились под пол. Картошка и под руками и под коленками.

— Я не подумал. Я думал, тут уж нет ничего,— сказал Завьялов.— Как ты догадался? Теперь оживем. Снимай гимнастерку, рукава завязывай и греби. Крупная-то какая!

Завьялов прислушался. Тут было тихо. Через открытую половицу пересекала мглу бледная полоса света.

— Там танки идут. Но мы успеем. Только скорей. Про карманы не забудь. Как это ты догадался?

— Я увидел кольцо на половице. Открыл — целая россыпь.

— Теперь нам надолго хватит.

На улице раздались выстрелы, зазвенели и посыпались стекла в избе.

Завьялов пролез в расщелину между половицами и, стоя на коленях, увидел в окно немецких мотоциклистов. Они шли к избе.

Он едва закрыл половицу над собой, как послышались шаги, стук кованых сапог, смех.

Завьялов и Жизлин подползли к отдушине. Снаружи, на воле,— крапива, а за ней ярчат в синеве желтым цветом подсолнухи.

Как все близко, еще несколько минут назад они были там, под этим небом, а теперь, как в могиле, в которую еще сквозит медовая теплынь с полей.

Кто-то помочился возле отдушины и закурил. Видны были запыленные сапоги.

Завьялов вытащил лопату и стал рыть под сруб.

«Это никогда не кончится. Это все бесполезно»,— думал Жизлин и отгребал руками землю из-под лопаты.

Завьялов стоял на коленях, копал и копал...

Ночью Завьялов первым вылез из-под избы. Под грудью встрепенулся куст, брызнул охлаждающим запахом в лицо: это мята! Как она пахнет!

Окончание. См. «Огонек» № 14.

Вылез и Жизлин и, когда распрямился, увидел над полем звезду.

«Это невероятно, что он сделал»,— подумал Жизлин и, блестя слезами, посмотрел на Завьялова.

За углом избы — тень часового. Он на крыльце спал, уткнувшись в колени, и снился ему жаркий костер, от которого вдруг вонзилось пламя в самое сердце.

Петушок, петушок,
Золотой гребешок!

Красный огонь сверкнул за стеклами в избе и погас и снова сверкнул. Два взрыва прогрохотали в деревне.

Все было бы хорошо, если бы Жизлин не побежал через подсолнухи. Он запутался и обессилел там, и не только бежать, но и стоять не мог.

Завьялов один пришел в орешники. Ребят тут не было.

— Петушок, петушок,— негромко сказал он и вдруг услышал:

— Командир!

Шло теперь семь человек. Не было Жизлина.

«Главное — это держать оружие и ни о чем не думать. Идти и идти. Горе так велико... Он потерял минуты в подсолнухах и пропал. Я его не предупредил, хотя там было безопаснее, чем в поле. А вдруг?..»

Завьялов остановился, и когда все прошли мимо него, он достал из кармана две картошины и положил их на тропку.

XII

Только почти через двадцать лет они встретились на лугу, в тишине, о которой так мечтали.

— Как ты выбрался тогда? — спросил Алексей.

— Я запутался в подсолнухах, но все-таки выбрался. Очутился почему-то возле реки. Они искали нас всю ночь. Я переплыл на ту сторону. А на другой день встретил своих, так повезло. Мы партизанили до сорок третьего года. Был ранен, и из-за этой раны больше не воевал. Я все хотел узнать про ребят. Все ли дошли?

— Мы пришли, и не семь человек, а уж сорок нас было. Ерохин мне иногда пишет. Он на Днепре, под Дорогобужем, управляющий в совхозе. Гостил я у него с неделю, уж давно. А ты поседел.

— Я пришел к своим уж седой.

— Я тебя всегда помнил. Я почему-то думал, что ты не пришел, и вдруг — огненные журавли. Неужели, думаю, это тот Жизлин? И я рад, что это ты.

Жизлин опустил голову. Кустик вереска дрожал от зудевшего в его цветах шмеля.

— Я не знаю, как я тогда выдержал в ту ночь, когда ты копал. С тех пор я всегда хочу сделать что-то сверх сил, зная по той ночи, что это возможно сделать, пробиться сквозь сомнения и отчаяние на такой редкий предел для себя, за которым, кажется, вижу в чистоте незадымленные цвета жизни, как это бывает в радуге над мокрым после дождя лугом.

— Слушай, Жизлин, хочешь пожить у меня?

— Мне здесь нравится. Здесь как-то светлее.— Он посмотрел на Полю, которая перебирала и резала грибы в ведро с водой.— А я вас, кажется, видел на море позапрошлым летом? Это вы были?

— Кажется, да.

Перед шалашом разожгли костер и, когда оттрещала смолистая хвоя, поставили на жарко тлеющие поленья сковородку с грибами. Насобирали их тут же, на обочине, по вереску и можжевельникам.

Алексей нарезал хлеба большими ломтями. Он любил большие ломти: они гуще пахли.

— Вот, Жизлин, тебе самый громадный кусок нашей мечты. Помнишь, как сухари грызли? Откусишь крошку и не жуешь, она сама тает во рту.

Жизлин взял ломоть, прижался к нему губами.

— Так пахнет счастье. Я это всегда помню.

Поля помешивала грибы в сковороде, пробовала вскипавший навар и вдруг рассмеялась.

— Как дети! Я смеюсь, потому что это хорошо.— Она поднесла к губам ложку с наваром. — Так вкусно! Но надо еще, чтоб они прожарились, подсохли. Это мои любимые грибы — лисички. Мне даже жалко их брать: они похожи на маленьких птиц. Попрятались все под листья, так смешно... А вы какие любите грибы, Павел Андреевич?

— Всякие, даже поганки, ей-богу, за их удивительный цвет. Яркость необыкновенная! Хороши подосиновики. Но, конечно, самые лучшие грибы — это ваши лисички,— говорил он и смотрел на ее косынку, по которой розовато отблескивал огонь костра.

Алексей выхватил из костра сковородку с зажарившимися грибами.

— Я полежу. Что-то устала,— сказала Поля. Она скрылась в темноте шалаша и легла там на сено.

Жизлин задумался, смотрел куда-то за реку.

— Я все не верю, что есть этот луг с костром, все мне снится. Вот проснусь и увижу тебя в гимнастерке, ты копаешь.

— А я вдруг улыбнусь и скажу: садись, Жизлин, к грибам, которые моя жена приготовила. Она чуть устала. Мы рано встаем. Пробуй грибы.

Поля лежала в шалаше так, что видела Жизлина.

«Голова, как в снегу... седой... он то совсем юноша, то вдруг эта морщина над переносьем, как она бьется в этих отсветах».

Поздно вечером Алексей лег в шалаше рядом с Полей. От ее волос пахло дымом, они и похожи-то были на мглисто клубившийся дым. Она тихо дышала, обдавая плечо Алексея теплом.

Он долго не мог уснуть: в подушке что-то шуршало и сухо потрескивало.

Захотелось пить, и он осторожно встал, и будто не воду пил, а ночную тепловатую и густую мглу.

Не спал и Жизлин. Он лежал на развороченной копне, где постелили ему. Луг в росе, как запотевшее стекло, а вокруг густая с тьмой синева, прозрачно размытая в поднебесье звездным сиянием. У реки — скрип, как будто ветла скрипит на ветру, но это коростель, это его голос тревожит.

«Я должен благодарить судьбу, что вижу эти звезды и лежу на этом сене,— думал Жизлин,— и должен быть счастлив и рад, что счастливы и они. Она любит его, и я сделаю что-нибудь хорошее для них, непременно что-нибудь сделаю, чтоб и им было радостно от меня. Удивительно, как все сошлось, а в то же время это не бессмысленная случайность, нет, это могло и не случиться, но раз случилось, значит, в том, как мы жили, каждая мелочь, все-все теперь как бы пришлось к этой встрече».

XIII

На другой день Жизлин косил, когда Алексей садился отдыхать, ворошил ряды и помогал класть копны: подавал Поле охапки сена, а она утаптывала его золотисто-смуглыми ногами и с каждой охапкой поднималась все выше и выше.

Жизлин уходил от копны под взглядом ее весело блестевших глаз, а Алексей шел навстречу с новой охапкой, жарко накрывавшей его.

«Каждый день я нахожу что-то новое в ней, как будто она живет солнцем: оно одно и всегда разное».

Сегодня она была очень красива, смеялась, и еще ярче отливала зелень в ее глазах. Алексей был доволен: от такой хозяйки и гостю хорошо.

А перед закатом опять зашипели в сковородке грибы, на этот раз не лисички — подберезовики, попали Алексею под косу в сухом белоусе.

Тут у костра произошел любопытный разго-

вор между Жизлиным и Балмасовым, спор, в котором как между разно заряженными частицами потрескивали довольно-таки сильные искры.

Балмасов был по делам колхоза и вот дал сюда крюку, чтоб, как он выразился, сбросить хоть на часок бремя своей упряжи. Он слез с тележки с плетеной спинкой и сиденьем, покрытым зеленым ковриком, поднял над головой букет красноколосого иван-чая.

— Полина Сергеевна, представьте, что эти цветы стоят миллион и я, не задумываясь, ради вас отдал за них этот миллион!

Алексей познакомил Балмасова с Жизлиным.

— Художник! Друг мой по фронту!

Когда сели к костру, Балмасов сказал:

— Что ж вы собираетесь тут запечатлеть?.. Какие-нибудь дали? Я, конечно, понимаю, замысел еще не созрел, вы еще не знаете, что в той дали будет: высоковольтная мачта или семафор. Я даже вам подскажу: метните-ка в той дали реактивный след цвета парного молока с этаким намеком на возрастающую кривую надоя в данной местности.

Жизлин неожиданно быстро ответил:

— Вы, по-моему, сыты до предела, раз плюете и на высоковольтные мачты, несущие свет, и на молоко, которое очень бережно и экономно мать наливает в стаканы своим детям. Плюйте на мое дело — к холсту не пристанет, но не на святые старания людей.

Балмасов совершенно не ожидал такого ответа, даже растерялся, сунул пустую вилку в рот.

«Спокойненько, Вадим Николаевич, спокойненько,— сказал себе Балмасов.— Ты еще вытащишь его на песок, и он еще похрипит жабрами. Здесь не салон, черт возьми, воля с чистейшим кислородом».

Балмасов отложил вилку, очень спокойно вытер губы ольховым листиком.

— Полина Сергеевна, грибы ваши так хвалят себя, что запах их сейчас вдыхает вся планета, но я вынужден дать некоторый простор своей речи,— сказал Балмасов.

«Не остановить ли этот разговор?» — подумал Алексей.

Поля сжала его руку: пусть, в конце концов это мужчины.

— В святых стараниях, о которых вы упомянули, есть и моя доля,— сказал Балмасов.— А какая доля от вашей мазни, от ваших далей? Я их каждый день вижу, эти дали, в натуральном виде и зимой и летом. Лучше бы они поближе были, особенно когда едешь домой по весенней грязи под капающей на тебя жидкостью со снегом. Но раз вы за этой мазней до седых волос простояли, то уж вы мне что-нибудь такое дайте, чего я не знаю, не видел, какую-нибудь тайну, к замочной скважине меня подведите. Что там, по ту сторону закрытой двери? А то все ясные дали или пыль на скоростной стройке, где даже женскую красоту в ватник облачаете, в рукавицы с сапогами. А вот по ту сторону закрытой двери плечо ее, простите, белее лепестка ромашки. Я знаю, вы меня сейчас какой-нибудь богиней контратакуете. Но и знаменитое плечо прекрасной богини в мраморе я променяю на тепло живого плеча с косточкой. Это реальность, а не красивая ложь, неощущаемый мираж... Вы покажите в своей картине и этот костер, и копны, и красивую женщину с нами. Но что у нас на душе? Это даже узнать невозможно. Тут и стоп, тут и развилка: от нее по одной дороге идут все скопом, а по другой — раз в сто лет проходит бесстрашный гений. Какая была бы его картина про нас? Тут наша куцая мысль кончается. Но вы художник, вы что-то видите, заметили даже мерзавчинку в моих словах про кривую, и наши мыслишки достигают светочувствительной вашей души, и у вас своего рода мыслишки витают. Откройте нам свою замочную скважину. Нет, не откроете! Наврете для своей порядочности, а не откроете!

— Что это вы, здоровый, молодой мужчина, до замочной скважины себя принизили? А я было залюбовался, как вы букетом тряхнули с этаким шумом. Признаться, не ожидал както, не по мне это... Алексей, я остаюсь здесь,— сказал Жизлин.— Только чтоб у меня своя коса была.

— Это сделаем. А пока давай ложкой покоси, это необходимо, чтоб не было такой картины, когда косец от собственного взмаха вперед травы падает.

Жизлин засмеялся и принялся за грибы.

XIV

Жизлин переехал к Алексею, но не у него жил, а в шалаше на покосах: так ему надо было для его работы. В деревне он бывал редко, брал в лавке хлеб, папиросы, спички и уходил.

Алексей иногда навещал его, сидел с ним. Жизлин был задумчив, хоть и улыбался, но как-то рассеянно.

— Скоро холода и дожди, а я ничего не успел сделать,— сказал он однажды Алексею.— Ни на что не отвлекаюсь, отвык и от голоса, чужим кажется, а результат такой, что отчаиваюсь. Но я привык к своему отчаянию, потому что знаю, как трудно приходит ко мне удача.

— Что это у тебя? — спросил Алексей, взглянув на стоявший у шалаша искорявленный коричневыми и черными красками картон.

— Это земля!

— Похоже.

— Наша встреча воскресила во мне тот бой на переправе. Должна быть земля — дорога на переправе. Это дорога, на которую мы не пустили их с воды. Просто дорога, она молчит, но я хочу, чтоб земля этой дороги сказала, что было в тот день. А она молчит, будто закляли ее.

Жизлин лег на спину, заломив под голову руки.

— Я могу повторить все до мельчайших подробностей. Ты знаешь, Забелин был убит?

— Да.

— Но когда мы ушли, я оглянулся и увидел, или мне это показалось, как он поднимался, держась за корень, который торчал из обрыва над дорогой. Картины загораются и гаснут передо мной. Как заставить заговорить эту дорогу? А может, в ее молчании и есть то величие, дальше которого нет ничего?

Вернулся домой Алексей перед вечером. Поля стояла у окна, смотрела куда-то за реку. Алексей остановился в проулке. Неподвижны и задумчивы были ее глаза, даль словно заворожила их. Она не видела его.

— Что с тобой? — войдя в избу, с тревогой спросил Алексей.

— А я тебя жду. Ты где был?

— Ты какая-то странная.

— Правда?

— Что-нибудь в школе случилось?

— Нет.

Алексей поставил на подоконник фуражку с брусникой.

— Земли не видать, такие ягоды.

Поля сняла с его плеча хвоинку.

— Так от тебя пахнет осенью. Уже осень. Весной было так хорошо, а сейчас как-то тихо. Улетели наши ласточки над окнами. Как им далеко лететь: над степью, над морем с чужими на другом берегу скалами... Ты заходил к нему?

— Да.

— Он, наверное, замерзает: по ночам холодно.

— Я дал ему полушубок.

— Я поставлю чай. Меня что-то знобит... А как дела у него?

— Сказал, что верит в удачу.

— И совсем один.

— Да. Хорошо, говорит, думается по ночам в шалаше. Я обкопал шалаш, чтоб не подмокало. Стоит чугунок с кашей. Салом бы надо его поддержать.

Когда легли спать, Поля сказала теплым шепотом:

— Ты видел море?.. Воспоминания так неожиданны. Я тебе расскажу про одну девушку, которая хорошо и сильно плавала. Доплывала до скалы далеко в море и там сидела одна. Она была ближе всех к пароходам, к чайкам, к волнам. Она целыми днями сидела там. А вечером гуляла в парке в белом платье, ходила по тропинкам, где цвели жасмины. И вот до той скалы доплыл один мужчина, а ее уж там не было: она уехала в этот вечер. Постояла на берегу и ушла, а он доплыл, и она так жалела, что ее не было там. Они никогда не забыли бы друг друга, встретившись там, так далеко среди волн.

— Что ж он так долго ждал?

— Не знаю.

— А потом встретились они?

— Да, но она была уже замужем.

— И как же теперь быть им?

— Для него это все равно. Это только она так его помнила.

— И муж не знает, что она другого помнит?

— Нет... А зачем это? Она любит своего мужа.

— Но если бы он знал, он мучился бы. Незнанием своим, значит, счастлив,— сказал Алексей и подумал: «Хороша первая любовь, но когда она последняя».

Не вытерпел и сказал:

— Я не мог бы так жить. При мысли одной все мутнеет. Душа не родник, хоть и чиста, замутится вмиг и навсегда, бывает.

Поля вздрогнула, будто стало ей зябко от сквозившего из-под застрех ветра: спали они на сеновале, на том самом накошенном ими сене, источающем сейчас по ненастью жаркие запахи медового лета.

XV

Жизлин уезжал. Алексей вез его на станцию.

Ветер с брызгами, то ослабнет, то задробит по брезенту, под которым, укрывшись, тесно сидели они.

Возле школы остановились. Выбежала Поля в наброшенном на голову красном капюшоне. Ученики ее толпились у окон с аквариумом и какими-то вьющимися зелеными цветами, смотрели, как прощалась учительница.

— Прощайте!

Из тронувшейся телеги Поля вырвала прядку сена, смяла ее в руках, потом подбежала к Алексею, подпихнула быстрой рукой брезент на его спине.

Моросит, чернеют кусты и копны в этой хмури с зелеными, чуть запотелыми от дождя озерками озимых, от которых кажется, что где-то прояснилось, а глянешь — все то же мутящееся сумраком небо вокруг.

— А где-то сейчас солнце вовсю светит.

— Для разнообразия и такая погодка ничего,— сказал Алексей.

— В Москве сейчас мутно за окнами и только мокрый асфальт блестит... Жалко шалаш!

— Привык. Новый шалаш поставим, если приедешь.

— Приехал бы...

— Что «приехал бы»? Рады будем, прямо с весны, дорогу теперь знаешь. Соловьиные ночи весной бывают. Вот красота!

— Не приеду, Алеша.

— Почему?

— Я скажу тебе честно. Началось это еще позапрошлым летом. Первый раз я поехал на море и, конечно, как увидел, потрясен был: почувствовал стихию вечную.

Укрепился я на обрыве над морем, и пошла работа. Гляжу как-то: далеко-далеко в море, на скале, что-то, как змейка, блестит. До вечера ждал. Поплыла эта змейка от скалы. Ближе и ближе. Вскинется на волне и опустится.

Вышла она на берег, тоненькая, стройная, будто само море вынесло ее для радости, и еще мокрая, в пене стоит.

И каждый день видел, как уплывала она на скалу и возвращалась, проходила мимо меня по дороге.

Некоторые из любопытства подходили ко мне на работу мою посмотреть. А она нет. Но вдруг подойдет? Что-то необыкновенное хотелось мне сделать, и сил порой не было, уставал: на коленях стоял, а работал.

А вечером гуляла в парке в белом платье, на нее все смотрели: она одна доплывала до той скалы, и еще потому смотрели, что она была очень красива, и это какая-то необъяснимая была красота. Только теперь понял: глаза у нее, как с дождя, с нежным блеском мокрой зелени.

Не смел к ней и подойти. Но думаю: работу закончу, подойду и скажу — пусть взглянет, что для нее сделал.

А время шло, и неделя мне оставалась до отъезда, а я вдруг все снова начал: другую точку нашел, за своей спиной, в двух шагах, как глянул с этого места — дух захватило.

И неделя прошла. Комнату я снял у одной женщины. Уйду чуть свет — и до вечера.

Но закончил. Вот сейчас и скажу ей. На берег спустился, она как раз из воды вышла. Вблизи прошла, свежестью, как от разбившейся волны, обдало меня.

«Что картина моя перед ее красотою? — думаю.— И лучше помолчать».

Заплыл я на ту скалу и понял, какой она здесь красотою дышала, из-за этой красоты и плавала сюда. Море как бы возвышалось над степью, и чудилось, что это не скала, а крылья, которые парят над бездной.

...Ты дай мне закурить,— говорил он прерывисто, руки его тряслись, когда он поднес огонь к папироске.— Сразу все оборву, Алеша. И я встретил ее снова... встретил у шалаша на покосах. Она теперь твоя жена.

Алексей опомнился — в руке кнут, рядом Жизлин, ветер шипит по брезенту. Отбросил брезент. Брызги холодно растаяли на губах и на лице с побледневшими рябинками, и вдруг улыбнулся, опустил голову: это была оберегающая его своей лаской улыбка.

Вот и станция, вот и поезд. Жизлин стоял перед закрытой дверью вагона. Внизу — у самой подножки Алексей.

Поезд тронулся.

Петушок, петушок,
Золотой гребешок...

Сказал кто или это только так почудилось Алексею?

Жизлин распахнул дверь. Они протянули друг другу руки и не успели сжать на прощание, как дернувшийся поезд оборвал их пожатие.

Мелькнул последний вагон, светло открылось перед Алексеем поле с дорогой, как будто открылась новая страница. Что он узнал на ней?

XVI

Первый снег. Где бело, где трава еще зеленая отволгла и мокро брезжит светом ненастья. По крышам, шурша, скользят с ветром рисинки льда, звенят по стеклам, за которыми тепло и уют.

Алексей принимал в Высоком машины для лесничества. Проголодался, пошел в чайную. С крыльца, скрипя бурками, сходил Балмасов. Руки в карманах распахнутой шубы, веселый. Он сказал, что был в командировке в Москве.

— Видеть тебя хотел. Кое-какая сенсация есть. Пошли, посижу с тобой!

Они зашли в чайную.

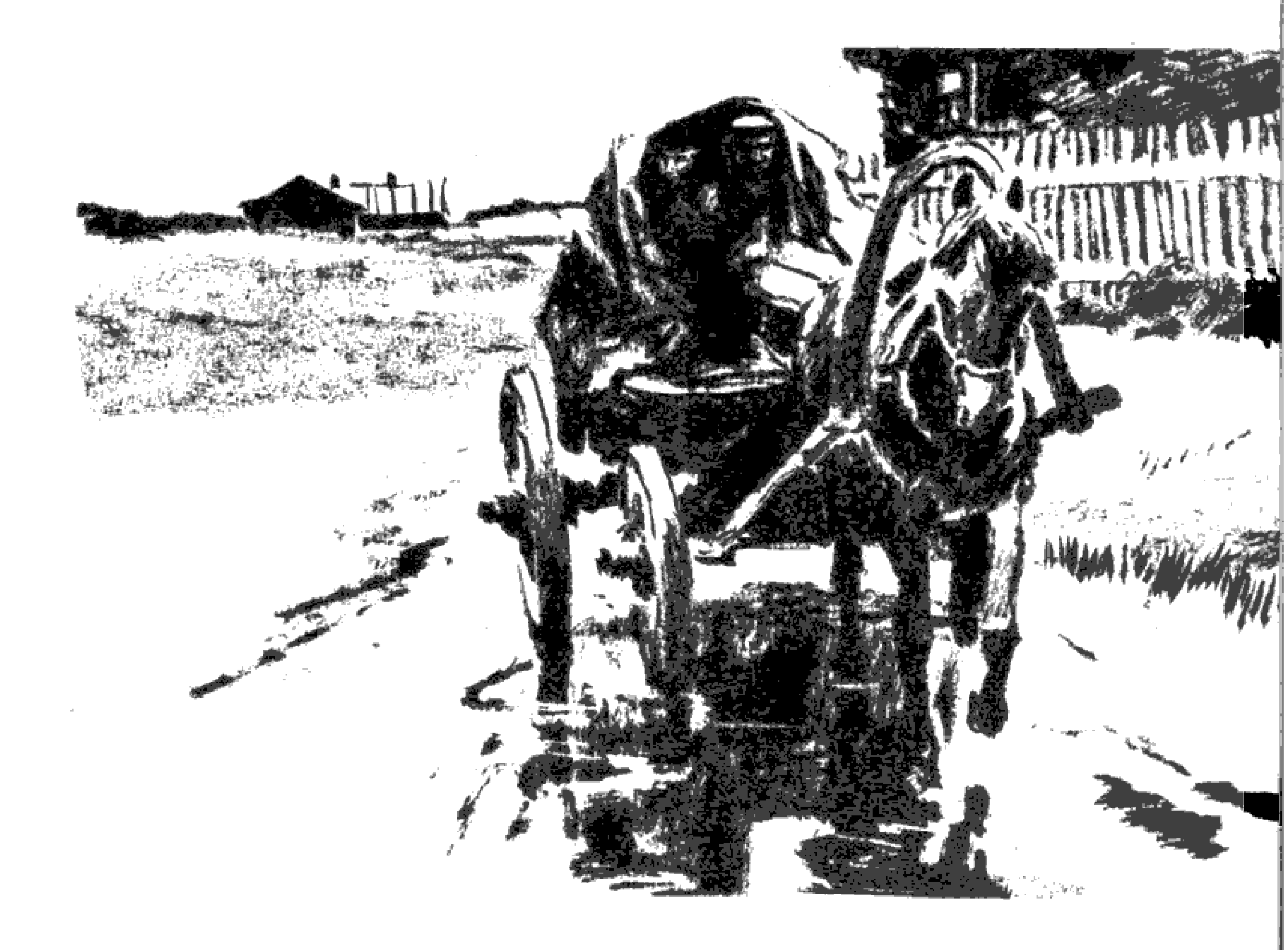
— Побывал в «Метрополе» по старой памяти. Грандиозный зал с фонтаном, иностранцы.— Балмасов заложил в рот кусище рыбы и продолжал: — Навестился туда с одной своей знакомой — блондинка с синими ресницами, это очень модно, последний крик на ниве заменителей красоты. Как неземная женщина — венерянка, с далекой планеты, туман нейлона, и это всего лишь в трехстах верстах отсюда.

Балмасов чокнулся с Алексеем.

— Видел на выставке его женщину, моющую окно,— сказал он про картину Жизлина.— Пошел из любопытства взглянуть после тех наших взаимных с ним ущемлений на покосе и, признаюсь, не ожидал, что увижу знак гения. Эту картину надо вешать одну на стене эдак с версту длиною, потому что все равно ничего не замечаешь после его картины, как раз нужна верста, чтоб опомниться для дальнейшего осмотра свекольных нив и полевых станов с гречневой кашей... Выпьем за него, с которым вместе грибы ели, и через это, может, в историю войдем, хоть это будет и неощутимо для нас на том свете. Куда ощутимее тысячный шелест в кармане от всяких комментариев, черт возьми, и воспоминаний, а поэтому начинаю с ним переписку ради синих ресничек, которым надо не сердце с дохлым замиранием, а что на сердце, в кармане, и если он пуст, пей газировку на свои суточные и улыбайся или щерься на какой-нибудь двухэтажный автобус, чтоб видели все, что ты только что из деревни, как говорится, дивуешься.

— Что за сенсация у тебя? — перебил его Алексей.

— Сейчас будет и сенсация. Замри и слушай... У меня всегда было желание постичь что-то в человеке, заглянуть в тайны его. Как какой-нибудь бриллиант, на который глядим с восторгом, любуемся, а между тем за этим бриллиантом может быть убийство, слезы, этим бриллиантом заплатили за ночь измены или отдали его за деньги для любовника. Я вижу дьявольские истории за его сверканием, и только случайность вдруг открывает какой-то факт. Такой случайностью было мое намерение навестить Жизлина. Это я и сделал. Думалось мне, что живет он в какой-нибудь развалине с туалетом среди двора, но увидел я современный дом с лифтом, который вознес меня на пятый этаж. Он сам открыл мне, очень любезно встретил, даже помог снять пальто. В обители его мало мебели, но зато много солнца. Он оставил меня, а сам оделся и пошел кое-что купить для встречи. Я поинтересовался: что за рабочая площадка у него? Это хаос. На стенах какие-то корни, пучки трав, куски фанеры с красками на полу, по углам холсты, какие-то бумаги. Перед окном, где он работает, пол истерт, вытоптан, как «пятачок» среди травы.

Слушай, какой тут был удар! Огляделся я и вдруг замер. Буквально замер. На стене портрет. Как живые, ее глаза глядели на меня, как будто она прощалась с несказанным признанием, нежно и чуть смущенно, сверкали слезы, даже что-то переливалось в них, преломлялся зеленый цвет ее глаз. А лицо в сиянии света от красного капюшона на ее голове.

Видишь, на какие слова и меня она вдохновила. Ты догадываешься, кто это?.. Твоя жена!

Не забыл, как мы с ним у костра спорили?

Он отверг замочную скважину, а сам не минул ее: открыл тайну, взгляд ее и выдал, что она прощалась с ним, даже, возможно, при тебе, в суете был этот взгляд, и это было для него огнем, чего и не скрыл, что она безумно любит его, потому что без любви и не было бы этого взгляда и портрета, в котором он отразил тот прекрасный для себя миг.

Подошел я поближе, чтобы ее признание до сердца узнать, но словно скрылась за шершавыми мазками, за пятнами, какое-то уродство увидел. А отошел, и снова просияли ее глаза.

В этом, может, и мысль, что ближе ничего быть не может, все только так, до этой черты, до несказанного ее признания.

Балмасов, наклонясь над столом, приблизил свое лицо к Алексею.

— Черт возьми, со мной она так не прощалась в тот вечер, когда ты увел ее от меня! Но мы квиты. Она улетела и от тебя, ее любовь с ним, а с тобой мучительная для нее честь и порядочность, а может, и жалость: ей жалко и совестно обидеть тебя. Со мной она поступила проще: ушла, как от подлеца. Но я не скорбел, не огорчал никогда свою жизнь скорбью или гневом от обид... Что ж, выпьем!

Он дрожащей рукой с рюмкой потянулся к Алексею, глядя в глаза его нагло и насмешливо.

— Откуда ты здесь? — чужим вдруг голосом сказал Алексей.— По какой ты совести прописан у нас? Где ты эту совесть поднял, в какой яме взял? У нас таких не было. Я не знаю тебя. Ты чужой мне, и почему ты лезешь в мою жизнь и сидишь со мной, руку со стаканом тянешь? Я с такими не пью.

Алексей встал и вышел из чайной. Официантка Катя нагнала его на улице.

— Алексей Иванович, шапку забыли. Что это, вы и не пьяны?

Белый передник, белая наколка в смородиново-черных волосах бьются на ветру со снежинками.

— На невесту ты похожа,— сказал он и посмотрел с грустью и ласково в ее глаза.

XVII

Пришла зима, солнечная, морозная, с синестынущими тенями по снегам. Курилась поземка над сугробами, слоисто подмытыми ветрами. Режуще тонко свистело по ночам в застрехах изб и в стогах, раздувая сухую и пахучую теплынь сена.

А по утрам от зари розово зажигались на стеклах изморозные узоры.

Плела и жизнь из часов и дней свой неповторимый узор.

Что-то все ждал Алексей, хотя, как и прежде, шла жизнь в доме, ничего будто не изменилось. Утром они уходили на работу и возвращались: Поля пораньше, еще перед сумерками, а Алексей приходил, когда горели огни в окнах.

Так каждый день, и только в воскресенье вставали поздно, пили с поджаристыми пышками чай и, если была погода, катались с берега на лыжах. Накатаются, намерзнутся, придут домой, и нет ничего вкуснее ржаного хлеба с солью. Едят, смеются.

Как вдруг — это уже в начале марта было — поехали на лыжах после обеда, часа в четыре. Было, как говорят, морозно. Не морозно, а морозяно, что относится к весне, когда воздух свеж и чист, а лед сухо хрустит, особенно по ночам.

Выехали за деревню. Поля впереди, в куртке и в белой шапочке.

— Ветер,— сказал Алексей.— На всякий случай пальто я тебе возьму.

Вернулся домой. Перекинул пальто через плечо. Что-то упало. Авторучка. Положил ее на стол. Может, еще что в кармане есть, не потерять бы. Записную книжку достал и какую-то бумажку... Развернул... Письмо!

Чужих писем в семьях нет, и он прочитал его.

«Дорогой Павел Андреевич! Еще не знаю, решусь ли послать вам это письмо. Решусь ли? Если б за этим словом была только моя судьба!

Я думала, что все пройдет. Я никогда не думала, что жизнь моя может быть прекраснее того, чем я жила. Но вот что было прежде счастьем, стало для меня мучением моей совести перед Алешей.

Вы святы для Алеши, и он для вас свят. Не могу и я погасить его улыбку, но и жить так нельзя.

Что делать? Все мы честны друг перед другом, жизнь наша сплетена дружбой, а все рвется из-за того, что я увидела вас тогда на море и помню...

Но надо жить, раз невозможно ничего сделать».

На этом письмо обрывалось, не дописала его, хотела дописать после или что-то решила вдруг.

Алексей положил письмо опять в карман. Перекинул пальто через плечо. Шагнул — и как в другую жизнь.

XVIII

Как и всюду, горит в окошках Завьяловых свет, и никто не знает, что за этими светлыми окнами.

«Как мне жить дальше? Что делать?» — думал Алексей и, когда решался сказать ей про все, что знал, вдруг жалел ее: она ведь и сама мучилась.

Был бы выход. Но где он?.. Где?.. А может, ничего не поделаешь, раз это сама жизнь, в которой с бурями в каждом из нас летят, летят те огненные журавли?

Давно отцвели ивы тонко и сладко пахнущими сережками, в рюмках развернувшихся лопушиных листьев дрожала, как ртуть, дождевая вода. Прилетели соловьи в родные уремы — приречные чащины орешников, лозняков и черемух, но еще не пели, отдыхали после долгого пути из-за моря.

Недолго их молчание, после которого открывают они своими песнями соловьиные ночи.

Наступил решающий в этой истории день.

Утром Поля уехала в Вязьму купить себе платье.

— Хочу быть красивой-красивой!

Но дело было не в платье, с платьем можно было и обождать: она мечтала о подарке ко дню рождения Алеши, что-нибудь необыкновенное хотела ему подарить.

Часа через три после ее отъезда в лесничестве раздался звонок. Алексей взял трубку. Звонили из Вязьмы.

— Поспешите — успеете,— раздался шепот в трубке.— Ваша ягодка в ресторанчике на углу.

Алексей слышал, как кто-то тихо-тихо дышал в трубку.

— Балмасов,— сказал Алексей.

Ему только так показалось, но он не ошибся.

— Извините, незнаком,— сказал голос в трубке.

...Поля приехала в Вязьму часов в двенадцать. День был теплый, хоть и без солнца. Теплый запах автобусов на площади напомнил о Москве.

«Как все забылось, словно и не жила там»,— подумала Поля.

— Полина Сергеевна,— тихо окликнули ее.

Она обернулась.

— Павел Андреевич!

Заводы породнились

Замечательную свадьбу отпраздновали недавно в Коломне. Виновниками торжества были молодые рабочие двух соревнующихся предприятий — слесарь Каменского машиностроительного завода Игорь Лысоконь и рихтовщица коломенского завода «Текстильмаш» Валентина Аксенова.

Секретарь исполкома Коломенского горсовета Н. Ахшарумова поздравляет молодоженов — Игоря и Валентину.

Фото Н. Скоркина.

Они познакомились летом 1958 года, когда Валя приехала к украинским машиностроителям с делегацией своего завода. Валентина возглавляла тогда комсомольскую организацию веретенной сборки, а Игорь был членом заводского комитета ЛКСМУ. Молодые люди подружились. Из далекой Каменки письма летели в Коломну, из Коломны в Каменку. Игорь несколько раз наведывался к Вале «по пути», расстояние-то ведь невелико: всего-навсего полторы тысячи километров! И вот в феврале этого года слесарь из Черкасской области снова приехал в Коломну вместе со своими товарищами по заводу, чтобы подвести итоги соревнования коллективов и заключить новый договор.

В соревновании победили каменчане, им присужден переходящий вымпел. А Игорь Лысоконь одержал и еще одну победу: женился на Вале Аксеновой.

В Коломенском загсе молодоженов тепло поздравили и пожелали им счастья друзья, родные, председатель горсовета Никитин, секретарь исполкома горсовета бывшая работница «Текстильмаша» Н. Ахшарумова. А вечером завод праздновал комсомольскую свадьбу. Руководитель украинской делегации И. Еднерал сказал, что украинские машиностроители с радостью примут Валю в свой коллектив.

А. БЕЛЯЕВ

Город шагает к морю

В нескольких километрах от Автово, на южном побережье Финского залива, высажены девяносто лип и тополей зарождающегося парка. В гавани намывается береговая полоса. А там, где Большой проспект Васильевского острова выходит к заливу, ведется подготовка к сооружению Морского пассажирского порта.

Новый район Ленинграда, тяготеющий к морю, задуман архитекторами как целостный городской ансамбль. Он раскинется почти на полутора тысячах гектаров. Пятьсот сорок из них займет парк, который будет простираться до Стрельны, а затем со временем соединится с Нижним парком Петродворца. У моря отвоевывается больше трехсот гектаров заболоченной низменности.

Вдоль берега залива в парке появятся пляжи, купальни, лодочные и моторные станции, яхт-клубы, спортивные сооружения.

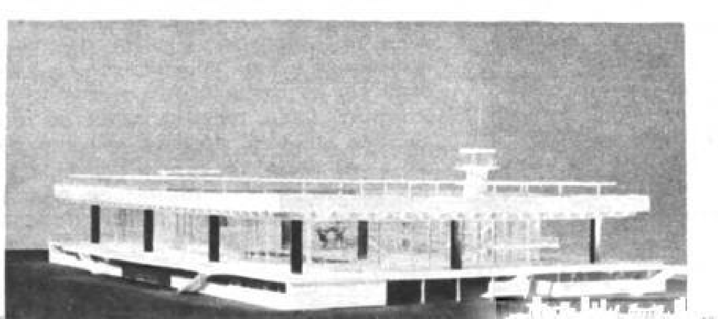
К южной части парка примкнет жилой район, в котором поселятся сто тысяч человек.

Пассажирский порт станет принимать крупные океанские лайнеры и суда, курсирующие между Ленинградом и прибалтийскими портами. Интересно задумано монументальное трехъярусное здание Морского вокзала. Железобетонная крыша его покоится на колоннах, отделанных черным мрамором. Между ними — стены из полированного стекла.

Недалеко от вокзала — три многоэтажных дома, связанных между собой остекленной галереей. Это гостиница. Вблизи нее будут построены станция метро и вертолетная площадка.

К. ЧЕРЕВКОВ

Проект Ленинградского морского пассажирского порта.

Сладкие мечты

— Вы пришли очень кстати. Мы как раз начинаем закладывать продукты для новой партии мороженого, — встретила меня Галина Филипповна Терентьева — начальник цеха мороженого Московского холодильника № 7.

На меня надели белый халат, повязали на голову марлевую косынку и повели в заготовочный цех. Заготовки — объедение! Из сливок, молока, сахара, шоколада, фруктовых сиропов, орехов и множества других вкусных вещей готовят смесь, которая затем превратится в ароматное мороженое.

В светлой комнате около эмалированной ванны стояло десятка два банок с томатным соком. Работницы подхватывали их и выливали содержимое в ванну, туда же ссыпали сахарный песок.

— Это наше новое мороженое из томатного сока с сахаром. Не хотите ли попробовать?

Вкусно... Сладкое, с легкой приятной кислинкой... Меня уже ждал новый сюрприз — четыре разноцветных холодных шарика: детское мороженое из моркови, из кураги со сливками, из чернослива с орехами и корицей и мороженое из натурального виноградного вина. Все эти

— Я глазам своим не поверил, что это вы,— сказал Жизлин.

Он был в пальто и в кепке, на ботинках присохшая глина с соломинками. Усталые тени у глаз, и улыбка была слабой: улыбался, словно в счастливом сне.

— Как Алексей?

— Вы где-то были?

— Да... Как Алеша?

— Все по-прежнему.

— Надо, чтоб так и было. А я по старым местам ездил. Немного устал.

— Загорели.

— А Алеша не с вами?

— Нет.

— Поезд еще не скоро. Что же мы стоим тут? У вас есть время?

— Да.

Они стояли у дощатого забора, за которым гремел бульдозер, разгребал развалины — в мшистой прозелени битые кирпичи. Горчайше дымил потревоженный машиной прах войны.

— Не возражаете, если мы посидим где-нибудь у окна? — сказал Жизлин.

— Хорошо.

Они зашли в ресторан и сели у окна.

— Где же вы были? — спросила Поля.

— Мне там давно надо было быть. Это наша военная переправа. Она не дает мне покоя. Вы непременно скажите Алеше, что я там увидел. Это так просто и потрясающе!

Принесли вина. Жизлин поднял бокал с застывшими пузырьками воздуха.

— За вашу любовь, Полина Сергеевна, за Алешу! Только его вы так и можете любить.

— За вашу удачу! — сказала она и улыбнулась.

— Вы знаете, что я там увидел, на переправе? Бессмертники!.. Дорога заросла бессмертниками. Военная дорога — и на ней бессмертники. Я видел дороги, заросшие и багульником, и вереском, и полынью, и лебедой. Но здесь были цветы бессмертия. Так и скажите Алеше! Нет, я дам один этюд. Угадает ли он?

«Что угадает? Я ничего не понимаю и не хочу понимать. Мне так хорошо, что я слышу его голос, что мы здесь!..» — И она улыбалась и ждала, когда глаза их встретятся и он произнесет это разжигающее слово «бессмертники».

— Да, да,— горячо повторил Жизлин.— Бессмертники!..— И глаза их вновь встретились, на какое-то мгновение тишина между ними заворожила их, и шум в зале, как в морской раковине, показался далеким-далеким, похожим на воспоминание, в котором нет слов, есть только чудесно воскресшее биение радости в сердце.

«Алеша ей все рассказал,— подумал Жизлин.— Зачем?»

— Вы все знаете?

— Да,— слукавила она.

— И удивились?

Она не знала, о чем он говорил, но ей было весело, и она хотела шутить.

— Нет,— ответила она.

— А мне так хочется приехать к вам. Я даже жалею теперь, что увидел вас тогда на скале. Лучше бы ничего не было.

— Вы рассказали Алеше про скалу?

— Да.— И Жизлин рассмеялся.— Выходит, я сам себя выдал, проговорился!

— Вы рассказали Алеше про скалу? — снова спросила она.

— Да...

«Что я наделала, Алеша, милый!»

— Простите, но мне надо сейчас уйти,— сказала Поля, решив сразу же ехать домой.

В это время и подошел к окну Алексей. На столике потемнело, словно кто закрыл свет.

— Алеша!

Поля выбежала к нему. Он спешил сюда, разбил на дороге свой мотоцикл и еще яростно дышал, был горяч, но Поля видела только его глаза с замглившейся голубизной.

— Погубила я все, Алеша!

— Ты не виновата.

Он пошел, и она пошла рядом с ним. Он, не останавливаясь, быстро и сильно сжал ее руку.

— Прощай!

— Тебе разве не жаль меня?

— Жаль. Ты одна у меня.— Он отпустил ее руку.— Но все, все... Тут и конец, Поля!

Но и на перроне вокзала они не могли расстаться.

— Алеша, родной мой, родной!..— вырвались эти неразлучные с горькой минутой слова.

«Что же случилось, что разлучало их?» — думал каждый, кто видел этот мелькнувший в дороге миг жизни.

* * *

Алексей шел от станции по той самой дороге, с которой все и началось, как думал он. Вокруг прозрачно, как в роднике, течет в ночном небе березово-белый свет, мигая, дрожит и дрожит похожая на росистый лепесток шиповника звездочка. Она на той стороне, за рекой. Там свистели, чокали, заливались соловьи.

новые сорта созданы инженером Г. М. Азовым вместе с коллективом цеха мороженого.

Сейчас инженер уже на пенсии, но, несмотря на это, он продолжает оставаться горячим энтузиастом «мороженного дела». Только в прошлом году он предложил рецепты шести новых сортов: «Клюква с орехами», «Клюква с корицей», «Аромат чая со сливками», «Кофе со сливками», мороженое из кефира — «Диетическое», из яиц — «Экстра».

У новых сортов есть кое-какие преимущества перед старыми, завоевавшими себе заслуженную славу пломбирами. В них больше витаминов и меньше жиров.

Есть одно только «но», привносящее горьковатый привкус в наш рассказ, — вкусного, полезного, дешевого мороженого новых сортов выпускается пока еще до обидного мало.

Л. КАФАНОВА

— Какой сорт вкуснее? — Г. Ф. Терентьева и Г. М. Азов должны ответить на этот вопрос.

Фото Г. Санько.

Подвиг не забыт

Это торжество должно было состояться еще в 1922 году, но случилось так, что в 1921 году командир пулеметного взвода 78-го стрелкового полка Гордей Корнеевич Гордиенко демобилизовался из Красной Армии, а приказ реввоенсовета республики о награждении его орденом Красного Знамени был подписан 7 июня 1922 года. Герой ничего не знал о награде.

Недавно генерал-майор в отставке Иван Наумович Шевченко обнаружил в центральном архиве Советской Армии приказ о награждении Г. К. Гордиенко. Эта весть быстро дошла до его боевых друзей. Вскоре Гордей Корнеевич и его жена Екатерина Митрофановна принимали дорогих гостей. Первым приехал генерал И. Н. Шевченко. Долго беседовали ветераны гражданской войны, вспоминали минувшие дни.

Разве забудешь тот августовский день грозного 1920 года! Под хутором Круглик красноармейцев неожиданно атаковали кавалеристы генерала Улагая. Сверкая шашками, неслась целая орава беляков. Вот уже они в 200 метрах от тачанки, на которой установлен пулемет Гордея Корнеевича. А он ждет, все ближе и ближе подпускает врага. И вдруг заговорил его «максим». Шквал огня погнал белых в ту балку, откуда они начали вылазку. Десять раз повторялась атака. Гордей Корнеевич расстреливал врагов наверняка, в упор. Все атаки были отбиты...

Через сорок лет встретились И. Н. Шевченко и Г. К. Гордиенко.

Фото В. Горелова.

В клубе железнодорожников имени В. И. Ленина состоялось торжественное собрание, посвященное вручению награды герою гражданской войны.

— Служу Советскому Союзу! — по-военному ответил на поздравление военкома Гордиенко.

Гордею Корнеевичу преподнесли ценные подарки и памятные адреса.

Г. МЕНЬШОВ

—Познакомьтесь: соседи!

Вы вернулись с работы домой. А знаете ли вы своих соседей? Дружите ли с ними? Или в ваших квартирах еще гнездятся склоки, кухонные дрязги и свары?..

— Хорошо, когда люди, живущие в новых, больших домах, строят свою жизнь, свои отношения с соседями по-новому, по-коммунистически,— сказал первый секретарь Куйбышевского райкома партии в Москве Александр Иванович Макаров, открывая вечер дружбы, устроенный в доме № 21 по Садово-Спасской улице.

На вечер собрались и старые и малые. Дети пришли с бабушками: они чаще встречаются между собою. А вот большинство мам и пап знакомились уже на концерте, устроенном силами самодеятельности.

Раскрасневшиеся, оживленные активистки во главе с председателем домового комитета Ксенией Павловной Казанниной и секретарем домкома Верой Ивановной Кружковой хлопотали весь день не покладая рук. Зато гостям не было скучно: они посмотрели выставку замечательных рукоделий, потанцевали в вестибюле под радиолу... Расходиться никому не хотелось.

Директор дома В. Р. Акинкин поддержал предложение жильцов: организовать постоянно действующий домовый клуб, где и взрослые и дети с пользой проведут свободный вечер, посмотрят кино.

— Пусть хозяйки устроят соревнование: испекут пироги к чаю, попробуем, чьи лучше!

— Весна подходит: на загородную прогулку поедем!

Да мало ли как еще могут дружить добрые соседи.

Н. ПАВЛОВА

Все пришли на вечер дружбы: и мамы, и папы, и дедушки, и бабушки, и внуки.

Двадцатый век

Иван РЯДЧЕНКО

* * *

Двадцатый век!
Частиц незримых шорох...
Атомоход...
Стеклянное руно...
Двадцатый век,
ты взрывчатый, как порох.
И все же ты мне бесконечно дорог:
ведь ты — мой век.
Иного не дано.

Все на двоих нам — горечь и отрада,
цветы и звезды,
солнце и прохлада,
хмель женских губ,
воспоминаний дым...
Ты шел со мной сквозь ночи Сталинграда,
Луны коснулся выстрелом земным.

Ты движешься походкой величавой.
Кипит боренье света
против мглы.
Ты вместе с черной Африкой курчавой
о камень разбиваешь кандалы.

Двадцатый век, весь в грохоте и лязге,
на страхи щедрый
и скупой на ласки,
я — твой до пят, хоть бомбою убей!
Так, может, мы с тобою снимем каски
и накрошим в них хлеб для голубей?..

БРАТУ ЛУМУМБЕ

Видишь блики рассвета на наших
светлеющих лицах.
В старой Африке, брат, занимается
новое утро...
Патрис ЛУМУМБА
(Из стихотворения «Утро в сердце Африки»)

Говорят, ты бежал на рассвете.
Это ложь. Ты убит палачами.
Лишь в Каире твои черноглазые дети
спят спокойно ночами,
потому что в бессмертие верят...
Я теперь не усну:
гнев стучит ко мне в двери.
Мой могучий истерзанный брат!
Ты жестоких страданий хлебнул в полной
мере,
но не сделал ни шагу назад.
И когда палачи твое тело,
твое сильное тело терзали,—
словно утро, твое светоносное дело
проникало в саванные дали.
От недоброго жара знобило;
гасли знойные южные краски.
Гордый брат!
Твоя боль проходила
через весь материк африканский.
И напрасно стояли пикеты
с выраженьем тупым и жестоким —
в раскаленное сердце планеты
боль твоя била яростным током.

Черной кожи синеющий глянец
окровавлен ремнями бичей...
Брат! Отныне я сам африканец,
я еще накажу палачей!
Мы над смертью твоей на рассвете
запустили ракету к Венере...
Пусть в Каире твои черноглазые дети
спят спокойно,
в бессмертие веря!

* * *

Железный музей комендора,
трехтрубный, седой наяву
немолкнущий крейсер «Аврора»
незыблемо врезан в Неву.

Летящий на крыльях легенды,
бьет ветер в лицо на ходу,
полощет матросские ленты,
ласкает на флаге звезду.

Он дышит могуче и щедро,
гудеть заставляет леса.
От этого вечного ветра
Вселенная щурит глаза.

Планеты заботливый лекарь,
он горы сдвигает в борьбе...
О ветер двадцатого века!
Железо «Авроры» в тебе!..

Одесса.

Пора вставать!

А. НИКОЛАЕВ,
кандидат медицинских наук

«Пора вставать!

Потягиваюсь, приподнимаюсь... Как легко! Легко сидеть, легко стоять... Я чувствую, что стою особенно легко, словно погруженный по шею в воду; ноги едва касаются пола...

Не сплю ли я?»

Так думает герой одной из фантастических повестей К. Э. Циолковского, просыпаясь однажды... на Луне.

Но то была фантастическая повесть. А сейчас, накануне космических полетов, некоторые зарубежные ученые всерьез стали задумываться: а нельзя ли сделать, чтобы человек действительно «засыпал» на Земле, а «просыпался», подлетая, скажем, к Марсу или к какой-либо другой планете?

Пока это еще фантастика, но уже подкрепленная научными догадками, первыми экспериментами.

Полет человека в космос связан с целым рядом сложнейших вопросов.

И сейчас над решением этой труднейшей проблемы работают инженеры, физики, астрономы, врачи, биологи во всех странах мира.

«А нельзя ли при межпланетных полетах приостановить на время жизненные процессы, то есть потребности организма в пище, воде и кислороде?» — такой вопрос поставили перед собой английские ученые Паркес и Смитт.

Биологи давно обратили внимание на то, что у низших организмов посредством охлаждения или высушивания возможно временно приостановить цепь жизненных явлений. Многие низшие организмы и большинство растений, как бы предвидя возможность наступления неблагоприятных условий, образуют споры и семена с низким содержанием воды, обладающие высокой устойчивостью к охлаждению, высушиванию и отсутствию кислорода.

Например, известно, что споры микробов и семена некоторых растений сохраняют жизнеспособность в течение сотен и даже тысяч лет при самых различных условиях. Большой устойчивостью к неблагоприятным факторам обладают также лишайники.

Можно приостановить на время жизненный процесс и у животных. Такое состояние в биологии и медицине принято называть состоянием анабиоза, а в быту «зимняя спячка». Хорошим примером анабиоза, вызываемого в природе холодом и продолжающегося в течение многих месяцев, служат живые организмы Сибири и Аляски. Моллюски, обитающие на морских побережьях, необыкновенно устойчивы к холоду и зимой, бывает, оттаивают дважды в день. Некоторых рыб и лягушек удавалось «оживить» даже после того, как они месяцы находились в ледяных глыбах.

Интересные эксперименты проведены с личинками моли. Их замораживали и долго сохраняли в жидком воздухе с температурой около 50 градусов холода. Даже после этого они вновь оживали, если появлялись благоприятные условия.

Имеются сообщения о том, что температура тела летучей мыши, находящейся в зимней спячке, в суровые зимы падает до 0°.

До самого последнего времени считали, что при снижении температуры тела до 15° у животных, особенно у высших, наступает необратимая смерть. Останавливается дыхание, прекращается сердечная деятельность. Однако совсем недавно были проведены интересные опыты на крысах, белых мышах и собаках. В течение целого часа температура их тела была понижена до 0°. Но даже после этого у животных наступило полное восстановление сердечной деятельности и дыхания и, что особенно замечательно, сохранились выработанные условные рефлексы — память. У хомяка — потенциального зимовщика — температуру тела удалось понизить ниже нуля путем погружения в водяную баню при — 5°С. При такой температуре 50% воды тела превращалось в лед. Температура тела очень медленно падает ниже точки замерзания крови, равной — 0,6°С. Хомяки дольше часа находились при температуре ниже точки замерзания. И тем не менее они оживали без всяких повреждений, в совершенно безупречном состоянии.

Обычная температура тела человека 36,6°. Но при некоторых операциях ее удалось снижать до 28°. В этом состоянии сердцебиение, дыхание и другие функции организма едва-едва проявлялись. После операции человек чувствовал себя, будто какой-то период находился под наркозом...

Зарубежные ученые, изучающие предпосылки возможности космического путешествия живых существ в состоянии анабиоза, думают, что этот способ поможет решить целый ряд вопросов, связанных с действием на живой организм перегрузок, изменения температуры. Кроме того, отпадает вопрос сохранения больших запасов воды, кислорода и пищи на космическом корабле, что особенно важно при дальних полетах. Ведь нельзя забывать, что каждый лишний килограмм веса уменьшает стартовую способность космического корабля.

При подготовке космических полетов необходимо считаться с таким важным показателем, как отношение веса полезной нагрузки к стартовому весу всей конструкции.

Величина этого показателя для зарубежных ракет составляет 1:1000, то есть при экономии веса, например, воды или пищи на один килограмм стартовый вес ракеты сокращается на тонну.

Как указывает член Британского межпланетного общества Кеннет Гэтленд, для доставки полезного груза весом в 100 килограммов на высоту орбиты потребуется космический корабль с взлетным весом около 100 тонн.

...Итак, кто знает, может, действительно станет возможным «заснуть», отлетая от Земли, а когда Марс будет совсем близко, сработает счетно-решающее устройство, температура в кабине корабля изменится и... спящий космонавт проснется,— так думают Паркес и Смитт.

Но, наверное, космическому путешественнику будет все-таки жаль, что он не увидел тех больших и увлекательных явлений, которыми насыщен полет в космос.

Нам, например, кажется, что гораздо важнее работать над проблемой создания удовлетворительных условий для человека на космическом корабле, чем над «усыплением» космонавта на длительное время.

ТКАНИ, ТКАНИ...

Фото И. Тункеля.

Много добротных и красивых тканей показали текстильщики нашей страны в Москве, на Всесоюзной выставке текстильных товаров. Посетители всегда окружали эстраду, когда шел показ моделей одежды.

На обороте: Образцы новых тканей. Большинство их сделано из синтетических материалов.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Актриса Н. Парахина в роли парторга Анны Калининой на авансцене театра.

Фото Д. Ухтомского.

СВИДАНИЕ С АННОЙ

На прямых и просторных магистралях окраины, которая во многих наших городах выглядит нынче красивее, величественнее приземистого, тесноватого центра, проспект Калинина незаметно переходит в проспект Ленина.

Именно тут и поразит вас, особенно если вы идете впервые по этим местам сквозь весенние, медленно густеющие сумерки, целое море серебряных люминесцентных огней. Необыкновенно праздничное, какое-то тысячелунное сияние исходит от корпусов «Пролетарки»...

Трамваи — второй и десятый — высаживают пассажиров на остановке Советский вал. Люди неспешно расходятся по своим домам, переговариваясь между собою. До вас долетают лишь разрозненные, случайно подхваченные фразы — обрывки человеческих забот и тревог, радостей и огорчений.

— Зинка расстраивается, не дай бог: Вася-то теперь Люсеньку из вечерней школы провожает.

— Да скорей же, девочки! Всегда к началу сеанса опаздываем!..

— Купила вчера Андрюшеньке новый костюмчик, а сегодня опять все коленки в дырах!..

— Вот он нам и говорит: станете вы, говорит, полностью ударной бригадой. А мы ему и говорим: надо как следует показатели проверять, а не лишь бы на совещании выступить...

— Позвал я ее на танцы — ни в какую! А сегодня в филармонию вдруг сама приглашает...

— И выложила я, милая ты моя, за один хлоп всю пенсию; зато уж сервиз им на новоселье!..

Несхожие и пока еще совсем посторонние жизни... Объединяет ли их что-нибудь?..

Вы смотрите на этих людей, то печальных и озабоченных, то веселых, громкоголосых, и вдруг чувствуете, что они вам вовсе не чужие! И не чужой этот город и эта фабрика, торжественно и покойно сияющая молочно-голубым светом... Задолго до встречи с ними в этом городе вы узнали и полюбили их по роману Бориса Полевого «Глубокий тыл».

Но как же, видно, здесь все изменилось! Будто и не лежали никогда груды кирпича и железа — страшные руины войны — на месте «Пролетарки», знаменитого на всю страну текстильного комбината. Будто все, что выстрадали и пережили люди, бесследно умчал неумолимый поток времени...

Но это только так кажется. Потому что нет и не может быть потока, который уносит с собой все подряд — плохое и хорошее. Лишь всякая никчемная труха, отбросы, мусор легко смываются этим потоком и уплывают безвозвратно. А нужное людям — весомое, значимое — остается.

Больше же всего хранит и бережет народ от забвения как самое дорогое и святое свое достояние, человеческие судьбы, отданные ему, народу.

...Искореженную фашистскими снарядами, выгоревшую дотла и вымерзшую до ледяного звона «Пролетарку» спасали и восстанавливали сами текстильщики — мужчины, женщины, подростки... Руководили ими партийные работники.

Борис Николаевич Полевой вырос в Калинине, городе прядильщиков и ткачей. Описанная Полевым в романе «Глубокий тыл» фабрика «Большевичка» и есть «Пролетарка»: никто из калининцев не позволит себе даже усомниться в этом. А книга их земляка, хоть и пишет он о несуществующем на карте городе Верхневолжске, — книга о них самих; тут их тоже никто не переубедит.

Сказать, что калининцы знают и любят роман Полевого, — значит сказать лишь самые общие, стертые слова. Герои «Глубокого тыла» для текстильщиков «Пролетарки» — словно ближайшая родня. Поэтому все, что о них написано в романе, ведомо калининцам чуть не наизусть. Бывает так, что, говоря о романе, они горячо поспорят с писателем о тех или иных деталях, либо же подскажут частности, представляющиеся им более важными и интересными. Но исходят текстильщики всегда из главного: роман не придуман писателем, а взят из живой действительности; самое же замечательное в нем — Анна, парторг фабрики, человек для народа.

Итак, Калинин — прообраз Верхневолжска. Кто же был прообразом Анны?..

Попробуйте-ка, в самом деле, найти в городе этот прообраз! Задача окажется почти невыполнимой. Анна не Маресьев, который вошел в «Повесть о настоящем человеке» таким, какой он есть. Писателю оставалось лишь изменить одну-единственную букву в фамилии своего героя,— все равно его сразу узнавали. Да он и сам не скрывался от людей. Искренний, простой и обаятельный, Маресьев смешно жаловался, начав учиться в Высшей партийной школе: «Посмотрел бы Полевой Борис Николаевич, каково мне сейчас! Много потруднее, чем раньше». И мы, старшекурсники, утешали прославленного воина, штурмующего твердыни науки.

Однако героиня «Глубокого тыла», парторг «Большевички» Анна Калинина отнюдь не случайно носит свою фамилию. Именно здесь, в этом городе, не перечесть ее прообразов, пусть судьбы их несколько изменены писательской фантазией, сдвинуты во времени, в жизненных ситуациях... Анна Калинина — потомственная текстильщица, коммунистка, истинная дочь своего родного города с его славными пролетарскими традициями. Самый образ ее собирателен. В нем, как в зеркале, отражаются лица чудесных женщин не одного поколения... Отважные и великодушные, они всегда выполняли задание партии как веление собственного сердца, оказываясь с народом там, где были для него всего нужнее...

«Прямое попадание» в образ, словно в мишень,— заветная мечта каждого театрального коллектива. Оно случается, такое попадание, когда то, что виделось мысленному взору людей при чтении полюбившейся книги, вдруг обретает на сцене плоть и кровь, голос, взгляд, походку...

Калининский драматический театр решил создать спектакль по мотивам романа «Глубокий тыл». Над пьесой Б. Полевого и С. Радзинского «До свидания, Анна!» начал работать главный режиссер театра Г. Георгиевский.

И вот они налицо, эти «прямые попадания». Анна Калинина — открытый людям, душевный, сильный, волевой человек в исполнении Н. Парахиной. Мастер Лужников — сдержанный, застенчивый и очень добрый, таким показывает его Г. Малышев. Смешно, трогательно и сердечно играет старую ткачиху Настю Нефедову молодая и красивая актриса Т. Бизяева, а Перчихину (по роли ей положено быть совсем еще молодой женщиной) удивительно свежо, искренне играет народная артистка Н. В. Гончарова, которая уже сорок лет провела на калининской сцене. И очень хороши, убедительны ткачихи-комсомолки: сдержанная, умная Зина Кокина — В. Ямчинова — и непосредственная, задорная, чуть кокетливая Галка Мюллер — восемнадцатилетняя Наина Хонина, недавно пришедшая в театр...

Удач коллектива в спектакле много. Основная же и решающая — роль парторга «Большевички».

Надежда Сергеевна Парахина играет очень простую и очень возвышенную Анну.

Фабричные люди — такие раз-

ные! — идут за Анной в огонь и в воду (не только в переносном, но и в прямом смысле слова), захваченные силой партийного убеждения. Анна чем-то напомнит вам женщину Комиссара из «Оптимистической трагедии» Вишневского. Скорее всего именно тем, что на ваших глазах становится душой коллектива, его партийной совестью.

Внутренняя, хоть и далекая, но очень светлая перекличка этих образов, несомненно, подмечена и подхвачена режиссером. Он всемерно укрупняет образ Анны, подчеркивая не личную, трудно и обидно сложившуюся судьбу героини, а ее кипучее, яркое общественное бытие, в котором она всем нужна и всем дорога.

Не мягкие отблески ламп дневного света, а злые сполохи бушующего на фабрике пожарища, острые, жалящие лучи прожекторов озаряют измученное лицо Анны, которая возвращается на «Большевичку» в первый же день освобождения города. Вернее, в первый же час. Бой еще идет. Совсем близко рвутся снаряды, но Анну уже ничем не удержишь, она уже дома, она здесь хозяйка!..

— Лежи, бабка. Головы не поднимай! — свирепо требует боец. А потом, приглядевшись к женщине, изумленно кричит ей вдогонку: — Извиняюсь за бабку, гражданочка!

Впрочем, зрители еще не успели как следует разглядеть Анну. Отнюдь не торопится актриса продемонстрировать им свою спокойную, ясную русскую красоту; напротив, она словно даже прячет ее. Но ничто: ни мешковатая грубая одежда, ни самая немудрящая прическа — наспех, абы как завернутая под дешевую косынку, — не помешает вам рассмотреть эту Анну, горячо, всем сердцем привязаться к ней, откликнуться на ее переживания и полюбить ее. Вот так же рассмотрел и полюбил Анну Лужников... Кстати, произошло это не только в спектакле. Артистическая пара недавно поженилась, к радости дружного театрального коллектива...

— Я чувствую: Анне все удается потому, что она знает людей, — говорит Надежда Сергеевна, — советуется, учится у них, а не командует. Хотя вообще-то командовать куда проще! Труднее убеждать!..

— Командовать, конечно, проще и легче! — охотно соглашается Татьяна Андреевна Лебедева, первый секретарь Пролетарского райкома партии. — Да только, — продолжает она, — на приказе, на одной команде нам, партийным работникам, далеко не уехать, вот ведь в чем дело!

Мы беседуем с Татьяной Андреевной у нее в квартире, просто и уютно обставленной. Живет секретарь райкома на знакомом уже нам проспекте Калинина, совсем близко от «Пролетарки», в большом рабочем доме.

Я пришла поговорить с Лебедевой о спектакле, но тема эта настолько тесно связана с партийной работой, с прошлым и будущим фабрики, что рамки нашей беседы все время расширяются. Татьяна Андреевна спрашивает меня, была ли я на фабриках, в цехах «Пролетарки», видела ли старую «казарму» с ее «глагольчиками» — узкими боковыми коридорами, описанными в «Глубоком тылу», как понравилось мне новое девичье общежитие...

Я с радостью отвечаю, что всюду побывала и все видела. Сколько нового, интересного на фабриках, и какие люди!..

Лебедева задумывается.

— Конечно, у нас люди замечательные, — говорит она. — Золотые люди! Прямо на лету подхватывают все то, с чем обращается к ним партия! Ведь недавно еще у нас были одиночные бригады коммунистического труда, а сейчас целые цеха и даже предприятия становятся коммунистическими...

С работы вернулась Галя, дочка Татьяны Андреевны, молодой педагог. И Татьяна Андреевна рассказывает, как энергично, с настоящим энтузиазмом занялись коммунисты Пролетарского района детьми, учителями, школами...

— Мы готовимся встретить Двадцать второй съезд партии, живем на пороге нового, коммунистического общества. И вот задумались, что не может, не должно быть в наше время детей, оставленных без присмотра, либо видящих дурной пример со стороны старших, либо не знающих, как провести свой досуг... Даже в показатели коммунистических бригад, в их обязательства мы теперь включаем как непременное условие хорошую учебу детишек, внимательный уход и наблюдение за ними дома...

Я гляжу на милое, круглое, приветливое лицо Татьяны Андреевны, на ее совсем еще молодые, светлые, веселые и пытливые глаза и вижу: передо мной еще один прообраз Анны Калининой!

Правда, партийный работник нынешних дней Татьяна Андреевна Лебедева имеет огромный опыт общения с людьми, окончила недавно Высшую партийную школу. Но когда-то и она начинала свою деятельность, как Анна, простой калининской работницей...

Я тут же делюсь с Татьяной Андреевной своими впечатлениями, но она, смеясь, отрицательно качает головой.

— Все, с кем только ни сталкивалась Анна, становились благодаря ей лучше, сильнее, значительнее. Эта же самая цель стояла и стоит перед всеми нашими Аннами — партийными работниками «Пролетарки». И по мере своих сил они осуществляют эту цель, вы ведь сами видели. Сколько же насчитаем мы с вами таких прообразов в Калинине?

И сама отвечает:

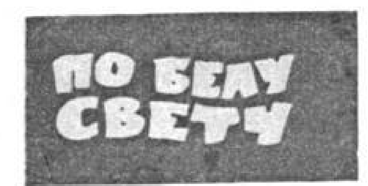
— Да сотни!..

...Спектакль калининцев на кремлевской сцене. Бессменный директор Калининского театра Евгений Михайлович Ботвинников сбился с ног. Надежда Сергеевна Парахина бледнее обычного. А в зрительном зале полным-полно. Гаснет свет, и вновь боец, защищающий город, смотрит с восхищением вслед прекрасной женщине, которую только что обозвал «бабкой»...

...Здравствуй же, Анна, здравствуй, хороший человек!..

Сколько лет минуло с тех пор, как ты, опытный уже парторг фабрики, уехала на фронт комиссаром санитарного поезда?..

Много лет прошло! И многое, наверное, изменилось в твоем славном облике. Но все равно найдутся женщины-коммунистки — и не в одном только Калинине, — которые в тебе узнают свою молодость, свои чудесные дела. А главное, узнают свою силу — великую силу партии.

ЕЩЕ ОДНА ПОДДЕЛКА

Более 30 лет гордость нью-йоркского музея изобразительных искусств «Метрополитэн» составляли три терракотовых фигуры этрусских воинов. Десяткам тысяч посетителей хорошо знакомы эти монументальные изваяния красноватого цвета. Самое большое из них, изображающее воина в красочной тунике, готового ринуться в бой, имеет внушительные размеры: его высота 2 метра 40 сантиметров, вес 362 килограмма; второе — чуть меньше. Третье, высотой 1 метр 40 сантиметров, представляет увенчанную шлемом голову воина с широко раскрытыми глазами и курчавой бородой.

Эти произведения были приобретены музеем в Италии в 1915, 1916 и 1921 годах. Они состояли из отдельных кусков. Так, голова воина в шлеме была разбита на 178 частей. У другой скульптуры не оказалось рук. В таком состоянии в течение многих лет они пролежали в хранилище музея и лишь в 1933 году уже в собранном виде были выставлены для всеобщего обозрения.

Появление статуй относили к V столетию до нашей эры. О них были написаны десятки статей и исследований, которые принесли американским искусствоведам научные звания и известность.

А совсем недавно под этими «древностями» администрация музея повесила небольшое объявление, извещавшее посетителей о том, что в результате тщательного научного и технического анализа музей получил «доказательства, что эти знаменитые статуи не были изваяны в античные времена». По словам директора музея Роримера, все три вещи были сделаны в начале этого века одними и теми же руками и умышленно разбиты на куски, чтобы придать им видимость оригинала. Эксперты установили, что в глазурь, которой покрыты скульптуры, входит двуокись марганца — химическое вещество, которое не применялось до XIX столетия. Музей «Метрополитэн» занимается расследованием обстоятельств, связанных с подделкой.

Это уже второй подобный случай за последнее время. В начале февраля в Британском музее в Лондоне тоже обнаружилась подделка: ею оказался «этрусский» саркофаг, приобретенный в 1873 году.

В. ОЗЕРОВ

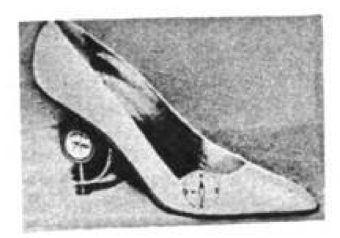
Нью-Йорк.

НЕ ДЛЯ ТУРИСТОВ

Туфли, которые вы видите на снимке, выпускаются одной из итальянских фирм. Предназначены они явно не для туристских походов, хотя и снабжены компасом, вделанным в каблук.

Красиво? Вряд ли. Удобно? Сомнительно. Но зато конкуренты до этакого не додумались...

ПРОДАНО, ПРОДАНО...

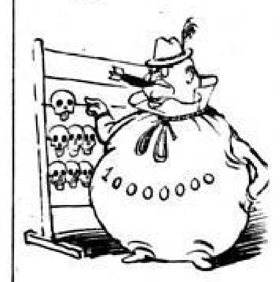
Недавно в Бостоне были проданы 120 сильных, молодых американцев. За каждого из них заплатили немалую сумму — 75 тысяч долларов.

Что это, нелепый анекдот? Нет, ежегодно повторяющаяся процедура.

Торговали игроками американской бейсбольной лиги. Каждый из восьми клубов США продал по пятнадцать человек. Проданный игрок обязан отработать несколько лет на поле (спортивном, конечно) в пользу хозяина, который его купил.

СТАТИСТИКА ДЬЯВОЛА

Под таким заголовком гамбургский журнал «Кристалл» опубликовал данные о зловещем росте числа самоубийств среди молодежи Федеративной Республики Германии.

Среди юношей и девушек в возрасте от 15 до 25 лет самоубийц значительно больше, чем погибших в результате автомобильных и железнодорожных катастроф. Их в пять раз больше, чем умерших от туберкулеза.

«Чудовищнее туберкулеза и страшнее транспортных катастроф свирепствует среди наших школьников и студентов эпидемия самоубийств. Здесь что-то неладно!» — бьет тревогу журнал.

Действительно, неладно! А где причины? Не в той ли безысходности, которую создает для молодого поколения строй, высшим законом которого является прибыль? Не в том ли, что школы и университеты ФРГ вновь превращаются в казармы?

Об этом «Кристалл» не пишет.

Максим РЫЛЬСКИЙ

Вечерние беседы

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Короткая новелла

Почему-то мой взгляд остановился на той полосе газеты, где обычно помещаются объявления о разводах. Мне подумалось, что за каждым мужским или женским именем и фамилией, подчас невольно напоминающими причудливые фамилии в рассказах молодого Чехова или в дилогии Ильфа и Петрова, кроется совсем непростая, порой немного смешная, а порой и трагическая история. Подумалось мне, что мировая литература, которая вращается вокруг любовных и семейных тем и сюжетов, отнюдь не охватывает всей сложности жизни, что слова «верность» и «измена», «любовь» и «долг», «честность» и «беспутство» не покрывают всего того значительного, что происходит между людьми. Евангельская фраза о грешнице — «кто из вас без греха, тот пусть бросит в нее камень» — всегда казалась мне мудрой и доброй, но и она не годится для всех случаев жизни.

Из-под руки Льва Толстого вышла и пылкая Анна Каренина, и ее чудесный в наивной своей греховности брат Стива Облонский, и непутевый Федор Протасов, который в моральном отношении безгранично чище безупречно чистой жены своей Лизы и идеально-корректного Виктора Каренина, и страшный герой «Крейцеровой сонаты» с его чудовищной аскетической теорией, и множество всяких персонажей, изумляющих горячей своей реальностью. Однако даже и они не исчерпывают моря людской сложности.

Эти мысли навеяли на меня воспоминания о прошлом, и я вспомнил одну давнюю киевскую историю, о которой и хочу рассказать, не навязывая читателям решительно никакой морали.

* * *

Служил когда-то в одной из киевских гимназий преподаватель математики. Это был розовощекий, веселый человек, свои уроки арифметики он проводил так, что малыши сердились, когда раздавался звонок, оповещавший о конце занятий. Назовем его Иваном Ивановичем. Впрочем так, кажется, его и звали на самом деле.

Как-то летом, во время так называемых вакаций, то есть каникул, он уехал за границу, в Италию. Там познакомился с очень красивой итальянкой и женился на ней. В Киев он вернулся с красавицей женой.

Следует заметить, что в жизни не был Иван Иванович ни отшельником, ни чудаком-учителем, для которого не существовало ничего, кроме его школы. Он любил приятное общество, друзей у него было немало; среди них были и учителя и люди других профессий. Приятели собирались у него чаще всего по субботам, играли в преферанс, иногда музицировали (Иван Иванович неплохо играл на скрипке). И только раз в год Иван Иванович устраивал своеобразный праздник: священнодействуя, он приготовлял по какому-то особому рецепту «настоящую французскую» горчицу, и на ветчину с этой горчицей приглашались ближайшие друзья. Среди них, разумеется, и брат Ивана Ивановича — Семен Иванович, инженер, неженатый, видный собой и до странности молчаливый человек. Он вообще частенько заглядывал к брату на вечерний огонек. Братья жили, как говорится, душа в душу.

С женитьбой, собственно, ничего не изменилось в укладе жизни и в быте Ивана Ивановича. Только, конечно, жена внесла в дом женскую опрятность, в комнатах появились хорошие картины, на окнах — новые белоснежные шторы, на столе — букеты свежих цветов. Жена Ивана Ивановича была простая, веселая, душевная женщина. Она довольно скоро выучилась родному для Ивана Ивановича русскому языку, хотя и коверкала некоторые слова столь немилосердно, что вызывала этим не только смех у субботних его гостей, но и улыбку на лице Семена Ивановича. А смеялся он и разговаривал, как мы знаем, редко, хотя не лишен был юмора и умел иногда ввернуть острое словцо. Звал свою жену Иван Иванович Липой, а приятели величали ее Олимпией Луиджевной.

Изменилось, пожалуй, только то, что Семен Иванович начал захаживать к брату не от случая к случаю, а каждый вечер, что, впрочем, при существовавшей между братьями сердечности, никого не удивляло. Иван Иванович и Семен Иванович играли в шахматы, Олимпия Луиджевна хлопотала по хозяйству, подавала чай, и братья, доиграв очередную партию, усаживались за стол. Иван Иванович смешно рассказывал разные выдуманные и невыдуманные истории. Семен Иванович больше молчал, покуривая и прихлебывая чай. После чая Семен Иванович прощался с братом и невесткой и уходил домой. Иван Иванович брался за ученические тетради, а Олимпия Луиджевна опускалась в кресло и начинала вязать или читать книгу.

Не помню, были ли у супругов дети, да это и не имеет значения для нашего рассказа.

Прошло много лет. Состарились и Иван Иванович, и его брат, и его жена, которая, однако, все еще хранила на лице следы былой своей красоты. Однажды в сырой осенний день Иван Иванович простудился, слег и вскоре умер. На кладбище провожали его такие же постаревшие друзья, круг которых за это время несколько поредел, Семен Иванович и Олимпия Луиджевна, заплаканная, осунувшаяся, но спокойная в своем достоинстве и искренней своей печали.

Несколько дней спустя Семен Иванович зашел как-то вечером проведать вдову. Он сел на обычное свое место, закурил и долго молчал. Хозяйка заваривала чай. Вдруг Семен Иванович пристально посмотрел на нее и сказал:

— А знаете, Липа (он звал ее так же, как звал муж,— Липой), знаете, почему я так и не женился?

— Нет... Почему?

— Да потому, что полюбил вас с первой минуты, как увидел. И любил всю жизнь...

Олимпия Луиджевна внезапно побледнела и произнесла только два слова:

— Я тоже...

Вот все, о чем я хотел рассказать.

Последняя охота

Амвросия Бучму как артиста я знал еще в ту пору, когда играл он в театре «Березіль». Помню неповторимые его образы: Жан в «Жакерии», Каляев в «Накануне», Джимми Хиггинс... Как о человеке, не раз слыхал о нем, бывая в Харькове — тогда еще столице Советской Украины, — от Остапа Вишни. Павло Михайлович с особой теплой интонацией, с той интонацией, с какой вспоминал он очень милых его сердцу людей, говорил о Бучме, всегда называя артиста так, как обычно называли его близкие друзья: Бронек. Все в Бронеке восхищало его, а между прочим, и то, что был он очень удачливым охотником. Кстати, охотники, как и полководцы, бывают не только талантливыми и неталантливыми. Они бывают счастливцами и неудачниками. Пускай читатель с сомнением покачает головой и скажет: «фатализм». А вот военные люди это знают и поймут меня, хотя, возможно, и не все в этом признаются. Уже намного позже Бучма говорил мне, что сам удивляется, как это так выходит: поехал он раз на охоту с охотником гораздо более опытным, чем он сам, прекрасным стрелком, и тот с грехом пополам застрелил одного зайца, а он, Бучма, «взял» дикого козла, лису и зайца... «Счастье!»

Он был счастливым и на сцене — не только гениальным, а именно и счастливым. И это связывалось у него с самым искренним пожеланием счастья товарищам по театру. Никакой профессиональной зависти у Амвросия Максимилиановича, у Бронека — впоследствии и я его так начал называть,— не было и тени. Однажды — тоже на охоте — кто-то из нас, охотников, не очень обдуманно стал критиковать одного из актеров театра имени Франка, где уже играл в ту пору Бучма. Надо было видеть, как рассердился наш Бронек, какие молнии начал метать в того критика! Он сердечно любил своих товарищей, особенно молодежь. В этом у него было много общего с Алексеем Михайловичем Ватулею. Таким, говорят, был и знаменитый Собинов.

Когда Бучма переехал в Киев, мы, несколько его друзей, как-то собрались у него в номере гостиницы «Континенталь» и весело ужинали. Уже пора было расходиться, и мы стали прощаться. Но Бучма задержал нас: «Погодите, сейчас будут реветь львы». Оказалось, что во дворе, в конюшне цирка, который тогда примыкал к «Континенталю» — и цирк и гостиница разрушены были во время войны,— жили львы известного дрессировщика Бориса Эдера. В определенное время, и почему-то именно в двенадцать ночи, эти львы начинали реветь. И мы дождались их рева... И когда после этого я получал письмо с обращением «Дорогой лев», я уже знал, что письмо от Бронека. Львами он называл потом всех участников того памятного ужина.

Дорогой, незабвенный Бронек! Сколько в нем крылось безобидного, хорошего юмора!

То, о чем я хочу рассказать, произошло в последний год жизни великого артиста. Как-то раз, уже тяжело больной, Бучма сказал мне: «Если будешь ехать на охоту, заезжай ко мне... Может, и я соберусь...»

И вот однажды зимой мы с Николаем Кузьмичем Йосипенко собрались на зайцев в село Старое, Бориспольского района... Я вспомнил просьбу Амвросия Максимилиановича, и мы заехали к нему. Он — горько вспоминать об этом! — с трудом уже ходил, говорить ему было тяжело, писать он не мог... Однако Бронек сердечно встретил нас и сказал: «Я, конечно,—

сами видите — не могу с вами поехать, а чарку вам на дорогу выдам...» И обратился к своей жене, к своему другу Валентине Ефимовне Бжеской: «Налей-ка им по рюмочке коньяку... да и мне капни... символическую...» Валентина Ефимовна пригласила нас к столу, наполнила рюмки, «капнула символическую», то есть одну-две капли, Бронеку, мы чокнулись и выпили.

Придерживаясь охотничьих обычаев, хозяин нам ничего не пожелал. Только когда мы уже прощались, Бучма после традиционного «ни пуха, ни пера» спросил меня неожиданно:

— А куда вы собрались?

— В Старое...

Больше ничего не было сказано.

Старое — это красивое, живописное село, куда мы полюбили ездить на охоту. Постоянным компаньоном нашим был председатель местного колхоза, покойный Николай Федорович Шоха. А останавливались мы в хате у бабушки, которую за веселый и общительный нрав прозвали именем известной украинской актрисы — Затыркевич-Карпинской. И хозяйка и ее молчаливый — прямая противоположность — муж, который по неписаным законам живого еще и поныне матриархата играл в доме второстепенную роль, были очень гостеприимны. Интересно, между прочим, что наша «Затыркевич-Карпинская», в хате которой телефона, конечно, не было и в помине, каждый раз встречала нас одной и той же неизменной фразой: «Ты глянь, чего ж это вы приехали, как снег на голову! Хотя бы позвонили!» Возможно, правда, что она имела в виду телефон в сельсовете, но это замечание всегда вызывало в нас непринужденное веселье, тем более что тотчас же после него посылала она своего незадачливого деда в погреб по квашеные помидоры, равных которым я нигде не ел.

Охота в тот морозный и солнечный день была не очень удачная. Мы видели множество заячьих следов, видели и самих зайцев, даже стреляли по ним, но... Словом, только один Николай Кузьмич перекинул себе за спину порядочного русака. Он до сих пор рассказывает об этом событии все с новыми живописными подробностями.

Наступил вечер, мы вернулись в хату, сели за ужин. Кроме нас, охотников, набилось на огонек, как это обычно бывает, порядочно народу. Закурили, сразу все вокруг пропиталось сизым дымом. Вдруг кто-то вошел и сказал, обращаясь к нам, киевским гостям:

— Там товарищ Бучма к вам приехал...

Не успели мы вскочить с мест, как дверь снова отворилась, и на пороге появился Бронек, поддерживаемый под руку Валентиной Ефимовной. Он поздоровался, окинул взглядом всю компанию и сказал:

— Вот вы, хлопцы, целый день бродили по морозу, а я сидел в четырех стенах, как проклятый. Пьете вы чарочку, а мне того нельзя... И едите вы такое, что мне никак не подходит. Да и курить доктора не позволяют... А однако захотелось мне побыть с друзьями-охотниками... может, напоследок...

Это были горькие слова. К сожалению, они сбылись...

Бронек просидел с нами весь вечер. Он слушал нашу беседу, наши не всегда остроумные анекдоты, наши не очень слаженные песни, игру на гармонике, которую прихватил с собой отец Йосипенко — Кузьма Григорьевич. Слушал и молчал, порой усмехаясь душевной своей улыбкой, и чувствовалась в этом молчаливом человеке такая любовь к людям, такая дружеская общительность, что сердце сжималось от боли...

Когда мы прощались с хозяевами и всеми участниками ужина, чтобы ехать вместе с Амвросием Максимилиановичем в Киев, он сказал, уходя:

— Вот и я сегодня словно на охоте побывал...

«Отцеубийца»

Так прозвал его — за мрачный вид — человек неопределенной профессии, известный всем под именем Дачника. Когда-то я знал его фамилию, но забыл; так он и остался в моей памяти Дачником. А «отцеубийцу» звали Трофимом (слегка изменяю настоящее его имя). Это был молчаливый, действительно мрачной наружности человек и страстный рыболов.

Было это накануне первой мировой войны. Перед романовскими рыболовами открылись тогда, как говорится, чудесные возможности. Пруд в Романовке (родном моем селе) и мельница принадлежали бывшему начальнику сыскного отделения в Киеве Рудому, а соседний — по той же реке Унаве — Кошляцкий пруд и порядочный кусок земли — помещику Лукашевичу. Между Рудым и Лукашевичем много лет длилась судебная тяжба по поводу границы их поместий. Спор этот пустил свои корни еще в XIX столетии и перешел к ним от бывших владельцев. Завзятый сутяга Лукашевич имел даже придворного лжесвидетеля, прозывался он Брень. Граница, которую каждая из судебных сторон хотела переместить подальше, в свою, так сказать, пользу, пролегала по Кошляцкому пруду. Лукашевич развел у себя карпов и перегородил пруд временной (до окончания процесса) плотиной, «запрудкой», чтобы карпы эти не ушли в воды ненавистного Рудого. Но как-то по весне запруду прорвало, и часть карпов перекочевала в царство Рудого, доставив этим нам, романчанам, превеликую радость. Дело в том, что либеральные «посессоры», арендовавшие поместье Рудого, не преследовали (в отличие от зверски лютого Лукашевича) скромных рыболовов-удильщиков. К тому же карпы эти были, так сказать, божьим даром... Словом, мы их ловили, и ловили неплохо.

Рыболовецкая семья в Романовке была не так уж мала. В нее входили: знаменитый охотник, рыболов, сапожник и скрипач Родион Васильевич Очкур, человек большого опыта и не меньшей бедности, и двое его сыновей — Герман и Иван; дед Струтинский, который только на старости лет впервые закинул удочку, поймал карпа и стал после этого одержим рыболовным безумием; молчаливый и таинственный Олекса Петрович, никогда не ловивший в компании и даже неизвестно где прятавший свои рыболовные снасти, да и торбу с рыбой, возвращаясь домой, укрывал он под пиджаком так, что и угадать невозможно было, поймал он что-нибудь или нет; Иван Данилович Климацкий, прославленный и на диво счастливый охотник и ловец; Игнат Миронович Остапенко, прозывавшийся в молодости Куркой, потом по имени кожанского станционного буфетчика — Сулименко, а под конец жизни — просто Соломой; брат его Степан Миронович, что и поныне, подобно Олексе Петровичу, пребывает в добром здравии и, невзирая на преклонный возраст, все еще слывет бонвиваном; упомянутый выше Трофим; трое братьев Рыльских, из них я самый младший; наконец, непревзойденный мастер рыболовного дела, певун и поэт в душе Денис Исаакович Каленюк...

Разные приемы и особенности были у наших рыбаков. Некоторые, например, любили менять места, присоседившись к чужим привадам, по поводу чего, однако, не возникало крупных стычек — обычно все обращалось в шутку. Дед Струтинский, наоборот, торчал на одном месте, «как цапля», причем заходил по колена в воду и до тех пор стоял, «пока ноги не посинеют». Денис Исаакович на рыбалке священнодействовал, говорил почти шепотом, а Игнат Миронович паясничал над удочками, пел, переговаривался с соседями, громко хохотал и, несмотря на все это, преуспевал, иной раз опережая и Дениса Исааковича... Трофим заметил как-то, что рыба клюет именно тогда, когда отойдешь от удочек, и потому намеренно отходил подальше и скрывался за толстоствольной вербой, молча оттуда поглядывая на поплавки... Разные были характеры, а жили мы дружно. Завидовали друг дружке и то как-то благородно...

Наши, братьев Рыльских, рыболовные «гнезда» были рядом с Денисовым; мы засыпали каждый вечер общую приваду: вареный горох, пшеницу, пшенную кашу. Денис Исаакович официально считался сторожем новой мельницы, которую строил Рудой, но едва только развиднеется, он тут как тут — сидит «на приваде», откуда, словно на ладони, виднелась опекаемая им мельница.

Однажды прелестным утром в начале лета сидел я рядом с Денисом Исааковичем на обычном своем месте и внимательно следил за поплавками. На берегу появился Трофим. Он поздоровался, как водится, и молча показал на свою сумку, в которой что-то шевелилось.

— Что? Уже наловили? — не очень мудро спросил я.

— Э! Мясо!

— Какое мясо? — полюбопытствовал Денис.

— Утят переводила старуха (имелась в виду утка)... А я их переловил... Старуха убежала... — с несвойственным ему красноречием объяснил Трофим. Это означало, что кряква вывела утят где-то во ржи, а теперь переводила их, как это обычно бывает, на воду, и утята эти стали жертвой человека.

— Выпустите их, кум! (У Дениса полсела считались кумовьями, и по обычаю он обращался к ним на «вы».) На кой бес вам это черт те что?! Ведь под осень это будет целый выводок крякв...

— Эге, выпустите! Мясо, говорю...— упрямо повторил «отцеубийца».

Денис прочел ему лекцию, которая сделала бы честь многим из наших защитников природы, но «отцеубийца» был непреклонен: «мясо»...

Делать нечего, мы снова вперили свои взгляды в поплавки. Трофим покамест размотал удочки и закинул их недалеко от нас, но на приличном, с точки зрения рыболовной этики, расстоянии.

День был чудесный, где-то звенели кулики, тужила чайка, пролетали юркие чирки-трескунки с их отчаянным и вправду напоминающим какой-то треск криком, иногда проплывала в синеве цапля... Карпы брались преотлично, и неприятная история с «мясом» постепенно стала забываться.

Вдруг что-то залопотало по воде, в той стороне, где стоял Трофим... Мы обернулись. От берега плыли маленькие, серые, живые и пушистые комочки, а Трофим, с пустой торбой, молча смотрел им вслед.

— Ишь как заспешили! — сказал он.

И впервые на лице «отцеубийцы» я увидел улыбку.

Авторизованный перевод с украинского Татьяны СТАХ.

Там, за Гималаями

**Профессор В. КОВАНОВ,
член-корреспондент Академии
медицинских наук СССР**

Наша маленькая делегация летела на съезд врачей Пакистана.

Хотя развитие техники как бы уменьшило земной шар и самые дальние маршруты стали удивительно короткими, у нас все же оказалось достаточно времени, чтобы подумать об этой древней стране, которую мы никогда до этого не видели.

О чем, о каких делах и заботах будут говорить на съезде потомки древних и славных восточных медиков? Над чем и в каких условиях они работают? Как-то они встретят нас, советских людей, которых видят не так часто и о которых местные газеты, прямо скажем, пишут немало всяческой чепухи?

За беседами как-то совсем незаметно прошел последний отрезок пути. И тогда появилась новая забота: ведь ночь, а вдруг нас не встретят? Что будем делать в незнакомом городе без знания местных обычаев, без языка?

Но опасения оказались излишними. Друзья нашлись и здесь. В аэропорту Карачи нас ожидали пакистанские коллеги. Крепко жал мне руку президент Медицинской ассоциации столицы доктор Х. Патель — почтенный, очень живой и дружелюбный человек. И уже из беглого обмена мнениями по дороге в город мы почувствовали, какое большое значение общественность придает съезду врачей, узнали, с каким интересом врачи относятся к советской медицине и особенно к тому, как у нас, в Советском Союзе, новейшие достижения науки проникают в самые отдаленные уголки страны.

Съезд врачей, на который из обеих частей Пакистана съехалось около шестисот делегатов, получился действительно интересный. Один за другим поднимались на эстраду ученые и практические работники. Мы заслушали более тридцати докладов. Они в основном касались наиболее распространенных заболеваний в Пакистане — туберкулеза, дифтерии, гастроэнтерита, глистных инвазий и других.

В первый же день работы конференции было предоставлено слово делегатам США и СССР. Профессор Альтон Ошнер (США) прочел доклад на тему «Курение и рак легких». Он довольно убедительно доказал существующую зависимость развития рака легких от действия никотина. Продемонстрированные им таблицы показывали рост заболеваний раком легких в США в связи с увеличением числа курящих.

Мой доклад был посвящен вопросу «О перспективах развития хирургии в области пересадки органов и тканей». Врачи с большим вниманием выслушали сообщение о проводимых в Советском Союзе научных работах и с интересом просмотрели фильм о пересадке сердца и головы собаки. «Подобного рода операции, стоящие на грани фантастики, мы никогда не видели», — говорили мои слушатели. Они впервые узнали об этих операциях только на съезде.

В перерывах наши коллеги не без гордости показывали нам лучшие медицинские учреждения столицы. Мы ходили по клиникам медицинского факультета имени Доу, заглядывали в палаты госпиталя имени Джины. Надо заметить, что пакистанские врачи охотно отвечали на наши вопросы.

Преподаватели и студенты женского медицинского колледжа имени Фатимы со своим ректором профессором Шуджаатом Али.

На медицинском факультете, располагающем хорошими учебными корпусами и клиниками, мы познакомились с профессором Мюбарек. Она возглавляет детскую клинику. Женщина-профессор в мусульманской стране, где часто можно встретить ее соотечественниц, закрывающих лицо пардой (паранджой), — это уже само по себе многозначительное явление. К тому же наша новая знакомая оказалась человеком глубоко образованным, широко мыслящим, с ясной головой и добрым сердцем.

В отделении, где лечились дети, больные дистрофией и менингитом, профессор с горечью показала на койки. Мы увидели живые, обтянутые смуглой кожей скелетики с большими глазами, в которых отражалась недетская печаль.

— Делаем все, что можем, но... — Госпожа Мюбарек выразительно развела руками.

Пакистанские медики, особенно молодежь, горят желанием помочь народу. Но возможности крайне ограничены.

Ни для кого не является секретом, что пребывание Пакистана в агрессивных военных блоках СЕАТО и СЕНТО накладывает на страну непосильные военные расходы, которые пагубно сказываются и на финансировании здравоохранения.

Наше сообщение о перспективах развития советской хирургии в области пересадки органов и тканей и в особенности доклад доктора Р. Джавадова о ликвидации инфекционных болезней в Азербайджанской ССР вызвали на съезде огромный интерес.

— Это чудо, настоящее чудо,— говорили нам. И тут же высказывали свои заветные мечты. — Вот если бы и тут, в Пакистане, где столько людей умирают ежегодно от разных болезней, удалось осуществить хоть малую толику того, что сделали вы...

Исключительный интерес ко всему советскому проявился не столько в том, как нас слушали (внимательно слушали всех выступающих), сколько в том, как и о чем нас спрашивали.

— Как вам удалось за такой короткий срок ликвидировать в стране малярию и оспу? — удивленно спрашивали одни.

— Чем объяснить ваши успехи в области борьбы с туберкулезом? — интересовались другие.

Задавались и такие вопросы, которые показывали, как плохо информированы пакистанцы о нашей Родине. Вполне серьезно нас спрашивали: сколько в Советском Союзе больной платит врачу за операцию?

Некоторые вопросы юношей и девушек Пакистана тоже вызывали улыбку. В аудиториях колледжей нам неизменно задавали такие вопросы: сколько платит советский студент за обучение в университете? Могут ли студенты жениться во время учебы?..

Гостеприимные хозяева познакомили нас с городами Карачи и Лахор.

Карачи — это большой, типично восточный город. Площади и улицы в центре столицы Пакистана украшены ультрасовременными зданиями. Но стоит немного пройти от центра в любую сторону, как попадаешь в путаницу узеньких, извилистых улочек, где невысокие домики, серые и ветхие, как бы прижались один к другому.

В центре, в богатых кварталах, дома, осененные зеленью, уходили в глубь парков и садов, и по широким асфальтированным улицам катили сверкающие лаком машины, а здесь, на старых улицах, люди живут, вероятно, так, как сто, двести, а может быть, и триста лет назад.

Торговец раскладывал нехитрые

товары прямо возле своего дома. Ремесленник работал в крохотной мастерской. Парикмахер стриг клиента, присевшего тут же, на ступеньке... Под деревом расположился уличный лекарь со своими банками и пузырьками. Он истошным голосом рекламировал чудодейственность своих лекарств, исцеляющих от всех болезней.

В нескольких шагах от этой импровизированной, бродячей «лечебницы» можно было видеть заклинателя змей. Жалобные звуки его дудочки будоражили свернувшуюся в клубок кобру. Вот змея подняла голову и устремилась к маленькому зверьку-мангусте. Зверек прицелился и готов вцепиться острыми зубами в шею кобры... Но схватка вовремя прерывается: хозяин просит зрителей заплатить за доставленное удовольствие, после чего он может продолжить представление...

В Лахор мы прилетели по любезному приглашению министра здравоохранения В. Бурки прочесть лекции о достижениях советской медицины.

В последнее время мне довелось путешествовать по странам Востока. Я побывал в Индии, посетил Индонезию. Могу уверенно сказать, что Лахор — один из интереснейших восточных городов. Он утопает в зелени парков и тропической растительности. Уличное движение необыкновенно живописно: рядом с автомобилями новейших марок, похожими на сплющенных акул, с треском несутся мотоциклы. Тут же потрухивают лошади, влекущие за собой неуклюжие дилижансы, битком набитые народом. Мелко семеня маленькими ножками, ослики катят арбы на огромных колесах. И в этом столь пестром уличном потоке вижу велосипедистов-студентов, бешено крутящих педали: им, как и всем студентам мира, всегда не хватает времени...

В городе около двухсот исторических памятников. Можно долго любоваться архитектурой крепости Красный форт. Здесь теперь размещен музей древнего оружия. Восхищение вызывает и тончайшая внутренняя отделка здания, его сверкающие купола, выложенные изнутри мелкими выпуклыми зеркальцами, порталы, стены, инкрустированные драгоценными камнями...

— Следы осколков? Здесь были военные действия? — спросили мы, увидев на стенах подозрительную сыпь.

— Да, это действительно следы. Только не боев, нет. Покидая страну, наши западные покровители разграбили многие сокровища. Во всех вот этих запылившихся гнездах должны находиться драгоценные камни. Но, увы, камушки очень понравились британским «цивилизаторам», и они увезли их с собой...

Слушая грустный рассказ нашего гида, мы думали о судьбе талантливого народа, доведенного английскими колонизаторами до положения крайней нищеты.

Побывали мы, разумеется, и в старой части Лахора, в шумной путанице ее улиц. Когда идешь по этим улицам, чувствуешь себя единственным покупателем, которому все желают всё продать. Зазывалы кричат вам в ухо, на все лады рекламируя свой товар. Продают все, что производится как в самом Пакистане, так и в других странах.

В Лахоре мы посетили университет. Он только что отпраздновал столетие своего существования.

И тут мы снова имели возможность убедиться, как живо интересуются советской медициной наши пакистанские коллеги. На лекцию об успехах советской клинической и экспериментальной хирургии пришло более тысячи человек, хотя в университете обучается всего лишь семьсот студентов. При нашем появлении все как один встали и долго аплодировали посланцам Советской страны.

Я подробно рассказал об операциях на сердце и кровеносных сосудах, которые успешно проводятся в Советском Союзе с помощью аппарата «искусственные сердце и легкие», и сообщил новейшие данные по пересадке органов и тканей в эксперименте.

Слушателей особенно заинтересовала демонстрация сосудосшивающего аппарата конструкции советских ученых. Эта чудесная машинка позволяет соединять кровеносные сосуды мельчайшего диаметра. Операции на крупных сосудах, таких, как, например, аорта, обычно требуют много времени и большого искусства хирурга, тогда как с помощью аппарата соединение сосудов осуществляется мгновенно. Когда я показывал работу аппарата в действии, все напряженно следили за ходом операции и с нетерпением ожидали, чем все это кончится.

Не надо было быть большим психологом, чтобы прочесть в глазах некоторых слушателей сомнение: «Удастся ли опыт, не сорвется ли демонстрация?» Их можно понять. Ведь они так много слышали о нас всяких небылиц. И уж, конечно, они совсем не представляли себе уровень развития советской медицинской техники.

Зал разразился громом аплодисментов, когда я пригласил к себе в ассистенты внимательно следившую за ходом операции молодую женщину. Она смущенно поднялась на эстраду. Я попросил ее нажать рычажок аппарата и этим самым осуществить соединение сосудов. Трепетная рука дотронулась до рычажка. Аппарат сработал. Операция закончилась вполне успешно. Мои слушатели и зрители убедились в прочности шва.

Недоверие исчезло. Я еле успевал отвечать на десятки вопросов о применении сосудосшивающего аппарата в клинике и эксперименте.

На другой день мы были гостями женского колледжа имени Фатимы, созданного в 1948 году, после ухода английских колонизаторов. Душой и организатором колледжа является видный ученый профессор Шуджаат Али. Он рассказал нам, что в колледже обучается шестьсот студенток, что срок обучения пять лет и что колледж уже выпустил четыреста врачей.

Профессор с гордостью говорил, что за последние годы заметно изменился и профессорско-преподавательский состав. Пять женщин-пакистанок заведуют кафедрами, многие читают лекции. Он с энтузиазмом воскликнул, что мечтает в недалеком будущем заменить женщинами весь преподавательский состав.

— Но тогда вам лично придется сдать свой портфель, — пошутили мы. — Женщины-профессора объединятся и предъявят вам ультиматум...

Профессор рассмеялся.

— Ну, что ж, я предвижу и такую возможность и вполне к этому подготовился. — И он тут же познакомил нас с дочерью, видным профессором анатомии.

— Я предусмотрительный человек, готовлю себе преемника.

Приятно было нам, советским врачам, ощущать атмосферу горячего энтузиазма, царящую в учебном заведении. И женщины-профессора и студентки вкладывают много сил и молодого задора в создание кафедр, лабораторий, кабинетов.

Не могли мы не заметить, что между женским и мужским колледжами, расположенными по со-

Ловкость рук, или ЧУДЕСА БЕЗ СЕКРЕТОВ

Иллюзионист Дик ЧИТОШВИЛИ начинает рассказывать о «секретах» фокусов.

Деди — так звали первого фокусника, который упоминается в очень древней египетской рукописи, дошедшей до нас со времен фараона Хеопса.

Описывая великолепнейшие дворцы и пышную жизнь фараонов, составитель папируса рассказывает о «волшебниках». Искуснейшим из них был Деди. Однажды его привели к фараону, и тот грозно спросил «волшебника»:

— Так ты и есть тот самый Деди, который может отрубить голову живому существу и опять соединить ее с туловищем?

— Да, владыка, — ответил фокусник.

— Что ж, покажи, на что ты способен! — потребовал фараон и велел привести раба.

— Только не человека, о мой господин! — воскликнул Деди. — Я ничтожный раб, а жизнь человека лишь в твоих руках и руках богов. Но дай мне гуся; я отрублю ему голову и снова соединю с туловищем!

По знаку Хеопса фокуснику принесли гуся. Деди выхватил из-за пояса нож и перерезал гусю шею. Потом он отнес туловище птицы к западной стене зала, а голову — к восточной. Вернувшись на прежнее место, Деди начал шептать заклинания. И произошло чудо: голова и туловище стали медленно сближаться, соединились, и гусь ожил.

Из текста папируса не ясно, как удавались Деди эти трудные фокусы. Он не открывал своих секретов никому, даже фараону. Иначе фокус Деди, утратив свою таинственность, потерял бы и свою бессмертность, а имя Деди как величайшего кудесника того времени не дошло бы до наших дней.

Деди был прав. Кого бы вообще стали интересовать фокусы, если бы люди знали их секреты? Достаточно вспомнить знаменитый фокус француза Робера Гудена, которым он прославился в середине прошлого века. Гуден брал легкий железный ящик, клал в него несколько монет, ставил на железную подставку, и никто из присутствующих в зале не мог больше сдвинуть ящик с места. На сцену выходили известные силачи, пытавшиеся поднять «чудесный ящик», но их попытки были безрезультатны. Все же дело в том, что под подставкой ящика был помещен сильный электромагнит, провода от которого шли за сцену. И как только секреты электричества стали известны широкой публике, фокус перестал быть фокусом.

Зато другой (по мнению Гудена, «худший») трюк, с растущим на глазах публики лимонным деревом, заставляет людей по сей день строить различные догадки и предположения. Финский магик Солму Мякеля в своем труде «Большая книга чудес» пытается объяснить этот фокус следующим образом: «Сделанные из папиросной бумаги цветы появлялись на голых ветках и превращались затем в хорошо сделанные бумажные плоды. Настоящие же лимоны были прикреплены к веткам железными булавками и спрятаны среди листвы за железными шторками, выкрашенными в зеленый цвет. Когда Гуден поворачивал шторки, лимоны падали...»

В. И. Ермаков, житель Бурятии, прислал мне письмо, в котором пишет, что нашел в одной старой русской книге иное объяснение этого трюка. «Берется свежее лимонное дерево, имеющее уже несколько цветочных шишек и несколько зародышков к плодам, и мочат оное в хорошем горячем вине 24 часа, а незадолго до опыта сажают в горшок или в другой какой сосуд, наполненный чистой садовой землей, смешанной с третьей долею негашеной извести. Потом поливают ее понемногу обыкновенной колодезной или дождевой водой; тогда соразмерно тому, как известь будет гаснуть, станет и дерево давать цветы, а напоследок и плоды».

Как делал Гуден свой фокус, понять трудно. Более вероятным кажется объяснение Мякеля, но я думаю, что не исключена возможность и совсем иного принципа.

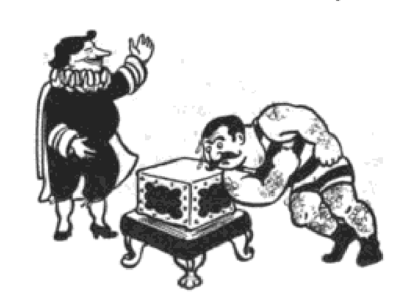
У нас в стране есть немало любителей фокусов. Редакция «Огонька» передала мне множество писем читателей с просьбой поделиться кое-какими «секретами». О некоторых фокусах я хочу рассказать.

Посмотрите на фотографию № 1: из бутылки льется вино. Но вот бутылка завернута в бумагу. Небольшая пауза — и в бумаге ничего нет. Бутылка исчезла.

Затем я беру шелковый платок и кладу его на газету. Завернув платок в газету, разрезаю ее вместе с платком пополам. В каждой руке — половина газеты и половина платка. Но вот я соединяю обрезки и медленно вытаскиваю совершенно целый платок (фото №№ 2 и 3).

«Секреты» этих неболь-

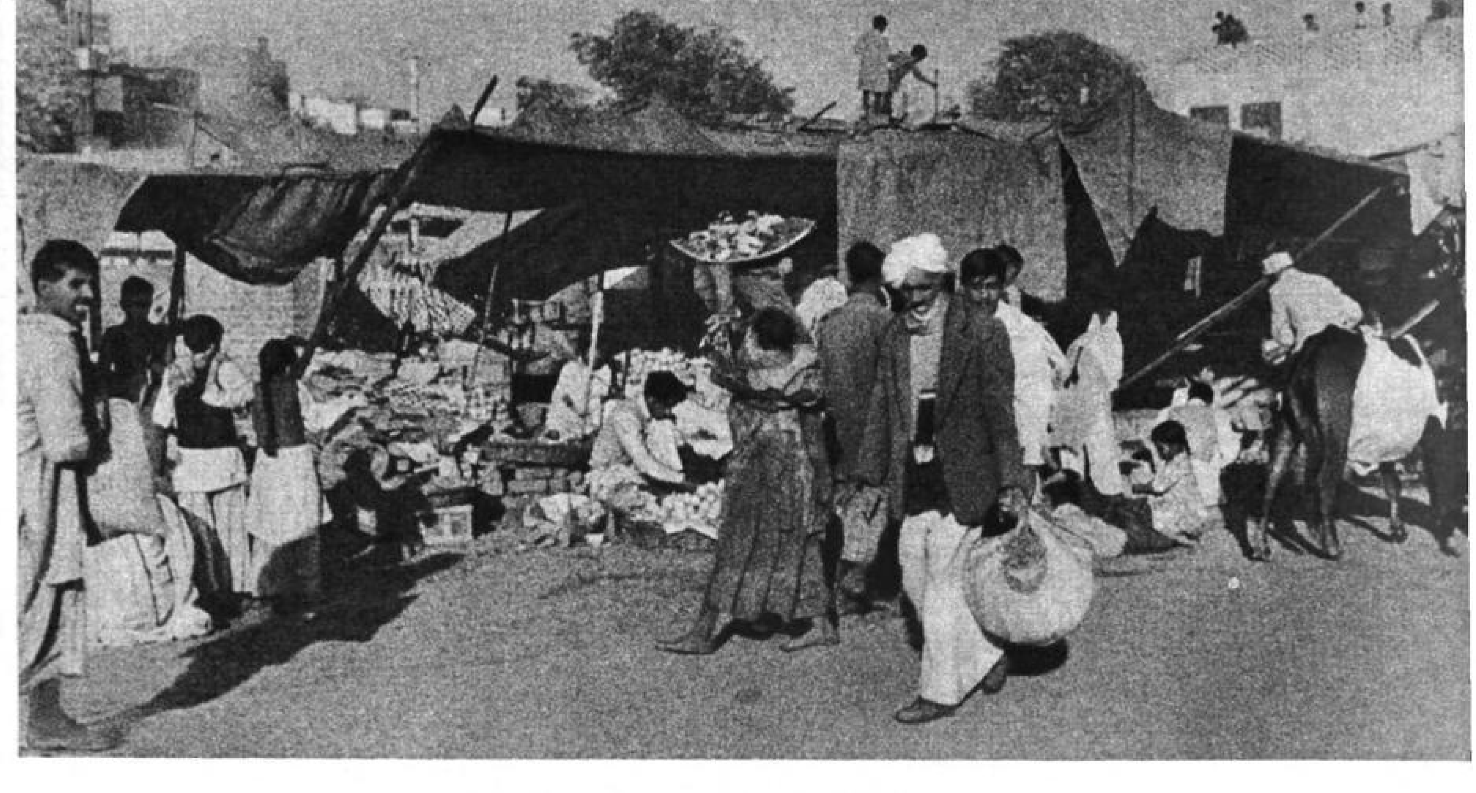

седству, идет негласное соперничество. Наши собеседницы то и дело спрашивали, какой колледж нам больше понравился — мужской или женский.

Мы советовали нашим новым знакомым, чтобы колледжи не только соперничали, но и обменивались опытом. Восторженно было принято пожелание об установлении тесного контакта с медицинскими институтами Советского Союза.

Наше пребывание в женском колледже закончилось товарищеским обедом. Студентки оказались не только подающими надежды медиками, но и искусными поварихами, гостеприимными хозяйками. За обедом мы видели открытые оживленные лица, слышали задорный смех, веселые шутки, остроумные реплики девушек, подруги которых еще ходят по улицам, прикрывая лицо пардой.

Торговые ряды старой части Лахора.

И здесь, конечно, на нас обрушился шквал вопросов о Советском Союзе, о положении женщины в советских республиках. Как жалели мы, что в составе нашей делегации не было женщин-медиков! Присутствующие, например, не сразу поверили, что в Советском Союзе матери, родившие и воспитавшие шесть и более детей, получают денежное пособие, награждаются медалями, что у нас существует почетнейшее звание «Мать-героиня».

Да и как в это поверить в стране, где ведется кампания за уменьшение рождаемости, а при появлении ребенка родители обязаны немедленно уплатить налог в двадцать рупий...

Вечером преподаватели колледжа и врачи города устроили в честь советской делегации необыкновенно теплый и сердечный прием. Мне запомнилось выступление профессора Риаз Али Шаха, президента Медицинской ассоциации города Лахора. Видный ученый и общественный деятель взволнованно говорил:

— Нам предстоит решать тяжелейшие проблемы. У нас не хватает врачей, медицинских сестер, больниц, клиник. Совсем мало научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений. Армия микробов разных форм и масштабов свирепствует по всей стране, и часто мы лишены возможности отражать ее атаки. Тринадцать лет назад, после ухода англичан, нам пришлось начать почти с нуля во всех областях нашей деятельности. Поэтому нам дороги и те небольшие успехи, каких мы уже добились.

И еще хочется упомянуть о самодеятельном концерте, который показали нам студенты-медики. Мы любовались грациозностью и пластичностью танцев, красотой и разнообразием костюмов, выразительностью мимики танцующих.

Любопытно, что концерт включал и некоторые сатирические номера. Так, например, студенты представили живые сценки, в которых зло высмеивались уродливые образцы западного искусства, проникающего сюда вместе с американским оружием. Они великолепно пародировали стиляг, «работающих» под Запад, высмеивали феодальные пережитки в своей стране.

Запомнилась, например, выразительная интермедия, разыгранная студентом и студенткой. В первой части молодые медики оживленно беседовали между собой — счастливые, полные радужных надежд... А во второй части сценки мы увидели их не просто товарищами и друзьями, а мужем и женой... Довольный собою, он важно шагал впереди, а метрах в пяти позади него, с поникшей головой, с лицом, закрытым пардой, смиренно шествовала она, его жена... Эта сатирическая сценка встретила особенно бурный отклик в зрительном зале.

Сейчас, когда, вернувшись домой, я обдумываю все, что мне довелось увидеть и услышать в этой далекой восточной стране, я вспоминаю тепло наших встреч с пакистанскими медиками, и мне кажется, что еще чувствую крепкие рукопожатия.

ших фокусов довольно просты.

На бутылку надевается выкроенный и склеенный из черной глянцевой бумаги футляр, который можно свободно снимать. В бутылку наливается вино, а на футляр наклеиваются соответствующие этикетки. Справа от фокусника стоит стул, за спинкой которого (разумеется, невидимо для зрителя) заранее укреплен металлический ободок с мешочком. Через этот ободок в мешочек должна свободно проходить бутылка. Рядом с ободком на спинку стула кладется сложенный лист бумаги. Постучав для убедительности по бутылке и налив стакан вина, фокусник подходит к стулу и берет лист бумаги левой рукой. Одновременно правой рукой он незаметно опускает бутылку в мешочек. В руках фокусника остается лишь футляр, который он и заворачивает в бумагу.

Фокус с косынкой также прост. Взяв две одинаковые косынки, отрежьте у одной из них уголочек и приклейте его к краю сложенной вчетверо газеты. Поверх уголочка наклейте кусочек газеты. Наклейте его так, чтобы образовался квадратный карман, в который можно целиком спрятать весь отрезанный уголок косынки. Затем на подготовленную вами газету кладете косынку, заворачиваете ее и ловко вытаскиваете из газетного кармана заранее отрезанный и приклеенный уголочек. Целую же косынку проталкиваете в другую половину косынки. Теперь можете браться за ножницы. Сложив обе разрезанные половины, незаметно уберите уголочек в газетный карман и вытаскивайте целую косынку. Здесь все зависит, конечно, от ловкости.

Особенно много существует карточных фокусов.

Предполагают, что карты возникли в VII веке, когда китайцы изобрели бумажные деньги. Существует также индийская легенда, рассказывающая, что карты были изобретены женой одного магараджи с целью отучить его от дурной привычки дергать себя за бороду. Карты у индусов были нарисованы от руки на деревянных пластинках и на рыбьей чешуе.

Предполагалось, что четыре масти обозначают четыре сословия: церковь, дворянство, купечество и крестьянство. Затем появляются карты с астрономическими и мифологическими изображениями. А в XVII веке на картах стали изображаться даже целые политические сюжеты. Однако более стойкими оказались календарные карты. Двенадцать карт четырех мастей (валет, дама, король) как бы символизируют 12 месяцев в году. 13 карт каждой масти — число недель в квартале, 52 карты в колоде — число недель в году, 4 масти — 4 сезона, а общее число очков в колоде — 364 плюс один джокер — число дней в году.

Карточные фокусы очень популярны. Научиться некоторым из них не представляет особого труда. Предложите, например, приятелю взять из колоды 10 карт. Затем попросите запомнить название и порядковый номер любой из них, считая сверху колоды. Ни масть, ни номер вам не называют. Взяв ненадолго карты, надо просмотреть их и возвратить обратно. После этого вы просите приятеля переложить сверху вниз одну за другой столько карт, сколько было до замеченной им карты. А последней положить и замеченную. Например, ваш приятель заметил четвертую карту и, значит, должен переложить сверху вниз четыре карты. Не следя за этой перестановкой, вы уверенным голосом командуете:

— Теперь переложите одну карту сверху вниз, а следующую на стол. Затем еще одну сверху вниз. И снова следующую на стол. Так — пока не останется в руках одна карта. Это и есть избранная вами!

Фокус здесь происходит автоматически. Но одной детали люди не замечают. Делая вид, что вы ищете избранную карту, изучая колоду, надо незаметно переложить пять карт снизу наверх, что и дает в конце фокуса желаемый результат.

В свое время мастером фокусов с картами и другими мелкими предметами считался итальянец Боско. Любопытно, что научился он фокусам в России, попав в плен во время войны 1812 года. Здесь он развлекал по вечерам пленных, постепенно доведя технику рук до совершенства. Вернувшись на родину, Боско стал фокусником. Он показывал фокусы не только на сцене, но и повсюду, где бывал: на улице, в кафе, в парках. Часто случалось, что когда он демонстрировал свое искусство незнакомому человеку, тот восклицал: «Мосье, вы или сам дьявол, или сам Боско!» Боско приобрел почти сказочную известность. Имя его стало нарицательным.

Некоторые из фокусов Боско дошли до наших дней. Но я раскрою вам секреты других фокусов — с мелкими предметами, которые всегда находятся под руками.

Фокус со спичкой. Надо взять спичку, зажать ее между кончиками больших пальцев, а остальные пальцы переплести. Потом большие пальцы размыкаются, а спичка сама по себе таинственно реет в воздухе.

Фокус делается так. Спичку зажимают между большими пальцами рук, укрепив ее кончик под ногтем указательного пальца. Этот палец с торчащей спичкой скрыт остальными. После того, как большие пальцы размыкаются, указательный движется, и спичка как бы реет в воздухе (фото № 4).

Спичка — очень удобный реквизит для фокусника-любителя. Поэтому раскрою вам секрет еще одного фокуса. Разверните носовой платок на ладони, как это показано на фотографии № 5, и положите на него спичку. Затем прикройте спичку четырьмя уголками платка и дайте приятелю ее сломать. Раскройте платок — в середине его окажется целая спичка. Все дело в том, что вы дадите ему ломать спичку, заранее продетую вами в прошитый рубец края платка.

Вот вам небольшая шуточная программа для семейного вечера.

1

2

3

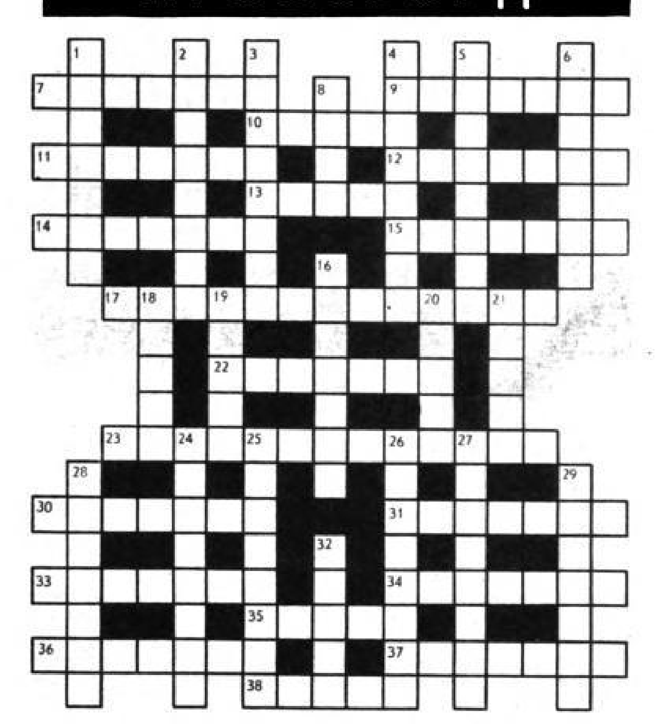

4

5

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Город в Китае. 9. Русский академик, минералог. 10. Опорное приспособление на металлорежущем станке. 11. Южное дерево. 12. Специалист сельского хозяйства. 13. Река на острове Куба. 14. Мучное изделие. 15. Ценная железная руда. 17. Чувство признательности. 22. Поделочный камень. 23. Декоративный кустарник. 30. Роман Б. Горбатова. 31. Занимательность, увлекательность. 33. Часть слова. 34. Пусковое устройство двигателя внутреннего сгорания. 35. Пушной зверек. 36. Польский ансамбль песни и танца. 37. Озеро на Аляске. 38. Небольшой водный поток.

По вертикали:

1. Математический знак. 2. Сорт озимой пшеницы. 3. Остров в Тирренском море. 4. Чемпион СССР по шахматам. 5. Персонаж оперы Ж. Бизе «Кармен». 6. Продукт нефтеперегонки. 8. Русский исследователь Арктики. 16. Армянский писатель-сатирик. 18. Единица измерения светового потока. 19. Помещение для стоянки автомобилей. 20. Электронная лампа. 21. Пойменный лес в Средней Азии. 24. Промышленный город в Донбассе. 25. Футляр с дорожными принадлежностями. 26. Композитор, автор широко известных полонезов. 27. Бактериальное удобрение. 28. Надстройка в носовой части корабля. 29. Стихотворение А. С. Пушкина. 32. Птица, уничтожающая грызунов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

7. Поросль. 8. Брюллов. 9. Сумароков. 10. Капкан. 12. Венера. 14. Индия. 16. Проспект. 19. Каротель. 22. Аэронавигация. 23. Элеватор. 26. Кавасаки. 28. Афиша. 29. «Старик». 31. Руднев. 33. «Хованщина». 34. Салерно. 35. Таврида.

По вертикали:

1. Косеканс. 2. Корсак. 3. Ильменит. 4. Краковяк. 5. Плывун. 6. Фосфорит. 11. Одоевский. 13. Брумель. 15. Словаки. 17. Поэма. 18. Киото. 20. Агава. 21. Орина. 24. Ватерпас. 25. Раковина. 26. Кардиган. 27. Стерлядь. 30. Рихтер. 32. Драпри.

На первой странице обложки: Строители самой северной высоковольтной линии электропередачи И. А. Воловик и В. Т. Слободянюк. По этой линии ток пойдет на строительство Вилюйской ГЭС в Якутии.

На последней странице обложки: Здесь, в глухой тайге Якутии, будет сооружена Вилюйская ГЭС.

Фото Я. Рюмкина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47. ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02094. Подписано к печати 5/IV 1961 г. Формат бум. 70 x 108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд № 437. Заказ № 851.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Часы «пик».
Рисунок А. Курицына.

Скопировал.
Рисунок А. Курицына.

Сохранность гарантируется.
Рисунок В. Гальбы.

— Долби, долби. И дупло дачникам сдадим!
Рисунок М. Вайсборда.

ТРУДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Трудное, незавидное положение у наших двух гроссмейстеров. Как им вести борьбу, чтобы все остались довольны: зрители, радиослушатели, критики и… они сами? Стоит только сыграть две-три партии вничью, как отчеты корреспондентов пестрят предостерегающими заголовками: «Снова ничья!» Зрители уходят домой с упреком Талю и Ботвиннику: испортили, мол, вечер — и с угрозой, что больше на матч не пойдут (до следующей партии, конечно!).

Как известно, седьмая и восьмая партии не закончились вничью, и все должны быть вроде довольны. Так нет. Как попало бедному Талю за седьмую партию! Одни говорили, что Таль играл, «как ребенок», другие писали о «шаге к утраченной короне»…

Два года на глазах у всего шахматного мира Ботвинник увлекается… защитой Каро-Канн. Баланс в прошлом году был: пятьдесят процентов выигранных партий. В этом году дела «хуже». Из четырех партий «доходы» составляют две ничьих, «убытки» — два поражения. В восьмой партии Таль нанес репутации солидной защиты серьезный ущерб.

Очень часто зрители задают вопрос: неужели Таль и Ботвинник будут постоянно исполнять в театре эстрады только два номера: защита Нимцовича и Каро-Канн? Ответить невозможно на этот вопрос. Во-первых, этого никто не знает; во-вторых, это явилось бы вмешательством во «внутренние дела», вмешательством в спортивный и творческий конфликт Таля с Ботвинником.

Зрители получили большое удовольствие от седьмой и восьмой партий. Да и самим участникам один «нокаут» противнику, несомненно, доставляет большее удовлетворение, чем две ничьих. Ботвинник энергично заматовал Таля; Таль тут же рассчитался и заматовал Ботвинника. Причем оба раза это было сделано так блестяще, что можно утверждать: в седьмой партии мы видели молодого Ботвинника, в восьмой — наконец-то старого Таля!

САЛО ФЛОР,
международный гроссмейстер

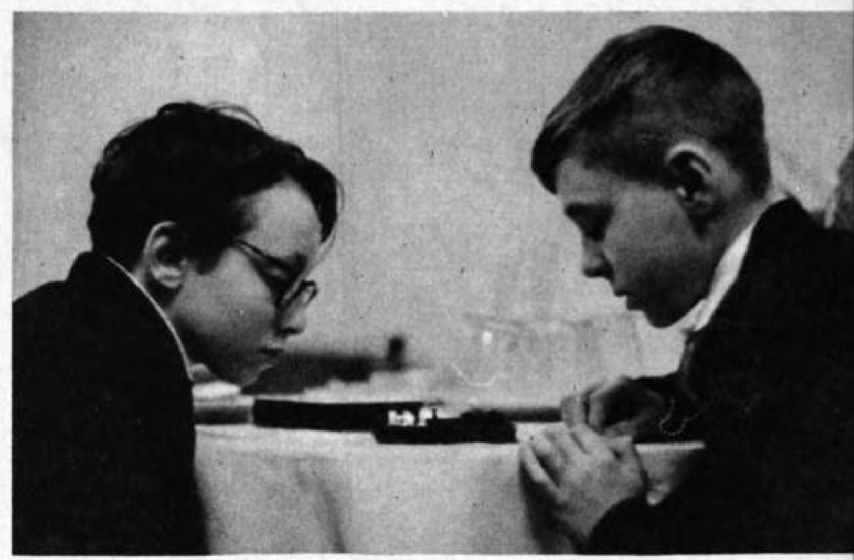

Они снова за одной доской. Слева — М. Таль, справа — М. Ботвинник.

Эти три человека присутствуют на каждой игре: секундант чемпиона мира М. Таля А. Кобленц, арбитр матча Г. Голомбек (Великобритания) и главный арбитр Г. Штальберг (Швеция).

Кто будет Талем, кто Ботвинником? Это покажет будущее.

М. Таль — М. Ботвинник

Фото Е. УМНОВА.

Ретивые болельщики оккупировали даже буфетные столики.

Партия отложена. Но как же можно покинуть зал, не доиграв ее сразу за двоих?

Каждый из этих любителей шахмат по-своему реагирует на очередной ход.

Цена номера 30 коп.